

# **Азбука духовная преподобный Исаак Сирин Ниневийский**

## Аннотация

### Аннотация

Аскетические писания прп. Исаака Сирина (VII в.), епископа Ниневийского, исполненные тонкого духовного ведения и мистического опыта, во все времена были излюбленным чтением не только монахов, но и мирян Православной Церкви. «Слова подвижнические» были переведены с сирийского языка на греческий в конце IX – начале X вв. и получили широкое распространение в восточно-христианском мире. Первый славянский перевод появился в XIV в. Зрение духовных глубин, которого сподобился святой, всецелая устремленность к Богу, проникновение в Божественные тайны поставили писания прп. Исаака в один ряд с творениями величайших богословов Вселенской Церкви.

Преподобный Исаак Сирин писал главным образом для монашествующих. Основная тема его духовных сочинений – конечная цель аскетических подвигов: молитвенное созерцание Бога и обожение человека. Но чтение «Азбуки духовной» научает самоуглублению и вдохновляет на подвиги каждого христианина.

## Апостолы.

Апостолы... весь мир обошли, трудясь и терпя поношение... из усеченных членов своих изливали кровь, как воду; в лютых страданиях не малодушествовали, но претерпевали их доблестно, и, быв мудрыми, признаны безумными. Иные же скитались в пустынях, в горах и вертепах, в пропастях земных, и в нестроениях были самые благоустроенные. Сего безумия достигнуть да сподобит нас Бог!

(Слово 73, стр. 370)

## **Авва Антоний.**

Блаженный Антоний никогда не решался сделать что-либо, полезное более для него самого, нежели для ближнего, в том уповании, что выгода его ближнего – наилучшее для него делание.

## **Авва Агафон.**

Рассказывают об авве Агафоне, будто бы сказал он: «Желал бы я найти прокаженного и взять у него тело его, а ему дать свое». Видишь ли совершенную любовь? И так же относительно того, что у него было вне его, он не мог утерпеть, чтобы не упокоить тем ближнего своего. И еще: был у него ножичек; брат, пришедши к нему, пожелал его иметь, и авва не дал ему выйти из келлии своей без этого ножичка. Таково и прочее, написанное о подобных мужах. Но к чему я говорю это? Многие из них ради ближнего предавали тела свои зверям, мечу и огню.

## **Ангелы.**

Иногда ангелы наставляли на путь тех из подвижников, которые заблуждались; иногда избавляли тех, которые впадали в искушения; иногда, при внезапной беде и угрожающей опасности, исхищали их от этого, спасая, например, от змия или от (падения) скалы, или от стрелы, или от брошенного камня; иногда, если враг явно нападал на святых, являлись видимым образом и говорили, что посланы на помощь к ним, и придавали им смелость, отважность и отраду; а в иное время совершали чрез них исцеления, иногда же исцеляли самих святых, подвергшихся каким-либо страданиям.

## Безмолвники.

**ВОПРОС.** *Какие помыслы и размышления должно иметь подвижнику, пребывающему на безмолвии, в безмолвной своей келий, и что надлежит ему непрестанно делать, чтобы ум его не имел досуга для суетных помыслов?*

**ОТВЕТ.** Спрашиваешь о помысле и размышлении, как человек становится мертвым в келлии своей? Разве человек рачительный и трезвенный душою имеет нужду спрашивать, как ему вести себя, когда бывает он один сам с собой? Какое иное занятие у монаха в келлии его, кроме плача? Разве бывает у него время от плача обратиться к другому помыслу? И какое занятие лучше этого? Самое пребывание монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванию во гробе, далекому от радости человеческой, учат его, что деятельность его – плач. И самое значение имени его к тому же призывает и убеждает, потому что называется он сетующим, т. е. исполненным горести в сердце. И все святые в плаче переселялись из сей жизни. Если же святые плакали, и, пока не переселились из жизни сей, очи их всегда были наполнены слезами, то кто же не будет плакать? Утешение монаху порождается плачем его. И если совершенные и победоносные здесь плакали, то как стерпит исполненный язв, чтобы пребыть ему без плача? Поэтому, если пойдем на безмолвие и с терпением будем пребывать в нем, то, конечно, в состоянии будем пребывать в плаче. Посему будем непрестанно в уме своем молить Господа, чтобы даровал нам плач. Ибо, если приимем сию благодать, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то, при помощи ее, достигнем чистоты. А как скоро достигнем ее, не отнимется уже у нас чистота до самого исхода нашего из жизни сей.

Посему блаженны чистые сердцем, потому что нет времени, когда бы не услаждались они сею сладостию слез, и в ней всегда зрят они Господа. Пока еще слезы у них на глазах, они сподобляются зрению откровений Его на высоте молитвы своей; и нет у них молитвы без слез.

Сие-то и значит сказанное Господом: «блажени плачущии, яко тии утешатся» (Мф. 5:4). Ибо от плача приходит человек к душевной чистоте. Посему Господь, сказав: «яко тии утешатся», не объяснил: каким утешением. Ибо, когда монах сподобился с помощью слез прейти область страстей и вступить на равнину душевной чистоты, тогда сретаёт его таковое утешение. Посему, если кто из получивших утешение здесь прострётся на сию равнину, то на ней встретит утешение, необретаемое здесь, и уразумевает тогда, какое получает конец плача утешение, которое плачущим даёт Бог за чистоту их; потому что непрестанно плачущий не может быть тревожим страстями. Пролить слезы и плакать, это – дарование бесстрастных. И если слезы временно плачущего и сетующего могут не только путеводить его к бесстрастию, но и совершенно очистить и освободить ум его от памятования страстей, то что скажем о тех, которые с ведением день и ночь упражняются в сем делании? Посему никто не знает помощи, бывающей от плача, кроме тех одних, которые предали души свои делу сему. Все святые стремятся к сему входу (т. е. к получению дара плача), потому что слезами отверзается пред ними дверь для вшествия в страну утешения; и в этой стране в откровениях изображаются преблагие и спасительные следы Божии.

(Слово 21, стр. 97–99)

## **Безмолвники удалялись от бесед с людьми.**

Если человек однажды отворит дверь по каким-либо побуждениям, то диавол не престанет выставлять ему на вид некоторые из сих побуждений, под многими предложениями, к частым и бесчисленным встречам с людьми. Поэтому если ты, брат, истинно любишь добродетель такового безмолвия, которое не терпит в себе ни рассеяния, ни отторжения, ни отделения, и которым побеждали древние, то найдешь в таком случае возможность совершить похвальное свое желание, как скоро уподобишься Отцам своим, и примешь намерение в себе показать житие их. А они возлюбили совершенное безмолвие, не заботились выказывать любовь близким своим, не старались употреблять силы свои на их успокоение и не стыдились избегать встречи с теми, которые почитаются людьми почтенными.

Так они шествовали и не были осуждены людьми мудрыми и ведущими, как пренебрегающие братьями, презрители или нерадивые, или лишенные рассудка, что в оправдание их и сказано одним почитающим безмолвие и отшельничество паче сообщества с людьми. «Человек, – говорит он, – который опытно постигает сладость безмолвия в келлии своей, не как пренебрегающий ближним убегает с ним встречи, но ради того плода, какой собирает от безмолвия». «Для чего, – спрашивает он, – Авва Арсений предавался бегству и не останавливался, встречая кого-либо? Авва же Феодор, если встречал кого, то встреча его была как меч. Никому не говорил он приветствия, когда находился вне своей келлии. А святой Арсений не приветствовал даже и проходящего к нему с приветствием. Ибо в одно время некто из Отцев пришел видеть авву Арсения, и старец отворил дверь, думая, что это служитель его; но когда увидел, кто был пришедший, повергся на лице свое, и, долго умоляемый встать, при уверении пришедшего, что примет благословение и уйдет, святой отказался, говоря: «Не встану, пока не уйдешь». И не встал, пока тот не ушел. И делал

блаженный это для того, чтобы, если однажды подаст им руку, снова не возвратились к нему.

Посмотри же на продолжение слова и тогда не скажешь, что, может быть, Арсений пренебрег сим Отцем, или кем другим, по малозначительности его, а иному ради чести его оказал лицепрятие и беседовал с ним. Напротив того, Арсений равно бегал от всех, и от малых и от великих. Одно было у него пред очами – ради безмолвия пренебрегать сообщением с людьми, будет ли то человек великий или малый, и ради чести безмолвия и молчания от всех понести на себе укоризну. И мы знаем, что приходил к нему архиепископ, блаженный Феофил, а с ним был и судия той страны, имевший желание видеть святого и оказать ему честь. Но Арсений, когда сидел пред ними, даже малым словом не почтил их высокого сана, хотя и очень желали они слышать слово его. И когда архиепископ стал просить его о том, добрый старец помолчал немного и потом говорит: «Сохраните ли слово мое, если скажу вам?» Они изъявили согласие, сказав: «Да». Старец же сказал им: «Если услышите, что тут Арсений, не приближайтесь туда». Видишь ли чудный нрав старца? Видишь ли пренебрежение его к человеческой беседе? Вот человек, познавший плод безмолвия. Блаженный не рассуждал, что пришел учитель вселенский и глава Церкви, но представлял в мысли следующее: «Единожды навсегда умер я для мира, какая же польза от мертвеца живым?» И авва Макарий укорил его исполненною любви укоризною, сказав: «Что ты бегаешь от нас?» Старец же представил ему чудное и достойное похвалы оправдание, ответив: «Богу известно, что люблю вас; но не могу быть вместе и с Богом и с людьми». И сему чудному ведению научен он не иным кем, но Божиим гласом. Ибо сказано было ему: «Бегай, Арсений, людей и спасешься».

Ни один праздный и любящий беседы человек да не будет столь бесстыден, чтобы опровергать это, извращая слова Арсениевы, и да не говорит вопреки сему, что это – изобретение человеческое и изобретено в пользу безмолвия. Напротив того, это – учение небесное. И да не подумаем мы, будто бы сказано было сие Арсению в том смысле, чтобы бежать и удаляться ему

от мира, а не в том, чтобы бегать ему также и от братьев! После того как оставил он мир, пошел и поселился в лавре, снова молился он Богу, вопрошая, как можно жить ему добродетельно, и говорил: «Укажи мне путь, Господи, как спастись», – и думал, что услышит что-либо иное; и во второй раз услышал опять тот же Владычный глас: «Бегай, Арсений, молчи, и безмолвствуй. И хотя много пользы (сказано ему) в свидании и беседе с братьями, однако же не столько полезно для тебя беседовать с ними, сколько бегать от них». И когда принял сие блаженный Арсений в Божественном откровении, и так как, когда был еще в мире, повелено ему бегать и потом, когда был с братиею, изречено то же самое тогда уверился он и познал, что к приобретению доброй жизни недостаточно ему бегать только мирских, должно же убегать от всех равно. Ибо может ли кто противиться и прекословить Божественному гласу? Да и божественному Антонию сказано было в откровении: «Если желаешь безмолвствовать, иди не только в Фиваиду, но даже во внутреннейшую пустыню». Посему, если Бог повелевает нам бегать от всех и столько любит безмолвие, когда пребывают в нем любящие Его, кто станет выставлять на вид какие-либо предлоги к тому, чтобы пребывать в собеседовании и сближении с людьми? Если Арсению и Антонию полезны были бегство и осторожность, то кольми паче полезны они немощным? И если тех, и в слове, и в лицезрении, и в помощи которых имел нужду целый мир. Бог почтил больше за их безмолвие, нежели за вспомоществование всему братству, лучше же сказать – всему человечеству, то кольми паче безмолвие нужно тому, кто не в состоянии хорошо охранять себя?

Знаем и о другом некоем святом, что брат его сделался болен и заключен был в другой келлии. А поскольку святой во все время болезни его превозмогал свою сострадательность и не приходил повидаться с ним, то больной, приближаясь к исшествию своему из жизни, послал сказать ему: «Если ты не приходил ко мне доныне, то приди теперь, чтобы видеть мне тебя прежде отшествия моего из мира, или приди хотя ночью, и я поцелую тебя, и почию». Но блаженный не согласился даже и в этот час, когда природа обыкновенно требует нашего

сострадания друг к другу и преступает определение воли, но сказал: «Если выйду, то не очищусь сердцем моим пред Богом, потому что не радел посещать духовных братий, естество же предпочел Христу?» И брат умер, а он не видал его.

Поэтому никто по лености помыслов да не выставляет на вид, что сие невозможно, да не ниспровергает и да не обращает в ничто своего безмолвия, отвергнув Божий о нем Промысл. Если святые победили самое естество, как оно ни крепко, и если Христос любит, когда чествуют безмолвие, между тем как оставляются в пренебрежении чада Его, то какая может быть у тебя иная необходимость, которой ты не мог бы пренебречь, когда подпадаешь ей? Она же заповедь, в которой сказано: «возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем... умом твоим" (Мф. 22:37), более целого мира и естества, и всего, что в естестве, вполне исполняется, когда пребываешь в безмолвии своем. И заповедь о любви к ближнему заключена в нем же. Хочешь ли, по Евангельской заповеди, приобрести в душе своей любовь к ближнему? Удались от него, и тогда возгорится в тебе пламень любви к нему, и радоваться будешь при лицезрении его, как при видении светлого ангела. Хочешь ли также, чтобы жаждали твоего лицезрения любящие тебя? В определенные только дни имей свидание с ними. Опыт – действительно учитель для всех.

(Слово 23, стр. 111–116)

## **Беседы праздные. Каким образом отучить от праздных бесед приходящих в гости?**

Пошел я некогда в келлию к одному из Отцов. Святой же нечасто кому отворял двери. Но как скоро увидел в окно, что иду я, сказал мне: «Хочешь ли войти?» И я отвечал: «Да, честный Отец». После же того, как вошел я, сотворил молитву, сел, и о многом мы побеседовали, напоследок спросил я его: «Что мне делать, Отец? Иные приходят ко мне, и я ничего не приобретаю, и никакой не извлекаю пользы из беседы с ними, но стыжусь сказать им: не ходите. Даже препятствуют они мне нередко исправлять обычное правило, и потому скорблю». На это отвечал мне блаженный оный старец: «Когда придут к тебе таковые любители праздности, как скоро посидят немного, подай им вид, что хочешь стать на молитву, и пришедшему скажи с поклоном: помолимся, брат, потому что наступило уже для меня время правила, и не могу нарушить оно, тяжело мне делается, когда хочу выполнить оное в другой час, и это бывает для меня причиною смущения, и без крайней какой-либо нужды не могу оставлять правила. А теперь нет необходимости, чтобы отменена была моя молитва. И не отпускай его без того, чтобы не помолился с тобою. Если скажет: молись, а я пойду – сделай ему поклон, и скажи: любви ради сотвори со мною хотя эту одну молитву, чтобы мне была польза от молитвы твоей. И когда станете, продли молитву твою даже сверх того, как обык ты делать. Если так будешь поступать с ними, как скоро придут к тебе, то, узнав, что не потакаешь им и не любишь праздности, не приблизятся и к месту тому, о котором услышат, что ты там.

Посему смотри, чтобы тебе из лицепрятия не разорить дела Божия. Если же встретится кто из Отцов или утрудившийся странник, то побыть с таковым вменится тебе вместо самой длинной молитвы. Но если странник будет один из любителей суесловия, то успокой его по возможности и отпусти с миром».

(Слово 12, стр. 52–53)

## **Бессмертная жизнь.**

ВОПРОС. Что такое бессмертная жизнь?

ОТВЕТ. Ощущение Бога; потому что любовь от ведения, а ведение Бога есть царь всех пожеланий, и сердцу, приемлющему оное, всякая сладость на земле излишня. Ибо нет ничего подобного сладости познания Божия.

Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!

Жизнь вечная есть утешение в Боге; и кто обрел утешение в Боге, тот почитает излишним утешение мирское.

(Слово 38, стр. 160)

## **Бесстрастие.**

ВОПРОС. Что такое бесстрастие человеческое?

ОТВЕТ. Бесстрастие не в том состоит, чтобы не ощущать страстей, но в том, чтобы не принимать их в себя. Вследствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них, и нелегко могут восстать на душу: и ум не имеет нужды непрестанно быть в отношении к ним внимательным; потому что во всякое время исполнен мыслями своими вследствие размышления и беседы о наилучших образах, которые с сознанием возбуждаются в разуме. И как скоро начинают возбуждаться страсти, ум внезапно восхищается от сближения с ними каким-то уразумением, приникшим в уме, и страсти, как сказал блаженный Марк, остаются в нем как бы праздными.

Ум, по благодати Божией, исполняя добродетельные деяния и приблизившись к ведению, мало ощущает то, что составляет худую (страстную) и неразумную часть души. Ибо ведение восхищает его в высоту и отчуждает его от всего, что в мире. И по причине непорочности святых и тонкости, удобоподвижности и остроты ума их, а также по причине их подвига, очищается ум их и оказывается просветленным, по сухости их плоти. И, вследствие обучения их безмолвию и продолжительного пребывания в оном, легко и скоро дается каждому внутреннее и ведет к восторгу в созерцании. При сем, обыкновенно, изобилуют они созерцаниями, и ум их никогда не имеет недостатка в предметах разумения, и никогда не бывают они без того, что производит в них плод духа. Долговременным навыком изглаживаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в душе страсти, и упраздняется сила диавольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстями помышлением о них, тогда, поскольку занята она иною заботою, сила страстей не может в когтях своих удержать духовных чувств ее.

(Слово 48, стр. 210–211)

## Благодать Божия.

Будь проповедником благодати Божией, потому что Бог окормляет тебя недостойного и потому что много ты должен Ему, а взыскания Его не видно на тебе, и за малые дела, тобою сделанные, воздает Он тебе великим. Не называй Бога правосудным, ибо правосудие Его не познается на твоих делах. Хотя Давид именуется Его правосудным и справедливым (Пс. 118:137), но Сын Его открыл нам, что паче Он благ и благодетен. Ибо говорит: "благ есть" к лукавым и нечестивым (Лук. 6:35). И почему именуешь Бога правосудным, когда в главе о награде делателям читаешь: «друзе, не обижу тебе... хочу... и сему последнему дати, якоже и тебе. Аще око твое лукаво есть, яко Аз благ есмь» (Мф. 20:13–15)? Почему также человек именуется Бога правосудным, когда в главе о блудном сыне, блудно расточившем свое богатство, читаешь, что при одном сокрушении, какое явил (сын, – отец), притек и пал на выю его, и дал ему власть над всем богатством своим? (Лук. 15:20–22). Ибо никто другой сказал сие о Боге, чтобы нам сомневаться о Нем, но сам Сын Божий засвидетельствовал о Нем сие. Где же правосудие Божие? В том, что мы грешники, а Христос за нас умер? А если так Он милостив, то будем веровать, что не приемлет Он изменения.

Да не помыслим никогда сего беззакония, чтобы Бога наименовать немилостивым: свойство Божие не изменяется подобно мертвецам, и Бог не приобретает того, чего у Него нет; не лишается того, что у Него есть; не получает приращения подобно тварям. Что имел Бог от начала, то всегда имеет и будет иметь до бесконечности, как сказал блаженный Кирилл в толковании на книгу Бытия: бойся Его, говорит он, по любви, а не по имени жестокого, Ему приданному (т. е. не вследствие того, что люди придали Ему название «жестокий»). Возлюби Его, как обязан ты любить Его, и не за то, что даст тебе в будущем, но за то, что получили мы в настоящем мире, сотворенном ради нас. Ибо кто в состоянии воздать Ему? Где воздаяние Его за дела наши? Кто побудил Его в начале

привести нас в бытие? Кто умоляет Его о нас, когда мы не вспоминаем о Нем? Когда нас еще не было, кто возбудил к жизни это тело наше? И еще, откуда мысль ведения западает в персть? О, как дивно милосердие Божие! О, как изумительна благодать Бога и Творца нашего! Какая сила, довлеющая на все! Какая безмерная благодать, по которой Он естество нас грешных снова возводит к воссозданию! У кого достанет сил прославить Его? Преступника (заповеди) и хулителя Своего восстанавливает, неразумную персть обновляет, делает ее разумною и словесною, ум рассеянный и бесчувственный и чувства расточенные делает Он природою разумною и достойною Божественной мысли! Грешник не в состоянии и представить себе благодать воскресения своего. Где геенна, которая могла бы опечалить нас? Где мучение, многообразно нас устрашающее и побеждающее радость любви Его? И что такое геенна пред благодатию воскресения Его, когда восставит нас из ада, соделает, что тленное сие облечется в нетление (I Кор. 15:53–54), и падшего во ад восставит в славе?

Приидите, рассудительные, и удивляйтесь! Кто, имея ум мудрый и чудный, достойно подивится милости Создателя нашего? Есть воздаяние грешникам, и вместо воздаяния праведного воздает Он им воскресением; и вместо тления тел, поправших закон Его, облакает их в совершенную славу нетления. Эта милость – воскресить нас после того, как мы согрешили, выше милости – привести нас в бытие, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмерной благодати Твоей! Вот, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, и не осталось у меня мысли пред благодарностью к Тебе! (Т.е. всякая мысль во мне умолкла, побежденная благодарностью к Тебе). Какими устами прославим Тебя, Царь благий, любящий жизнь нашу? Слава Тебе за сии два мира, которые создал Ты к возрастанию и наслаждению нашему! Возводя нас от всего созданного Тобою к ведению славы Твоей! Слава Тебе отныне и до века. АМИНЬ.

(Слово 90, стр. 430–432)

## **Благоповедение.**

Все дни жизни своей, куда бы ни пришел ты, признавай себя странником, чтобы быть тебе в состоянии избавиться от вреда, порождаемого вольностию в обращении. Во всякое время думай о себе, что ничего не знаешь, чтобы избежать тебе порицания – по подозрению, будто бы ты хочешь по своему установить мнение другого. Благословляй всегда устами, и не будут тебя злословить, потому что от злословия рождается злословие, а от благословения – благословение. Во всяком деле почитай себя скудным для того, чтобы учить, – и во всю жизнь свою будешь оказываться мудрым. Не преподавай другому того, чего сам не достиг (делом), чтоб не было тебе стыдно самого себя и, по сличении жития твоего, не открылась ложь твоя. Если же станешь говорить кому что-либо полезное, то говори в виде учащегося, а не со властью и бесстыдством, и наперед сам себя осуди и покажи, что ты ниже его, чтобы слушающим показать чин смирения и побудить их выслушать речь твою и приступить к деланию, и будешь почтен в глазах их. Если можешь, то в подобных случаях говори со слезами, чтобы доставить пользу и себе и слушающим тебя, и будет с тобою благодать Божия.

(Слово 56, стр. 282)

## **Ближний. Как принимать ближнего?**

Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его. Лобызай руки и ноги его, обнимай их часто с великою честью, возлагай их на глаза себе, и хвали его даже за то, чего не имеет. А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее и что-нибудь досточестное. Ибо сим и подобным этому привлечешь его к добру, заставишь его чувствовать стыд от того приветствия, каким приветствовал ты его, и посеешь в нем семена добродетели. От такой, снисканной тобою привычки, отпечатлется в тебе добрый образ, приобретешь в себе смирение многое и без труда преуспеешь в великом. А сверх этого, если чествуемый тобою и имеет какие недостатки, легко примет от тебя врачевание, постыждаемый тою честью, какую ты оказал ему. Пусть всегда будет у тебя этот нрав – ко всем быть благоприветливым и почтительным. Никого не раздражай (в сирийском тексте: «ни на кого не гневайся») и никого не ненавидь, ни за веру (т.е. за слабость веры или за неправоту веры), ни за худые дела его, но берегись кого-либо и в чем-либо укорять или обличать, потому что есть у нас нелицеприятный Судия на небесах.

(Слово 57, стр. 306)

## **Блудная похоть. Плотские помыслы. Причина их появления.**

Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, так от сытости – распутство, и от пресыщения – нечистота.

При алчущем и смиренном чреве никак не проникают в душу срамные помыслы. Всякая поглощаемая снедь прибавляет собою влаг и делается естественною в нас крепостию. И когда орудные члены, от происходящего в них напряжения целого тела, делаются полными, и при этом случится увидеть что-либо телесное или в сердце невольно возбудится что-либо вместе с помыслом, тогда от помысла внезапно приходит в движение что-то приятное и распространяется по всему телу. Хотя ум целомудренного и непорочного в своих помыслах крепок, однако же оным ощущением, происшедшим в членах, тотчас возмущается рассудок его, и как бы с высокого какого места нисходит он со своего места, на котором стоит; и святость помыслов его колеблется, и светлое целомудрие оскверняется мятежом страстей, вошедших в сердце при распалении членов. Тогда половина силы его изнемогает, почему можно сказать, что забывает он и первую цель надежды своей, и, прежде нежели вступить в борьбу, без борьбы оказывается пленником, без усилия врагов своих делается подчиненным похоти немогущей плоти. Ко всему этому понуждает волю доброго человека сильное вожделение непрестанного насыщения. Хотя бы и твердо пребывал он в пристани целомудрия, однако же пресыщение склоняет его предаться тому, чего никогда не хотел бы он допустить в сердце свое. И как скоро уснет один помысл, окружает его сборище помыслов, заключающих в себе пустые и срамные мечты, и это чистое ложе его делает притоном блуда и позорищем видений. Когда же в упоении помыслов приобщится беседе с ними, то осквернит преподобные свои члены и без приближения жены. Какое море, волнуется и кипит так от бури, как мятется ум, подвергшийся силе волн, от пресыщения чрева возбуждаемых на него морем плоти его?

А пустота чрева и мысли наши делает страну пустынною, нетревожимою помыслами и безмолвствующею от всех мятежных помыслов. Чрево же наполненное от пресыщения есть область привидений; и пресыщение делает его четырехвратным для нелепых мечтаний, хотя будем и одни в пустыне. Ибо говорят, что пресыщение вожделевает многого.

Когда сподобишься Божественной благодати и душевного бесстрастия, тогда разумей, что не вследствие непоявления в тебе безобразных помыслов, или невозбуждения помыслов плотских (без них никому пробыть невозможно), также не вследствие помыслов, удобно тобою побеждаемых (потому что ими, конечно, не оскверняется и не возмущается мысль, как бы ни была она крайне высока), но вследствие помыслов лучшей мысленной деятельности не оставляется ум в необходимости вести с ними брань и губить их; но, как скоро притупится помысл, ум хищнически восхищается от сближения с ними некоею силою, вне воли состоящею, которая по навыку и по благодати удерживает закваску внутри сердца, которое есть обитель ума.

(Слово 43, стр. 183–185)

Когда тело твое будет укрощено воздержанием, бдением и внимательностию безмолвия (т. е. внимательным (старательным) безмолвием), но почувствуешь, что тело твое, без естественного движения, находится в остроте блудной страсти, тогда знай, что искушен ты помыслом гордыни. Посему примешай пепла в пищу свою, прилепи к земле чрево свое и исследуй, о чем ты помышлял, уразумей изменение естества своего и противоестественные дела свои, и тогда, может быть, помилует тебя Бог, пошлет тебе свет, чтобы научиться тебе смирению и не возрастало в тебе зло твое. Посему не перестанем подвизаться и прилагать старание, пока не увидим в себе покаяния, не обретем смирения и не упокоится сердце наше в Боге.

(Слово 70, стр. 360–361)

## Болезни. Кому и для чего они посылаются?

И когда находишься в болезни, скажи: «Блажен сподобившийся быть искушенным от Бога в том, за что наследует жизнь». Ибо недуги насылает Бог для здоровья души. Некто из святых сказал: «Замечал я, что монаху, который не работает благоугодно Господу и не подвизается ревностно о спасении души своей, но нерадиво обучается добродетелям, непременно попускается Богом впадать в искушения, чтобы не оставался он праздным и от многой своей праздности не уклонился в худшее». Посему-то Бог ввергает в искушения ленивых и нерадивых, чтобы помышляли они об искушениях, а не о суетном. Творит же сие Бог всегда с любящими Его, чтобы вразумить, умудрить и научить их воле Своей. И когда будут умолять Его, нескоро внимлет им, пока не изнемогут и пока твердо не уразумеют, что за нерадение и за леность их приключилось с ними это. Ибо написано: «егда прострете руки ваша ко Мне, отвращу очи Мои от вас; и аще умножите моление, не услышу вас» (Ис. 1:15). И хотя говорится сие о других, но во всяком случае написано вообще об оставивших путь Господень.

Но поскольку говорим, что Бог многомилостив, то почему же, когда постоянно толчем и просим в искушениях, не бываем услышаны, но презирает Он прошение наше. Сему, конечно, учит нас Пророк, говоря: не мала рука Господня, чтобы помиловать, и не тяжел Господь слухом, чтобы услышать. Но грехи наши разлучили нас с Ним, и беззакония наши отвратили лице Его, чтобы не слышать (Ис. 59:1–2). Во всякое время памятуй о Боге, и Он воспомянет о тебе, когда впадешь в беды.

(Слово 57, стр. 298–299)

## **Ведение. Ведение плотское, или знание. О первой степени ведения.**

Когда ведение следует плотскому вожделению, тогда сводит воедино следующие способы: богатство, тщеславие, убранство, телесный покой, рачение о словесной мудрости, годной к управлению в мире сем и источающей обновление в изобретениях, и искусствах, и науках, и все прочее, чем увенчивается тело в этом видимом мире. А по сим отличительным чертам, как сказали и распределили мы, ведение делается противным вере. И оно именуется голым ведением, потому что исключает всякое попечение о Божественном, и по причине преобладания тела вносит в ум неразумное бессилие, и все попечение его совершенно о сем только мире. Вот понятие о себе этого ведения: оно, без всякого сомнения, есть мысленная сила, тайно правящая человеком, Божественная попечительность, назирающая над ним и совершенно о нем пекущаяся. Посему не Божью промыслу приписывает оно управление миром, но все доброе в человеке, спасение его от вредоносного для него и естественное его остережение от несчастий и от многих противностей, тайно и явно сопровождающих естество наше, кажутся ему следствием собственной его рачительности и собственных его способов. Таково понятие о себе размышляющего (в переводе с греческого приблизительно то же, что «философствующего») ведения. Оно мечтает, что все бывает по его промыслению; и в этом согласно с утверждающими, что нет управления сим видимым миром. Впрочем, не может оно пребывать без непрестанного попечения и без страха за тело, а потому овладевают им малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбойниках, слухи о смертях, заботливость в болезни, тревога в скудости и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий и злых зверей и все прочее, сходное с сим и уподобляющееся морю, в котором ежечасно день и ночь мятутся и устремляются на пловцов волны, так как ведение сие не умеет попечения о себе

возвергать на Бога в уповании веры в Него. А потому во всем, что касается до него самого, бывает занято придумыванием средств и ухищрений. Когда же способы его изобретений в одном каком-либо случае окажутся недействительными, таинственного же в сем Промысла оно не усмотрит, тогда препирается с людьми, которые препятствуют и противятся ему.

В сем-то ведении насаждено древо познания доброго и лукавого, искоряющее любовь. И оно разыскивает малые проступки других людей, вины их и немощи, и настраивает человека учительствовать, прекословить на словах, измышлять лукавые средства и хитрости; прибегает оно и к прочим способам, оскорбительным для человека. В нем надмение и гордыня; потому что всякое доброе дело присвоет себе, а не Богу приписывает.

Вера же дела свои вменяет благодати, потому и не может превозноситься, как написано: «вся могу о укрепляющем мя Христе» (Фил. 4:13); и еще: «не аз же, но благодать Божия, яже со мною» (I Кор. 15:10). А что сказал блаженный апостол: «разум кичит» (I Кор. 8:1), то изрек сие о сем ведении, не растворенном верою в Бога и надеждою на Него, а не о ведении истинном. Да не будет сего!

Ведение истинное душу приобретших оное усовершенствует в смирении, как усовершило Моисея, Давида, Исаию, Петра, Павла и прочих святых, сподобившихся сего, по мере естества человеческого, совершенного ведения. И в подобных сим святым ведение их всегда поглощается необычайными созерцаниями, Божественными откровениями, высоким созерцанием духовного, неизреченными таинствами, и душа их в очах их почитается пеплом и перстию. Другое же ведение, как и свойственно ему, кичится, потому что ходит во тьме, ценит достояние свое по сравнению с тем, что на земле, и не знает, что есть нечто лучшее его. В превозношение же вовлекаются все потому, что они на земле, житие свое взвешивают плотию, опираются на дела свои, и не помышляют в уме своем о непостижимом. И подвергаются этому, пока плавают в волнах сих. Но святые преуспевают в славной Божественной добродетели; и делание их горе, и мысль их не уклоняется в

попечение об изобретениях и о суетном, потому что ходящие во свете не могут заблуждаться. Посему-то все удалившиеся от света познания Сына Божия и уклонившиеся от истин ходят по сим стезям. Вот первая степень ведения, на которой человек последует плотской похоти! Сие-то ведение мы и осуждаем, и признаем оное противным не только вере, но и всякому деланию добродетели.

(Слово 26, стр. 124–127)

## **Ведение духовное, о второй степени ведения.**

Когда человек, оставив первую степень, бывает занят душевными помышлениями и пожеланиями, тогда во свете естества души как телесными чувствами, так и душевными помышлениями совершает следующие вышеозначенные превосходные дела, а именно: пост, молитву, милостыню, чтение Божественных Писаний, разные добродетели, борьбу со страстями и прочее. Ибо все благие дела, все различные добрые состояния, усматриваемые в душе, и чудные образы служения во дворе Христовом, на сей второй степени ведения, деланием силы его (сего ведения) совершает Дух Святой. И оно-то указывает сердцу стези, ведущие нас к вере, чрез него собираем напутствие к будущему веку. Но здесь еще ведение телесно (в своих представлениях) и сложно. Хотя и сие ведение есть путь, ведущий и препровожающий нас к вере, однако же есть и еще высшая степень ведения. И если кто преуспеет, то найдет возможность, при помощи Христовой, возведенным быть и на оную, когда основание своего делания положит в безмолвном удалении от людей, в чтении Писаний, в молитве и в прочих добрых делах, которыми совершается все относящееся ко второму ведению. И им-то производится все доброе; оно и называется ведением дел, потому что чувственными делами, при посредстве телесных чувств, совершает дело свое на внешней степени. АМИНЬ.

(Слово 27, стр. 127–128)

## **Ведение или созерцание. О третьей степени ведения, которая есть степень совершенства.**

Послушай же, как человек утончается, приобретает духовность и уподобляется в житии невидимым Силам, которые служение свое отправляют не чувственно производимыми делами, но совершаемыми заботливостью ума. Когда ведение вознесется над земным и над попечением о делании земного и начнет испытывать свои помышления в том, что сокрыто от очей внутри, и некоторым образом станет пренебрегать тем, от чего бывает непотребство страстей, и прострется горе, и последует вере в попечении о будущем веке, и в возделении обетованного нам, и в изыскании сокровенных таинств, тогда сама вера поглощает сие ведение, и обращается, и рождает оное снова, так что всецело становится оно духом.

Тогда может воспарять оно на крыльях в области бесплотных, касаться глубин неосязаемого моря, представляя в уме Божественные и чудные действия правления в естествах существ мысленных и чувственных, и исследует духовные тайны, постигаемые мыслью простою и тонкою. Тогда внутренние чувства возбуждаются к духовному деланию сообразно состоянию, бывающему в оной жизни бессмертия и нетления, потому что еще в здешнем, как бы в тайне, оно (т. е. ведение) прияло мысленное воскресение, в истинное свидетельство о всеобщем обновлении.

Вот три способа ведения, с которыми сопряжено (из которых составляется) все течение человека в теле, в душе, в духе. С того времени, как начинает человек различать зло от добра и пока не изыдет он из мира сего, ведение души его пребывает в сих трех мерах. И полноту всякой неправды и нечестия, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всех тайн духа, производит единое ведение в сказанных трех мерах, и в нем заключено всякое движение ума, когда восходит или нисходит он в добре, или в зле, или в среднем между добром и злом. Сии же меры у Отцов называются: естественное, противоестественное и сверхъестественное. И это суть три

направления, по которым возводится и низводится память разумной души, когда, по сказанному, или по естеству делает кто правду, или превыше естества восхищается ее памятью, в созерцании Бога, или вне естества исходит пасти свиней, как расточивший богатство своей рассудительности, работая со множеством демонов.

## Ведение духа.

Когда человек хорошо проходит добрую жизнь и достигнет восхождения на степень покаяния, и приблизится ко вкушению созерцания, тогда свыше примет он благодать вкусить сладости ведения Духа, начало сего делания состоит в следующем: предварительно удостоверяется человек в промыслении Божиим о человеке, просвещается любовью Его к твари (в греческом тексте: «любвию своею к Творцу», в нашем переводе принято чтение Паисия ) и удивляется и устроению существ разумных и великому о них попечению Божию. С сего начинаются в нем сладость Божественная, воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и попадающей душевные и телесные страсти; и эту силу ощущает в себе человек, как скоро о всех тварных естествах и о всяком встречающемся ему предмете станет размышлять разумно, исходить о них в исследования и рассуждать духовно. Посему-то человек, при такой сильной и Божественной рачительности и доброй совести, начинает тогда возбуждаться к Божественной любви и сразу упоевается ею, как вином; расслабевают члены его, мысль его пребывает в изумлении, сердце его отводится в плен Богу; и таким образом, как сказал я, уподобляется он упившемуся вином. И в какой мере усиливаются внутренние ощущения, в такой усиливается сие созерцание. И в какой мере человек старается о добром житии, о хранении себя, о том, чтобы проводить время в чтении и в молитвах, в такой же утверждается и упрочивается в нем сила их. И совершенно справедливо, братия, что временем приходится ему не помнить о себе самом, что носит это тело, и не знает, в этом ли он мире.

Вот начало духовного созерцания в человеке, а сие – начало всех откровений уму! И этим началом ум возрастает и укрепляется в сокровенном; им-то возводится к иным, превышающим человеческую природу, откровениям; короче сказать, его рукою сообщаются человеку все Божественные созерцания и откровения Духа, какие приемлют святые в мире сем, и все дарования и откровения, какие только естество

может познать в жизни сей. Вот – корень нашего чувства, влагаемый в нас Творцом нашим! Блажен человек, который сохранил это доброе семя, как скоро пало оно в душу его, и возрастил оное, и не расточил его из себя суетою и парением мысли о преходящем и тленном.

(Слово 87, стр. 414–416)

## Совокупное обозрение трех ведений.

Первая степень ведения охлаждает душу для дел шествия по Богу. Вторая согревает душу для скорого течения к тому, что на степени веры. Третья же есть упокоевание от делания (что есть образ будущего), в едином приснопоучении ума наслаждающееся тайнами будущего. Но так как естество не может еще совершенно возвыситься над состоянием омертвения и тяготою плоти и усовершиться в оном духовном ведении, которое выше другого уклоняющегося ведения, то и ведение сие не в состоянии и послужить к совершенству, не имеющему недостатка; не может человек быть и в мире мертвости, и – совершенно оставить естество плоти. Но пока человек живет во плоти, остается он в переходном состоянии от одного ведения к другому. То вдруг душа его, как убогий и нищий, начинает совершать служение на второй, средней степени добродетели, какая вложена в естестве, и может быть произведена при помощи естества телесного; то пребывает, подобно приявшим Духа сыноположения, в таинстве свободы, наслаждается благодатию Духа, по достоинству Дающего оную, и снова возвращается к смирению дел своих, и это суть дела, совершаемые с помощью тела. И благодать сохраняет их, чтобы враг не пленил ее (душу) приманками, обретаемыми в этом лукавом веке, и помыслами смущенными и поползновенными (уклоняющимися от должного направления), потому что человек, пока заключен под завесою дверей плоти, не имеет упования. Ибо в веке сем несовершенном нет совершенной свободы.

(Слово 28, стр. 128–130)

## **Делание ведения и делание веры. Разница между ведением и откровением.**

Всякое делание ведения в делании и продолжительном упражнении; делание же веры не делами совершается, но исполняется духовными помышлениями, в чисто душевном действовании; и оно превышает чувств. Ибо вера утонченнее ведения, как ведение утонченнее вещей чувственных. Все святые, сподобившиеся обрести житие сие (а это есть восторжение к Богу), силою веры пребывают в услаждении оным превышает естественным житием.

Веру же разумею не ту, какую человек верует в различие достопоклоняемых и Божественных Ипостасей, в превосходящее все, особенное (только Божеству свойственное) естество самого Божества и в чудное домостроительство (Божие), совершенное в человечестве восприятием нашего естества (хотя и сия вера крайне высока), – но веру, воссиявающую в душе от света благодати, свидетельством ума подкрепляющую сердце, чтобы не колебалось оно в несомненности надежды, далекой от всякого самомнения. И вера сия обнаруживается не в приращении слуха ушей, но в духовных очах, которые видят сокрытые в душе тайны, невидимое и божественное богатство, сокровенное от очей сынов плоти, и открываемое Духом питающимся от трапезы Христовой, в поучении законам Христовым, как сказал Господь: «если заповеди Мои соблюдете, пошлю вам Утешителя, Духа истины, Егоже мир не может прияти..., и Той вы научит всякой истине» (Иоан. 14:15, 14:17, 14:26). Он указывает человеку сию святую силу, обитающую в нем во всякое время, сей покров, сию мысленную крепость, всегда покрывающую человека, отражающую от него все вредное, чтобы не приближалось это к душе или к телу его. Сию-то силу ум светлый и духовный невидимо ощущает очами веры. Она-то познается святыми паче в опытном приобщении оной.

Сила эта есть Сам Утешитель, крепостию веры, как огнем, возжигающий душевные члены. И душа устремляется,

пренебрегает (в таком состоянии) всякою опасностью в надежде на Бога, на крылах веры возносится над видимою тварию и бывает всегда как бы упоенною, в изумлении пред Божественною попечительностью, в несложном созерцании и невидимом рассматривании Божественного естества, приобучая ум быть внимательным к размышлению о тайнах Его. Ибо, пока не приидет Тот (Дух истины), Кто есть совершение таинств, и пока явно не сподобимся откровения оных, вера между Богом и святыми священнодействует неизреченные таинства, которых, по благодати Самого Христа, и мы да сподобимся, здесь – как в залог, а в самой действительной истине – там, во Царствии Небесном с любящими Его! АМИНЬ.

(Слово 28, стр. 130–131)

## Чем приобретается духовное видение.

Может быть, ты думаешь, что такое духовное видение приобретает кто-либо сим душевным видением? Не только невозможно сим душевным видением приять оное духовное, но даже нет возможности ощутить его и чувством или сподобиться его – кому-либо из ревностно упражняющихся в видении душевном. И если некоторые из них желают приблизиться к оному видению Духа, то, пока не отрекутся от сего душевного, и от всяких изворотов его тонкости и многосложных его способов, и не поставят себя в младенческий образ мыслей, дотоле не возмогут приблизиться, хотя мало, к видению духовному. Напротив того, великим препятствием бывают для них навык и понятия душевного видения, пока не изгладят сего мало-помалу. Оное видение Духа просто и не просиявает в помыслах душевных. Пока разум не освободится от помыслов многих и не придет в единую простоту чистоты, дотоле не возможет ощутить оного духовного видения.

Вот порядок сего видения – ощутить наслаждение оною жизнью оного века; посему охуждает оно помыслы многие. Сие душевное видение, кроме множества помыслов, не может познавать что-либо другое, приемлемое в простоте ума, по слову Изрекшего: «Аще не обратитесь, и будете яко дети, не... можете войти в царствие Божие» (Мф. 18:3). Но вот многие не приходят в простоту сию, а по добрым делам их уповаем, что соблюдается им часть в царствии небесном, так как из смысла евангельских блаженств, которые Господь изобразил различно, можно нам уразуметь, что сими блаженствами показал нам многие изменения в разных родах жития: потому что каждый человек, на всяком пути, каким шествует к Богу, сам всеми теми мерами (показанными в евангельских блаженствах) отверзает пред собою дверь небесного царствия.

Но оного духовного видения никто не может приять, если не обратится и не будет как дитя. Ибо с сего только времени ощущается оное услаждение небесным царствием.

## Видения и откровения. Причины их явления.

ВОПРОС. *Что бывает причиною видений (духовных) и откровений: ибо иные имеют видения, а иные трудятся больше их, однако же видение не действует в них столько?*

ОТВЕТ. Причин сему много. Одни из них – домостроительственные, имеют целью общую пользу, другие же – утешение, дерзновение и научение немощных. И, во-первых, все сие устрояется по милости Божией к людям; большею же частию устрояется сие ради троякого рода людей – или ради людей простых и крайне незлобливых, или ради некоторых совершенных и святых, или ради тех, которые имеют пламенную ревность Божию, отреклись и совершенно отрешились от мира, удалились от сожителства с людьми, оставив все, не ожидая никакой помощи от видимого, пошли во след Богу. На них-то нападает боязнь вследствие их уединения, или окружает их опасность смертная от голода, от боязни или от какого-нибудь обстоятельства и от скорби, так что приближаются они к отчаянию. Посему, если таковыми бывают утешения, а тем, которые превосходят их трудами, не бывает, то первая сему причина – непорочность и порочность, и именно совести<sup>1</sup>. Вторая же причина, наверное, есть следующая: как скоро имеет кто человеческое утешение или утешение чем-либо видимым, то не бывает ему подобных утешений, разве по некоему домостроительству, ради общей пользы. У нас же слово об отшельниках; и свидетель сказанному один из Отцов, который молился об утешении, и услышал: «Достаточно для тебя утешения человеческого и беседы с людьми».

И другой некто, подобно сему, когда был в отшельничестве и вел жизнь отшельническую, ежечасно услаждался благодатным утешением; а когда сблизился с миром, взыскал по обычаю утешения – и не обрел, и молил Бога открыть ему причину, говоря: «Не ради ли епископства, Господи, отступила от меня благодать?» И ему сказано: «Нет, но потому, что Бог промышляет о живущих в пустыне, и их удостоивает таких утешений». Ибо невозможно, чтобы кто-либо из людей имел

видимое утешение, а вместе приял и невидимое от благодати, Божественное и таинственное<sup>2</sup>, разве по какому-нибудь, упомянутому выше, сокровенному домостроительству, которое известно в подобных случаях одному Домостроительствующему.

(Слово 21, стр. 94–96)

## Разница между видением и откровением.

ВОПРОС. *Одно ли и то же – видение и откровение, или нет?*

ОТВЕТ. Нет. Они различны между собой. Откровением (вместо «откровением», может быть, надо читать «видением», как предлагает Никифор Феотокис) часто называется и то и другое. Ибо, так как обнаруживается сокровенное (и в том, и в другом), то всякое видение называется откровением. Откровение же видением не называется. Слово «откровение» большею частию употребляется о познаваемом, о том, что умом испытывается и уразумевается. Видение же бывает всякими способами, например, в изображениях и образах, как бывало древле ветхозаветным, в глубоком сне или в бодрственном состоянии, и иногда со всею точностию, а иногда как бы в призраке и несколько неясвенно; почему и сам имеющий видение часто не знает, в бодрственном ли состоянии видит он или в сонном. Можно и чрез глас слышать о заступлении, а иногда видеть какой-либо образ, иногда же (видеть) яснее, лицом к лицу. И видение, и совместное пребывание, и вопрошение, а с ним и собеседование суть Святые силы, видимые достойными и творящие откровение. И таковые видения бывают в местах наиболее пустынных и удаленных от людей, где человек необходимо имеет в них нужду; потому что нет у него иной помощи и утешения от самого места. Откровения же, ощущаемые умом, при чистоте удобоприемлемы и бывают только совершенным и могущим разуметь.

(Слово 21, стр. 96)

## **Воздаяние за помыслы и изволение воли.**

Воздаяние от Господа за доброе и лукавое бывает не по движению помыслов, а по твердости доброй воли и воли злой.

Бывают помыслы добрые и изволения добрые; бывают же помыслы лукавые и сердце лукавое. Первая степень (т. е. помыслы) есть движение, происходящее в уме подобно ветру, воздвигаемому в море и воздымающему волны; вторая степень (т. е. изволения добрые или лукавые) есть опора и основание. И по твердости основания, а не движению помыслов, бывает воздаяние за доброе и лукавое. Душа не бывает в покое от движения изменчивых помыслов. Если же за каждое из них, хотя не имеет оно основания в глубине сердца, назначишь воздаяние, то близок будешь к тому, чтобы тысячекратно в день переменять тебе и благое свое, и противное тому.

(Слово 58, стр. 314–215)

## Что помыслы приносят человеку?

Если памятование доброго, когда приводим это себе на мысль, обновляет в нас добродетель, то явно, что и памятование распутства, когда припоминаем о нем, обновляет в уме нашем срамное пожелание, потому что памятование того и другого показывает и начертывает в помышлениях наших разность самых воспоминаемых вещей, как бы перстом указывает нам или на срамоту наших помыслов, или на высоту нашего жития, и укрепляет в нас помыслы и движения и десных и шуих. Мы бываем заняты ими в тайне ума нашего, и в этом мысленном занятии изображается удел жития нашего, так что по необходимости непрестанно видим самих себя. Итак, не одно сие занятие вредит тому, кто имеет оное, но с ним вместе вредит и видение, а также и памятование, восполняющее это собою. И не одно делание добродетели сильно вспомоществует тому, кто упражняется в сем делании, но и мысленное представление, образуемое припоминанием о лицах, подвизавшихся в добродетели.

А сие делает понятным, почему весьма многие, достигшие степени чистоты, сподобляются лицезрения некоторых святых всегда в ночном видении; и днем ежечасно в мысленном упражнении ума бывает для них источником радости видение сих святых, напечатлевшихся в душах их. И потому с горячностью приступают к деланию добродетелей, и в избытке западает в них пламень к вожделению оных. И говорят, что святые ангелы принимают на себя подобия некоторых досточтимых и благих святых, и в сонном мечтании показывают душе сии подобия, во время парения ее мыслей, к ее радости, обогащению и веселию, а днем постоянно приводят их в движение, когда рассматривает душа свои помыслы; и делание ее облегчается радостью святых, и от сего преуспевает она в течении своем. Так бывает и при непрерывности браней. Кто имеет привычку занимать свои мысли худым, тому, при содействии демонов, представляется это в подобии. Демоны принимают на себя подобие и показывают душе мечтания,

приводящие ее в ужас. более при помощи дневного памятования, действуя посредством его. И иногда страшным сим видением, приводящим душу в ужас, скоро доводят ее до изнеможения и иногда представляют ей также трудность жития в безмолвии и уединении и иное что-либо.

Поэтому и мы, братия, что касается до внимательности к нашим памятованиям и заключения по оным о состоянии души нашей, начнем отныне постоянно рассуждать о различии занимающих нас памятований: какие из них останавливают на себе наше внимание, и какие тотчас отгоняем мы от себя, как скоро приближаются к мысли нашей – те ли, которые в нас по предумышлению бесов, повергающих эту пищу страстям, или те, которые от вожделения и раздражительности, или те, которые от святых ангелов, подающих нам мановение радости и ведения, а также памятования, пробуждающие нас помыслами во время приближения к нам святых ангелов, или те, которые в нас от впечатлений, предварительно принятых чувством, и которыми в душе возбуждаются помыслы, увлекающие к чему-нибудь одному. Чрез познание же сего различия приобретем опытность в двух вещах: в усмотрении памятований и в делании напоминаемых ими дел, и постараемся, чтобы за тем и другим следовала определенная молитва.

(Слово 30, стр. 134–135)

## **Восстановление себя в утерянной добродетели. Что задолжал ты Богу, то и возвращай Ему.**

Всякий недуг врачуется свойственным ему лекарством.

Посевай милостыню на смирении, и пожнешь милость на суде. Чем погубил ты доброе, тем снова приобретай оное. Овол задолжал бы Богу: вместо него не возьмет Он с тебя жемчужины; например, погубил ты целомудрие – Бог не примет от тебя милостыни, если пребываешь в блуде, потому что хочет от тебя святости тела, так как преступил ты заповедь. Ужели, думая оставить стяжание мира, будешь вести брань за что-либо иное? Оставил ты насажденное, и с другими разве пришел ратовать?<sup>3</sup>

Святой Ефрем сказал, что во время жатвы не будешь противоборствовать зною зимними одеждами. Так каждый, что сеет, то и пожнет. И всякий недуг врачуется свойственными ему лекарствами. Ты, может быть, побежден завистию – для чего же усиливаешься бороться со сном? Пока проступок еще мал и не созрел, истреби его, прежде нежели распространится и созреет. Не предавайся нерадению, когда недостаток кажется тебе малым, потому что впоследствии найдешь в нем бесчеловечного властелина и побежишь перед ним, как связанный раб. А кто вначале противоборствует страсти, тот вскоре возгосподствует над нею.

(Слово 57, стр. 293–294)

## Геенна. Что она есть?

Если же это справедливо (как и действительно справедливо), то что несмысленнее или неразумнее такой речи: «Довольно для меня избежать геенны, о том же, чтобы войти в царство, не забочусь?» Ибо избежать геенны и значит это самое – войти в царство; равно как лишиться царства – значит войти в геенну. Писание не указало нам трех стран, но что говорит? «Егда... приидет Сын человеческий в славе Своей... и поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю» (Мф. 25:31, 25:33). Не три наименовал сонма, но два, – один одесную, другой – ошуюю. И разделил пределы различных обителей их, сказав: «и идут сии, т. е. грешники, в муку вечную, праведницы же в животе вечном» (Мф. 25:46) «просветятся яко солнце» (Мф. 13:43). И еще: «от восток и запад приидут, и возлягут... на лоне Авраамовом... во царствии небеснем; сынове же царствия изгнани будут во тьму кромешную,... где плач и скрежет зубов» (Мф. 8:11–12), что – страшнее всякого огня. Не уразумел ли ты из сего, что состояние, противоположное горней степени, и есть та мучительная геенна?

(Слово 58, стр. 311–312)

**Мучения в геенне есть раскаяние и бич любви Божией. Любовь для одних мучение, а для других отрада.**

Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви! И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что погрешили они против любви, терпят мучение вящее всякого приводящего в страх мучения; печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна никому такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией. Любовь есть порождение ведения истины, которое (в чем всякий согласен) дается всем вообще. Но любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников, как и здесь случается друг другу терпеть от друга, и веселит собою соблюдавших долг свой. И вот, по моему рассуждению, геенское мучение есть раскаяние. Души же горних сынов любовь упоявает своими утехами.

(Слово 18, стр. 76)

# Гордость

## Чем побеждать помысл гордыни

**ВОПРОС.** Если после многого труда, злострадания, борения, которое приял человек, помысл гордыни не стыдится приразиться к нему, потому что заимствует себе пищу в лепоте добродетелей его, и рассчитывает на великость понесенного им труда, то чем одолеть человеку помысл свой и приобрести в душе своей такую твердость, чтобы не покорилась она помыслу?

**ОТВЕТ.** Когда познает кто, что отпадет он от Бога, как сухой лист падает с дерева, тогда уразумевает силу души своей: то есть, своею ли силою приобрел он добродетели сии и перенес ради них все борения, между тем как Господь удерживал помощь Свою и попускал ему одному вступать в борьбу с диаволом, и не ходил с ним вместе, как обыкновенно участвует Он в борьбе в подвизающимся, и содействует им; тогда обнаруживается сила его; лучше же сказать, ясным делается поражение и затруднение его. Ибо со святыми всегда бывает Промысл Божий, охраняющий и укрепляющий их. Им побеждает всякий чин людей, если бывает в подвиге и в страданиях мученических и в прочих бедствиях, постигающих за Бога и ради Его претерпеваемых. И это ясно, очевидно и несомненно. Ибо как естество может победить силу щекотаний, непрестанно возбуждающихся в членах у людей, причиняющих им скорбь и очень сильных для того, чтобы преодолеть их? И почему другие желают победы и любят ее, но не могут одерживать оной при сильном противоборстве своем, напротив же того, каждый день терпят поражение от телесных щекотаний и пребывают в труде, в плаче и в изнеможении, трудясь о душах своих, а ты удобно можешь понести притязания тела, которые столь люты, – и не приходить от того в большое замешательство? И как тело, в других случаях чувствительное к страданиям, и не терпящее уязвления тернием, уколвши его ноготь, может пребороть резание железом, переносить сокрушение членов и всякого рода муки, и не препобеждаться страданиями, не ощущая, как обычно естеству, даже различия сего в мучениях, если кроме

естественной силы не приходит отсюда другая сила, отражающая от него лютость мучений? И поскольку заговорили мы о Божием Промысле, то не поленимся привести на память одну душеполезную повесть, возвышающую человека в борениях его.

Один юноша, по имени Феодор, у которого все тело подвергнуто было мучениям, спрошенный кем-то: «Чувствовал ли ты мучения?» отвечал: «Вначале чувствовал, а впоследствии увидел некоего юношу, который отирал пот моего борения, укреплял меня и доставлял мне прохладу во время страдания моего». О, как велики Божии щедроты! Сколь близка бывает благодать Божия к подвизающимся за имя Божие, чтобы им с радостью претерпевать за Него страдания!

Поэтому не будь непризнателен, человек, к Божиему о тебе промыслу. Если, наконец, явно, что ты не победитель, а только как бы орудие, побеждает же в тебе Господь, и ты туне получаешь победное имя, кто возбраняет тебе и во всякое время просит той же силы, и побеждать, и принимать похвалу, и исповедоваться (приносить хвалу) Богу? Разве не слышал ты, человек, сколь многие подвижники от сложения мира, быв непризнательными к сей благодати, пали с высоты жизни и с высоты подвигов своих? Сколько многочисленны и различны дары Божии роду человеческому сами в себе, столько же бывает различия в приемлемых дарах и соответственно степени приемлющих оные. Бывают меньшие и большие дары Божии; хотя все они высоки и чудны, но один превосходит другой славою и честью, и степень степени выше. И также: посвятить себя Богу и жить добродетельно есть одно из великих дарований Христовых.

(Слово 21, стр. 106–108)

**Многие, приявшие благодать священства, по причине гордыни и высокомерия потеряли свое достоинство.**

Ибо многие, забыв, что по сей благодати сподобились они стать отлученными от людей и посвященными Богу, причастниками и приемниками дарований Его, избранными и удостоенными служения и священнодействия Богу, вместо того, чтобы непрестанно устами своими благодарить за сие Бога, уклонились в гордыню и высокомерие и думают о себе не как приявшие благодать священнодействия, чтобы священнодействовать Богу чистым житием и духовным деланием, но как оказывающие милость Богу, когда бы надлежало им рассудить, что Бог изъял их из среды людей и соделал присными Своими для познания тайн Его. И не трепещут они всею душою своею, рассуждая таким образом, наипаче же, когда видят, как у рассуждавших подобно сему прежде них внезапно отъято было достоинство и как Господь в мгновение ока свергнул их с той высокой славы и чести, какую имели они; и уклонились они в нечистоту, непотребство и студодеяние, подобно скотам. поскольку не познали они силы своей и не содержали непрестанно в памяти Давшего им благодать – совершать пред Ним служение, стать включенными в царство Его, быть сожителем ангелов и приближаться к Нему ангельским житием, то Бог отстранил их от делания их и тем, что оставили безмолвие и изменили образ жизни своей, показал им, что не их была сила, если соблюдали они благочиние в житии и не тревожили их понуждения естества, демонов и иных прочих сопротивностей, напротив же того, была это сила благодати Божией, производившая в них то, чего мир, по трудности этого, не может вместить или слышать и в чем они пребывали долгое время и не были побеждаемы; почему, конечно, была в них некая сопутствующая им сила, достаточная к тому, чтобы во всем помогать им и охранять их. Но поскольку забыли они о силе этой, то исполнилось на них слово, сказанное Апостолом: «яко же не искусиша имети в разуме

Бога,... Владыку своего, совокупившего персть для духовного служения, предаде их... в неискусен ум» (Рим. 1:28), и, как надлежало, восприяли они бесчестие за свое заблуждение.

(Слово 21, стр. 108–109)

## Гордость и сокрушение.

Прежде сокрушения – гордыня, говорит Премудрый (Притч. 16:18), и прежде дарования – смирение. По мере гордыни, видимой в душе, – и мера сокрушения, каким вразумляет душу Бог. Гордыню же разумею не ту, когда помысл ее появляется в уме или когда человек на время побеждается ею, но гордыню, постоянно пребывающую в человеке. За горделивым помыслом последует сокрушение, а когда человек возлюбил гордыню, не знает уже сокрушения.

(Слово 34, стр. 150)

## **Грехи. Грехи произвольные и непроизвольные.**

Есть грех, совершаемый по немощи, в которой человек увлекается непроизвольно; и есть грех, совершаемый произвольно, и по неведению. Бывает также, что иной сделает грех по какому-нибудь случаю, и еще – по закоснению и навыку во зле. Вот все роды и виды грехов; и хотя все они достойны порицания, однако же, по сравнении положенных за грехи наказаний, оказывается, что один больше другого. На иного падает наибольшее осуждение, и с трудом приемлется от него покаяние, а грех иного близок к прощению. И как Адам, Ева и змий, хотя все прияли от Бога воздаяние за грех, однако же весьма в различной мере подверглись проклятию, так бывает и с сынами их: каждому тяжесть наказания соразмеряется с намерением его и пристрастием ко греху. Если кто, не имея желания служить греху, по нерадению о добродетели увлекается в грех, потому что не упражнялся в добродетели, то тяжело таковому пребывать во грехе; да и наказание его тяжело. А если случится, что иной радеющий о добродетели искушен будет каким-либо прегрешением, то, без сомнения, близка к нему милость, чтобы очистить его грех.

Инаков есть грех, совершаемый, когда человек оказывается радеющим о добродетели и постоянным в делании, так что и ночью не спит, заботясь, чтобы не потерпеть ущерба в том, о чем у него попечение, и днем всюду носит с собою бремя свое, и вся забота его о добродетели, но при сих и подобных сим попечениях, или по неведению какому, или от каких-либо препятствий на пути его, т. е. на пути добродетели, и от волн, во всякое время воздымающихся в членах его, или вследствие уклонения, попущенного ему для испытания его свободы, весовая чаша у него склоняется несколько влево, и телесною немощию увлекается он в один из видов греха; и при этом скорбит, тужит, болезненно вздыхает он о душе своей, по причине бедствия, приключившегося ему от сопротивных.

Инаков же грех, когда человек оказывается слабым и нерадивым в делании добродетели, совершенно оставил путь

ее, рабски стремится в послушание всякому греховному наслаждению, оказывает рвение изыскивать средства к полнейшему наслаждению, подобно какому-нибудь рабу, готов со тщанием выполнить волю врага своего и члены свои уготовить в оружие диаволу со всяким ему послушанием, нимало не намерен подумать о покаянии, приблизиться к добродетели, пресечь зло и положить конец пагубному пути своему.

Инаков грех от поползновений и падений, какие могут приключиться на пути добродетели и на стезе правды. Ибо, по словам Отцов, на пути добродетели и на стезе правды встречаются падения, препятствия, принуждения и тому подобное.

Иное же дело – падение души, всецелая ее гибель, совершенное оставление. Кто явно принадлежит к числу таковых, тот, когда падет, да не забывает любви Отца своего; но, если приключится ему впасть и в многоразличные прегрешения, да не перестает радеть о добре, да не останавливается в своем течении, но и побеждаемый снова да восстает на борьбу со своими противниками, и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего имея во устах пророческое слово: «не радуйся о мне,... противник мой, яко падох; ибо снова восстану... Аще сяду во тме, Господь... озарит мя" (Мих. 7:8); и нимало да не прекращает брани до самой смерти, пока есть в нем дыхание, да не предаст души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладия его, и терпит крушение весь груз, да не перестает заботиться, запасаться, даже брать займы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость Свою, и не даст ему сильных побуждений (крепости сил) встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага. Такова премудрость, подаваемая от Бога; таков мудрый больной, не теряющий надежды своей. Лучше быть нам осужденными за некоторые дела, а не за оставление всего. Посему-то авва МАРТИНИАН увещевает не изнемогать от

множества подвигов, от многообразных и частых браней на пути правды, не возвращаться вспять и не уступать врагу победы над собою каким-либо постыдным для нас образом. Ибо, как некий чадолюбивый отец, в чинном и стройном порядке, говорит он следующее.

## **Чтобы сохранить себя от греха, необходимо удаляться от причин порождающих грех.**

*ВОПРОС. Каким образом человек отсекает прежнюю свою привычку и приучается в жизни к недостаткам и к подвижничеству?*

*ОТВЕТ.* Тело не соглашается жить без удовлетворения нужд его, пока окружено тем, что служит к наслаждению и к расслаблению, и ум не может удержать его от этого, пока оно не будет устранено от всего производящего расслабление. Ибо, когда открыто пред ним зрелище наслаждения и сует и каждый почти час видит служащее к расслаблению, тогда пробуждается в нем пламенное пожелание сего и, как бы разжигая его, раздражает. Посему-то Искупитель Господь обязавшемуся идти во след Его всепремудро<sup>4</sup> и весьма хорошо заповедал: обнажиться и выйти из мира (Мф. 19:21), потому что человек должен сперва отринуть все, служащее к расслаблению, и потом приступать к делу. И Сам Господь, когда начал брань с диаволом, вел оную в самой сухой пустыне. И Павел приемлющим на себя крест Христов советует выйти из града. «Да исходим к Нему, – говорит, – вне града, и приимем поношение Его» (Евр. 13:12–13), потому что пострадал Он вне града. Ибо, если отлучит себя человек от мира и от всего, что в мире, скоро забывает прежнюю свою привычку и прежний образ жизни, и долгое время не трудится над этим. А от приближения его к миру и к вещам мирским скоро расслабевают сила ума его. Посему должно знать, что особенно споспешествует и ведет к преуспению в сей страдальческой и спасительной брани. Итак, пригодно и споспешествует в сей брани, чтобы монашеская келлия была в скудном и недостаточном состоянии, чтобы келлия у монаха была пуста и не содержала в себе ничего, возбуждающего в нем вожделение покоя. Ибо, когда удалены от человека причины расслабляющие, нет ему опасности в двояковой брани – внутренней и внешней. И таким образом человек, который вдали от себя имеет служащее к удовольствию, без труда одерживает победу в сравнении с тем,

у которого вблизи возбуждающее его к вожделению. Ибо здесь сугубый подвиг.

Когда человек желает иметь только нужное для поддержания тела его, тогда и потребности его делаются удобопренебрегаемыми, и даже в необходимое время умеренного удовлетворения потребностям своим взирает он на сие не с вожделением и малым чем-нибудь (т. е. малым количеством пищи) подчиняет себе тело и смотрит на это, как на нечто удобопренебрегаемое и приближается к пище не из-за сладости ее, но чтобы помочь естеству и подкрепить оное. Такие средства скоро доводят человека до того, что приступает он к подвижничеству с нескорбным и беспечальным помыслом. Итак, рачительному иноку прилично скорою ногою, не обращаясь вспять, бежать от всего воющего с иноком, не входить в общение с тем, что ведет с ним брань, но воздерживаться даже от единого воззрения на них и, сколько возможно, удаляться от их приближения. И говорю это не только о чреве, но и о всем, что вводит в искушение и брань, чем искушается и испытывается свобода инока. Ибо человек, когда приходит к Богу, делает с Богом завет воздерживаться от всего этого, именно же: не засматриваться на лицо женское, не смотреть на красивые лица, не питать ни к чему вожделения, не роскошествовать, не смотреть на нарядные одежды, не смотреть на всякий порядок, заведенный у мирян, не слушать слов их и не любопытствовать о них, потому что страсти приобретают большую силу от сближения со всем подобным сему, как расслабляющим подвижника и изменяющим мысли его и намерения. И если воззрение на что-либо хорошее возбуждает произволение истинного ревнителя и склоняет к совершению добра, то явно, что и противоположное сему имеет силу пленять ум. И если с безмолвствующим умом не случается чего-либо большего, а только ввергает он себя в бранный подвиг, то и это великая уже утрата – самому себя из мирного состояния произвольно ввергнуть в смущение.

И если один из старцев, подвижников и борцов, увидев юношу, не имевшего бороды и походившего на жен, почел это вредным для помысла и губительным для своего подвига, то

может ли кто вознрадеть в другом чем (воздвигающем брань), когда этот святой не решился войти и облобызать брата? Ибо мудрый старец рассуждал: «Если подумаю только в эту ночь, что есть здесь нечто такое, то и сие будет для меня великим вредом». Посему-то не вошел он и сказал им: «Не боюсь, я, чада; но для чего же и желать мне напрасно воздвигать на себя брань? Воспоминание о чем-либо подобном производит в уме бесполезное смущение. В каждом члене этого тела скрывается приманка, человеку предстоит от сего великая брань, и должно ему охранять себя и облегчать для себя угрожающую в этом брань, спасаясь от нее бегством; а как скоро приближается что-либо такое, человек, хотя и принуждает себя к добру, однако же бывает в опасности от этого, всегда видя это и вожделевая этого».

В земле видим многие сокровенные яды, и летом по причине жара никто не знает их; когда же увлажнены будут и ощутят силу прохлажденного воздуха, тогда оказывается, где был погребен в земле каждый яд. Так и человек, когда он в благодати безмолвия и в теплоте воздержания, тогда действительно бывает в покое от многих страстей; если же входит в мирские дела, то видит тогда, как восстает каждая страсть, подьемлет главу свою, особливо если ощутит воню покоя. Сказал же я это для того, чтобы никто не предавался самонадеянности, пока живет в сем теле и пока не умрет; хотелось мне также показать, что убегать и удаляться от всего, что ведет к порочной жизни, много помогает человеку в подвижническом борении. Всегда должно нам бояться того, о чем одно воспоминание причиняет нам стыд, и также не попираť совести и не пренебрегать ею. Итак, попытаемся удалить тело на время в пустыню, и заставим его приобрести терпение. А что всего важнее, пусть каждый (хотя бы это и прискорбно было для него, но зато нечего уже будет ему бояться) старается, где бы он ни был, удаляться от причин брани, чтобы, когда придет потребность, не пасть ему от близости оных.

(Слово 21, стр. 85–88)

## **Начало брани со грехом.**

*ВОПРОС: Кто отринул от себя всякое попечение и вступил в подвиг, какое у него начало брани со грехом, и чем начинается он сию борьбу?*

ОТВЕТ. Всем известно, что всякой борьбе со грехом и вожделением служит началом труд бдения и поста, особливо же если кто борется с грехом, внутри нас пребывающим. В этом усматривается признак ненависти ко греху и вожделению его в ведущих сию невидимую брань; начинают они постом, а после него содействует подвижничеству ночное бдение.

## **Греховное наслаждение. Оно побеждается только ненавистью к причинам греха.**

Пока не возненавидит кто причины греха воистину от сердца, не освобождается он от наслаждения, производимого действием греха. Это есть самое лютое борение, противящееся человеку даже до крови; в нем искушается его свобода в единстве любви его к добродетелям. Это есть та сила, которую называют раздражением и ополчением, от обоняния которых изнемогает душа окаянная, вследствие неизбежного ополчения, бывающего на нее. Это есть та сила великости греха, которую враг обыкновенно приводит в смущение души целомудренных, и чистые движения понуждает испытывать то, чего никогда они вовсе не испытывали. Здесь, возлюбленные братия, мы показываем свое терпение, подвиг и рачение. Ибо это есть время незримого подвига, о котором говорят, что чин иноческий всегда им побеждает. При встрече с сею бранию благочестивый ум скоро приходит в смущение, если не сильно ополчится.

В сии времена – времена мученичества – Ты, Господи, источник всякой помощи, силен подкрепить души, которые с радостью себя уневеличили Тебе, небесному Жениху, и по чистым, а не коварным побуждениям, с разумом вступили с Тобою в завет святой. Посему даруй им силу с дерзновением разорить укрепленные стены и всякое возношение, поднимающееся против истины, чтобы не остаться им неуспевшими в собственном своем намерении от невыносимого и нестерпимого принуждения в такое время, когда борьба идет до крови.

В этой лютой брани не всегда бывает победа целомудрия, потому что человек и ради искушения оставляется без помощи. Но горе немощному, искушаемому в сей испытующей брани, потому что брань сия приобрела величайшую силу вследствие привычки (побеждать), полученной ею от тех, которые сами себя предают на поражение сочетанием (принятием их, согласием с ними) со своими помыслами.

О, как сладостны поводы к страстям! Человек может иногда отсечь страсти; вдали от них наслаждается тишиною и веселится, когда прекращаются они; причин же страстей не может отринуть. Поэтому искушаемся и нехотя, и печалимся, когда мы в страстях, но любим, чтобы оставались в нас поводы к ним. Грехов себе не желаем, но приводящие нас к ним причины принимаем с удовольствием. Поэтому вторые делаются виновными в действительности первых. Кто любит поводы к страстям, тот невольно и нехотя становится подручным и поработается страстям. Кто ненавидит свои грехи, тот перестает грешить; и кто исповедует их, тот получит отпущение. Невозможно же человеку оставить навек греховный, если не приобретет прежде вражды ко греху, и невозможно получить отпущение прежде исповедания прегрешений. Ибо исповедание согрешений бывает причиною истинного смирения; смирение же – причиною сокрушения, последующего в сердце от стыда.

Если не возненавидим того, что достойно порицания, то, пока носим это в душах своих, не можем ощутить зловония и смрада действительности этого. Пока не отринешь от себя того, что неуместно, до тех пор не уразумеешь, каким покрыт ты срамом, и не уразумеешь стыда от сего. Когда же бремя свое (грехи, подобные твоим) увидишь на других, тогда уразумеешь лежащий на тебе стыд. Удались от мира, и тогда узнаешь зловоние его. А если не удалишься, не уразумеешь (насколько он смраден); напротив же того, скорее как в благоухание облечешься в зловоние его, и наготу стыда своего будешь почитать завесою славы.

(Слово 71, стр. 361–362; 363–364)

## Горние обители.

Спаситель многими обителями у Отца называет различные меры разумения водворяемых в оной стране, т. е. отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере разумения. Ибо не разность мест, но степени дарований назвал Он многими обителями. Как чувственным солнцем наслаждается каждый соразмерно чистоте и приемлемости силы зрения, и как от одного светильника в одном доме освещение бывает различно, хотя свет не делится на многие светения, так в будущем веке все праведные нераздельно водворяются в одной стране, но каждый в своей мере озаряется одним мысленным солнцем и по достоинству своему привлекает к себе радость и веселие, как бы из одного воздуха, от одного места, седалища, видения и образа. И никто не видит меры друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы, если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиною печали и скорби. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания! Напротив того, каждый, по данной ему благодати, веселится внутренно в своей мере. Но зрелище (в сирийском тексте: «предмет созерцания»), находящееся вне всех, есть одно, и место одно, и кроме сих двух степеней нет иной посредствующей степени, разумею же одну степень горнюю, другую дольную, посреди же их разнообразие в разности воздаяний.

(Слово 58, стр. 311)

## **Дарования. Дарования посылаются человеку во время молитвы.**

Но если кто спросит: почему же в сие только время бывают сии великие и неизреченные дарования, то ответствуем: потому что в сие время более, нежели во всякое другое, человек бывает собран в себя и уготован внимать Богу, вожделевает и ожидает от Него милости. Короче сказать, это есть время стояния при вратах царских, чтобы умолять царя; и прилично исполниться прошению умоляющего и призывающего в это время. Ибо бывает ли другое какое время, в которое бы человек столько был приуготовлен и так наблюдал за собою, кроме времени, когда приступает он к молитве? Или, может быть, приличнее получить ему что-либо таковое в то время, когда спит, или работает что, или когда ум его возмущен? Ибо вот и святые, хотя не имеют праздного времени, потому что всякий час заняты духовным, однако же и с ними бывает время, когда не готовы они к молитве. Ибо нередко занимаются или помышлением о чем-либо встречающемся в жизни, иди рассматриванием тварей, или иным чем действительно полезным. Но во время молитвы созерцание ума устремлено к единому Богу, и к Нему направляет все свои движения, Ему от сердца, с рачением и непрестанною горячностью, приносит моления. И посему-то в это время, когда у души бывает единственное попечение, прилично источаться Божественному благоволению. И вот видим, что, когда священник приуготовится, станет на молитву, умиловляя Бога, молясь и собирая свой ум воедино, тогда Дух Святой нисходит на хлеб и вино, предложенные на жертвеннике. И Захарии во время молитвы явился Ангел, и предвозвестил рождение Иоанна. И Петру, когда во время шестого часа молился в горнице, явилось видение, путеводствовавшее его к призванию язычников снисшедшею с неба плащаницею и заключенными в ней животными. И Корнилию во время молитвы явился Ангел и сказал ему написанное о нем. И также Иисусу сыну Навину глагола Бог, когда в молитве преклонился он на лицо свое. И с

очистилища, бывшего над кивотом, откуда священник о всем, что должно было знать, в видениях был от Бога тайноводствуем в то самое время, когда архиерей единожды в год, в страшное время молитвы, при собрании всех колен сынов Израилевых, стоявших на молитве во внешней скинии, входил во Святое Святых и повергался на лице свое, – слышал он Божии глаголы в страшном и неизглаголанном видении. О, как страшно оное таинство, которому служил при сем архиерей! Но таковы и все видения, являвшиеся святым во время молитвы. Ибо какое другое время так свято, и по святине своей столько прилично приятию дарований, как время молитвы, в которое человек беседует с Богом? В это время, в которое совершаются молитвословия и моления пред Богом и собеседование с Ним, человек с усилием отовсюду собирает воедино все свои движения и помышления и погружается мыслию в едином Боге, и сердце его наполнено бывает Богом; и оттого уразумевает он непостижимое. Ибо Дух Святой, по мере сил каждого, действует в нем, и действует, заимствуя вещество из того самого, о чем кто молится; так что внимательностью молитва лишается движения, и ум поражается и поглощается изумлением и забывает о вожделении собственного своего прошения, и в глубокое упоение погружаются движения его, и бывает он не в мире сем. И тогда не будет там различия между душою и телом, ни памятования о чем-либо, как сказал божественный и великий ГРИГОРИЙ: «Молитва есть чистота ума, которая одна, при изумлении человека, уделяется от света Святая Троицы». Видишь ли, как уделяется молитва приходящим в изумление уразумением того, что рождается от нее в уме, по сказанному мною в начале сего писания и во многих других местах? И еще тот же Григорий говорит: «Чистота ума есть воспарение мысленного. Она уподобляется небесному цветку, в ней во время молитвы просиявает свет Святая Троицы».

(Слово 16, стр. 65–67)

**Ожидание Божиих дарований видимым образом погрешительно. Это ведет к гордости и падению.**

Одним из святых написано: «Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом». Если же скажешь, что некоторые отцы писали о том, что такое душевная чистота, что такое здравие, что такое бесстрашие, что такое видение, то писали не с тем, чтобы нам с ожиданием домогаться этого прежде времени; ибо написано, что «не приидет царствие Божие с соблюдением» (Лук. 17:20) ожидания. И в ком оказалось такое намерение, те приобрели себе гордость и падение. А мы область сердца приведем в устройство делами покаяния и житием благоугодным Богу; Господне же приходит само собою, если место в сердце будет чисто и не осквернено. Чего же ищем с соблюдением, разумею Божии высокие дарования, то отвергнуто Церковию Божиею; и приемшие это стяжали себе гордость и падение. И это не признак того, что человек любит Бога, но недуг души. Да и как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда божественный Павел хвалится скорбями и высоким Божиим даром почитает общение в страданиях Христовых.

(Слово 55, стр. 257)

## Дарования и искушения. Их взаимосвязь.

Если же душа в немощи и нет у нее достаточных сил для великих искушений, а потому просит, чтобы не войти в оные, и Бог послушает ее, то наверное знай, что, в какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований, и как возбранен к ней доступ великим искушениям, так возбраняются ей и великие дарования, потому что Бог не дает великого дарования без великого искушения (2Кор. 1:5). Соразмерно с искушениями определены Богом и дарования по Его премудрости, которой не постигают созданные Им. Итак, по жестоким скорбям, посылаемым на тебя Божиим Промыслом, душа твоя постигает, какую прияла она честь от величия Божия. Ибо по мере печали бывает и утешение.

*ВОПРОС. Как же поэтому? Сперва ли искушение и потом дарование; или сперва дарование, а за ним уже и искушение?*

*ОТВЕТ.* Не приходит искушение, если душа не примет сперва втайне величия, паче меры своей, и Духа благодати, приятого ею прежде. О сем свидетельствуют искушения Самого Господа, а подобно сему и искушения Апостолов: им не было попущено войти в искушения, пока не прияли Утешителя. Кто приобщается благ, тому прилично терпеть и искушения их, потому что после блага – скорбь его. Так угодно было благому Богу творить со всеми. И хотя это действительно так, т. е. благодать прежде искушения, однако же ощущение искушений, для испытания свободы, непременно предшествовало ощущению благодати. Ибо благодать ни в ком никогда не предшествует испытанию искушений. Благодать предваряет в уме, но замедляет в чувстве. Итак, во время сих искушений прилично иметь два противоположных и ни в чем не сходных между собою ощущения, т. е. радость и страх: радость – потому что оказываемся идущими по пути, проложенному святыми, лучше же сказать – Самим Животворителем всего, как это явствует из рассмотрения искушений; страх же должны мы иметь относительно того, не по причине ли гордости терпим мы

это искушение. Впрочем, смиренномудрые умудряются благодатию и могут все это различать и разуметь, т. е. какое искушение от плода гордости, и какое – от ударов (посещений Божиих), наносимых любовью. Искушения при преуспевании и возрастании доброго жития отличаются от искушений, попускаемых для вразумления за гордыню сердца.

(Слово 78, стр. 387–389)

## **Делание сердца с рассудительностью.**

Делание сердца служит узами для внешних членов. И если кто с рассудительностью занимается оным, по примеру живших до нас Отцов, то сие бывает явно по следующим в нем трем явлениям, а именно: не привязан он к телесным стяжаниям, не любит чревоугодия, и вовсе далека от него раздражительность. Где имеют место три эти явления, т. е. телесное (малое ли то, или великое) стяжание, вспыльчивость и преодоление чревоугодием, там (да будет тебе известно), хотя бы человек, по-видимому, уподоблялся древним святым, разрешение на внешнее происходит у него от невыносливости во внутреннем, а не от различия в небрежении души его (т. е. не от того, что душа его пренебрегает иными вещами). А иначе почему бы, пренебрегая телесным, не приобрести кротости? За рассудительным пренебрежением следуют: несвязанность ничем, пренебрежение покоем и стремлением к людям (стремлением к общению с людьми). И если кто с готовностью и радостью приемлет ущерб (скорби, лишения, обиды) ради Бога, то чист он внутренно; если кто не пренебрегает никем за телесные его недостатки, то он поистине свободен; если кто не смотрит с приятностью на оказывающего ему честь или не негодует на того, кто его бесчестит, то он в этой жизни мертв стал для мира. Хранение рассудительности лучше всякого жития, каким бы способом и в какой бы человеческой мере оно проводимо ни было.

(Слово 90, стр. 429–430)

## Деятельность и созерцание.

Деятельность крестная двоякая; по двоякости естества и она разделяется на две части. Одна, состоя в претерпении плотских скорбей (телесных лишений, неизбежных в борьбе со страстями), производимых действием раздражительной части души, и есть, и называется, деятельность. А другая заключается в тонком делании ума, и в Божественном размышлении, а также и в пребывании на молитве, и так далее;

она совершается вожделевательною частию души и называется созерцанием. И одна, т. е. деятельность, очищает, по силе ревности, страстную часть души, а вторая – действительность душевной любви, т. е. естественное вожделение, которое просветляет умную часть души. Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части переходит к сей второй, привлекаемый ее сластью, не говоря уже – своею леностию, постигает гнев (Божий) за то, что не «умертил прежде уды свои, яже на земли» (Кол. 3:5), т. е. не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной. Сие-то и значит сказанное древними святыми, что, если ум вознамерится войти на крест прежде, нежели чувства его, исцелясь от немощи, придут в безмолвие, то постигает Божий гнев. Сие восхождение на крест, навлекающее гнев, бывает не в первой части претерпения скорбей, т. е. распятия плоти, но когда человек входит в созерцание; а это есть вторая часть, следующая за исцелением души. У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказанием (тот удерживается наказанием) за то, что, не очистив прежде ума скорбями и не покорив плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед, идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здорово, будучи исполнены света и приобрета себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем

как очи у них полны слез, и они в молитве и в плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь, по причине ужасов, ожидающих их в пути и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми признаками оной.

Говорят: «Что от Бога, то приходит само собою, а ты не почувствуешь». Это правда, но только если место чисто, а не осквернено. Если же нечиста зеница душевного ока твоего, то не дерзай устремлять взор на солнечный шар, чтобы не утратить тебе и сего малого луча, т. е. простой веры, и смирения, и сердечного исповедания, и малых посильных тебе дел, и не быть извергнутым в единую область духовных существ, которая есть тьма кромешная, то, что вне Бога и есть подобие ада, как извергнут был тот, кто не устыдился прийти на брак в нечистых одеждах.

Трудами и хранением себя источается чистота помыслов, а чистотою помыслов – свет мышления. Отсюда же по благодати ум руководится к тому, над чем чувства не имеют власти, чему и не учат, и не научаются они. Представьте себе, что добродетель есть тело, созерцание – душа, а то и другое – один совершенный человек, соединяемый духом из двух частей, из чувственного и разумного. И как невозможно, чтобы душа получила бытие и была рождена без совершенного образования тела с его членами, так душе прийти в созерцание второе, т. е. в дух откровения, – в созерцание, образуемое в ложеснах, приемлющих в себя добродетели; а это (доброделание) есть обитель рассуждения, приемлющего откровения. Созерцание есть ощущение Божественных таин, сокровенных в вещах и в их причинах.

(Слово 2, стр. 12–14)

## **Дьявольская брань. О различных способах брани, какую диавол ведет с шествующими путем тесным, превысшим мира.**

У сопровитника нашего диавола есть древний обычай со вступающими в подвиг сей хитро разнообразить борьбу свою – соответственно образу вооружения их, и, соображаясь с намерением лица, изменяет он способ своего ратоборства. Которые ленивы произволением и немощны помыслами, на тех обращает особое внимание, и с самого начала сильно нападает на них, так что восставляет против них твердые и сильные искушения, чтобы в начале пути заставить их изведать все способы лукавства его, чтобы с первого подвига объяла их боязнь, путь их показался им жестоким и неудобопроходимым, и сказали они так: «Если начало пути так тяжело и трудно, то кто может до самого конца его выдержать многие находящиеся посреди его трудности?» И с того времени не могут уже они снова восстать или идти вперед, и даже видеть что-либо иное от гнетущей заботы о сем. И мало-помалу диавол усиливает с ними жестокую брань свою, чтобы обратить их таким образом в бегство. Лучше сказать, Сам Бог попускает диаволу превозмогать их, и ни в чем не вспомоществует им, потому что с сомнением и холодностью вступили они в подвиг Господень. Ибо говорит Бог: "проклят всяк творяй дело Господне с небрежением, и... возбраняющий руке от крове" (Иер. 48, 10); и еще: «Господь близ боящихся Его» (Пс. 84, 10). Ибо без страха и холодности идти против диавола повелевает Бог, говоря: начини только губить его, и устремись на брань с ним, и сразись с ним мужественно, и возложу страх твой на всех врагов твоих под небом (Втор. 11, 25). Ибо если не умрешь добровольно чувственную смертью за благодать Божию, то поневоле умрешь духовно – для Бога.

Поэтому, если такова твоя участь, без отягощения (без малодушия) добровольно прими за Бога временные страдания, чтобы войти в славу Божию. Ибо, если в подвиге Господнем умрешь телесно, Сам Господь увенчает тебя, и честным

останкам твоим дарует Бог честь мучеников. Посему, как сказал я выше, те, которые в самом начале были нерадивы и расслаблены и не решились предать себя на смерть, те с сего времени во всех бранях оказываются слабыми, а не мужественными. Лучше же сказать, Бог попускает, чтобы они были гонимы и побеждены в бранях, потому что не поистине взыскали Его, но, как бы искушая и издеваясь, пытались совершить дело Божие. Потому и сам диавол изначала узнал их и испытал их в помыслах их, каковы они, т. е. – боязливы и самолюбивы и более всего щадят тело свое. И посему-то как бы бурю гонит их, так как не видит в них духовной силы, какую обык видеть в святых. Ибо, соответственно произволению человека стремиться к Богу и намерению стремиться к цели ради Него, и Бог содействует, и помогает, и являет ему Свое о нем промышление. А диавол не может приближаться к человеку или наводить на него искушения, если человек не вознерадит, и Бог не попустит на него (искушений). Или, если кто допустит себя до срамных помыслов самомнением и превозношением, или помыслом сомнения и двоедушия, то диавол испрашивает таковых себе на искушение.

Новоначальных же, простых и неопытных, не спрашивает он у Бога, подобно святым и великим, для искушения их. Ибо знает, что Бог не попустит таковым впасть в руки его (так как Богу известно, что нет у них достаточных сил против диавольских искушений), разве будет в них одна из сказанных причин, и тогда сила Промысла Божия удаляется от них. Это есть первый способ диавольских браней.

## **О втором способе диавольских браней.**

А которые, как видит диавол, мужественны, сильны, ни во что вменяют смерть, исходят на дело с великою ревностью, предают себя на всякое искушение и на смерть, пренебрегают жизнью мирскою, телом и всеми искушениями, навстречу тем не вдруг выходит диавол, и по большей части не показывает себя им, скрывается, уступает им место и не встречается с ними при первом их устремлении, и не вступает с ними в брань. Ибо знает, что всякое начало брани бывает горячее; и известно ему, что подвижник имеет великую ревность, а ревностные воители нелегко побеждаются. Делает же это диавол, не их самих устрашаясь, но боится он окружающей их, его устрашающей, Божественной силы. Посему, пока видит их таковыми, не осмеливается даже прикоснуться к ним – до тех пор, пока не увидит, что охладели они в ревности своей, и те оружия, какие уготовали себе в мыслях своих, сложили с себя изменением Божественных словес и памятований, содействующих и вспомоществующих им; во время же лености их обращает на них внимание, когда уклонятся они несколько от первых помыслов своих, и сами от себя начнут изобретать то, что служит к одолению их в них же источающимися ласкательствами (обольщениями) мудрования их, и сами от себя душам своим искапывают ров погибели от лености происходящим парением помыслов, от которых в них, т. е. в мыслях и в сердцах их, воцарилась холодность. И диавол, когда удерживается от нападения на них, делает сие произвольно, не потому что щадит их или стыдится их, ибо ни во что вменяет их. Напротив того, рассуждаю, что некая сила окружает тех, которые с пламенною ревностью стремятся к Богу, с младенческими чувствами исходят на подвиг, без колебания отрекаются от мира, надеются же на Бога, веруют в Него и не знают, с кем ведут борьбу. Посему Бог отражает от них лютость диавольского лукавства, чтобы не приближалась к ним, и враг обуздывается, видя Хранителя, всегда их охраняющего. Ибо, если не отринут от себя причин помощи, т. е. молитв, трудов и

смиренномудрия, то Заступник и Помощник сей никогда не удаляется от них.

Смотри и запиши это в сердце своем, потому что сластолюбие и любовь к покою бывают причиною попуска. А если кто пребывает в неослабном воздержании от этого, то никогда не оставляет его Божие содействие, и врагу не попускается сражаться с ним. Если же и бывает когда попущено сразиться с ним для вразумления его, то сопровождает и поддерживает его святая сила, и не боится он демонских искушений, потому что помысл его бывает дерзновен и пренебрегает искушениями ради этой силы. Ибо сама Божественная сила эта научает людей, как иной учит плавать какого-нибудь малого ребенка; и когда начнет тот утопать, выносит его из воды, потому что ребенок плавает над руками обучающего; и когда начнет робеть, как бы не утонуть, сам носящий его на руках своих взывает с одобрением ему: «Не бойся, я ношу тебя». И как мать учит малого сына своего ходить, удаляется от него и зовет его к себе, а когда он, идя к матери своей, начнет дрожать и, по слабости и младости ног и членов, падать, мать его прибегает и носит его в объятиях своих: так и благодать Божия носит и учит людей, которые чисто и в простоте предали себя в руки Создателя своего, всем сердцем отрелись от мира и идут во след Господа.

А ты, человек, исходящий во след Бога, во всякое время подвига своего помни всегда начало и первую ревность при начале пути, и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты в первый раз из дома своего и вступил в брань. Так испытывай себя каждый день, чтобы горячность души твоей не охладела в ревности, воспламенившейся в тебе вначале, и чтобы не лишиться тебе одного из оружий, в какие облечен ты был в начале твоего подвига. И непрестанно возвышай голос свой среди воинского стана, ободряй и поощряй к мужеству чад десной страны, т. е. помыслы свои, а другим, т. е. стороне противника, показывай, что ты трезвен. И посему, если вначале увидишь устрашающее тебя устремление искусителя, не ослабевай: оно, может быть, будет тебе полезно, потому что Спасаящий тебя никому не попускает даром (без причины,

напрасно) приблизиться к тебе, если не устрояет в этом чего-либо к пользе твоей.

Но не показывай нерадения (в подвигах) в начале, чтобы, показав нерадение здесь, не пасть тебе, когда идешь вперед, и не оказаться уже неспособным сопротивляться находящим на тебя скорбям, разумею же скорби по причине голода, немощи, страшных мечтаний и прочего. Не извращай намерения Подвигоположника твоего, потому что Он даст тебе помощь против сопротивника, чтобы враг не нашел тебя, каким ожидает. Но призывай непрестанно Бога, плачь пред благодатию Его, сокрушайся и трудись, пока не пошлет тебе помощника. Ибо, если однажды увидишь близ себя Спасающего тебя, не будешь уже побежден сопротивляющимся тебе врагом твоим. Вот до сего места описаны два способа диавольской борьбы.

## **О третьем способе вражеской брани с сильными и мужественными.**

Посему, когда диавол после всего этого восстанет на кого-нибудь, то уже не имеет он сил к борьбе с ним, лучше же сказать – к борьбе с укрепляющим его и помогающим ему; человек содействием сим возносится над врагом, заимствует у содействующего (т. е. у ангела-хранителя) силу и терпение, так что грубое и вещественное тело побеждает бесплотного и духовного. Когда же увидит враг всю эту силу, какую человек приял от Бога, увидит, что внешние чувства у человека не побеждаются видимыми вещами и слышимыми гласами, и помыслы не расслабевают от ласкательств и обольщений его, тогда поэтому обманщик этот желает отыскать какой-либо способ отдалить от человека оною помогающего ему ангела; лучше же сказать, обманщик этот желает ослепить ум человека, которому оказывается помощь, чтобы оказался он беспомощным, и возбудить в нем помыслы гордыни, чтобы подумал он в себе, будто бы вся крепость его зависит от его собственной силы, и сам он приобрел себе это богатство, своею силою сохранил себя от противника и убийцы. И иногда рассуждает он, что победил врага случайно; а иногда – что победил по бессилию врага (умалчиваю о других образах и помыслах хулы, при одном только воспоминании о которых душа впадает в страх); иногда же враг, под видом откровений от Бога, изводит на среду прелесть свою и в сновидениях показывает что-либо человеку, и также во время его бодрствования преобразуется в светлого ангела, и делает все, чтобы получить возможность мало-помалу убедить человека – хотя немного быть в единомыслии с ним, чтобы человек предан был в руки его. Если же благоразумный человек твердо удержит помыслы свои, лучше же сказать, удержит памятование о содействующем ему, и око сердца своего устремит к небу, чтобы не видеть нашептывающих в нем это, то враг снова старается изобретать способы.

## **О четвертой противодейственной вражеской брани.**

Итак, у него осталось это одно (последний способ искушения), потому что природа имеет с сим сродство; и потому этим (последним способом искушения) преимущественно надеется он причинить гибель человеку. В чем состоит это ухищрение? В следующем: нападать на человека посредством естественных его нужд. Ум подвижника ослепляется часто видением и приближением к нему вещей чувственных, и без труда побеждается в борьбе, когда сближается с ними, гораздо же более – когда они бывают пред глазами у человека. Ибо со знанием дела и с опытностью пользуется сим способом лютый диавол, т. е. познал он сие опытно на многих крепких и сильных подвижниках, которые пали от сего, и делает это хитро. Хотя не может он заставить человека совершить (т. е. совершить грех) на деле, вследствие твердости безмолвия его и вследствие удаленности жилища его от поводов и причин ко греху, однако же усиливается возбудить ум подвижников к мечтательности и старается образовать в них ложные мечты под видом истины; чтобы пришли в вожделение мечтаемого, производит в них щекотания и побуждения останавливаться мыслию на срамных помыслах, соглашаться на оные, соделываться в них виновными, так что чрез это отступает от них помощник их. Ибо враг знает, что победа человека, и поражение его, и сокровище, и защита его, и все у подвижника заключается в помысле его, и совершается в краткое мгновение, только бы помыслу подвижнута с места и с оной высоты снизойти на землю, и произволением на одно мгновение показать свое согласие, как и случилось это со многими из святых при мечтательном представлении красоты женской. Если приближались они к миру на одно или на два поприща, или на расстояние дневного пути, то враг нередко прибегал к тому, что действительно приводил к ним женщин. А так как пребывающих вдали от мира не может уловить в эту сеть, то в мечтаниях показывает им женскую красоту, показывая им ее то в нарядных платьях и в соблазнительном виде, то непристойно – в образе нагой

женщины. Сим и подобным сему одних победил враг на самом деле, а другие, по беспечности помыслов своих, поруганы были мечтаниями, и чрез то пришли в глубину отчаяния, уклонились в мир, и души их утратили небесную надежду.

Другие же были крепче их и, просвещенные благодатию, победили врага и мечтания его, попрали плотские наслаждения и оказались искусными в любви Божией. Часто также враг делал, что видели они мечтательно золото, драгоценные вещи и золотые сокровища, а иногда на самом деле показывал им это в той надежде, что, может быть, и успеет такими различными мечтаниями остановить кого-либо из них в течении его и запнуть одной из сетей и мреж своих.

Но Ты, Господи, Господи, ведущий немощь нашу, не введи нас в таковые искушения, из которых даже сильные и более искусные едва исходят победителями после таковой борьбы!

И все это попускается искусителю диаволу, чтобы вести со святыми брань искушениями, дабы таковыми искушениями изведывалась любовь Божия в них: действительно ли, при удалении сих вещей, в отшельничестве, лишении и скудости своей, они боголюбивы и пребывают в любви Божией и истинно любят Бога; и, когда приближаются к сим вещам, то стараются ли по любви к Богу пренебрегать ими и уничивать их; обольщаемые ими не уступают ли им над собою победы. И таким образом искушаются, чтобы чрез это соделаться не только известными Богу, но и самому диаволу, потому что желательно ему многим искусить и изведать всех, если можно, и испросить себе у Бога для искушения, как испросил праведного Иова. И, когда бывает малое поущение Божие, искуситель диавол неудержимо приближается; но по мере силы искушаемых им, а не по желанию своему приражается к ним беззаконный диавол. И чрез сие испытываются истинные и твердые в любви Божией: пренебрегают ли они всем этим, и вменяется ли это в глазах их ни во что в сравнении с любовью Божиею, всегда ли смиряются они и воздают славу Содействующему им во всем и Виновнику их победы, и Ему в руки предают себя во время подвига, говоря Богу: «Ты силен,

Господи; Твой это подвиг, Ты ратоборствуй и побеждай в нем за нас». Тогда искушаются они, как золото в горниле.

Так же и ложные боголюбцы изведываются и познаются в таковых искушениях, и они, дав место врагу своему и став повинными, отпадают от Бога, как сор, за беспечность ума своего или за гордость свою, потому что не сподобились приять силу, какая действовала в святых. Содействующая же нам сила не преодолевается. Ибо Господь всемогущ и крепче всех, и во всякое время бывает победителем в смертном теле, когда идет вместе с подвижниками на брань. Если же бывают они побеждены, то явно, что побеждаются без Него. И это суть те, которые, по своему произволению, неразумием своим обнажили себя от Бога, потому что не сподобились силы, вспомоществующей победителям, и даже чувствуют себя лишенными той обычной, собственной своей силы, какую имели во время сильных своих браней. Как же чувствуют это? Видят, что падение их представляется приятным и сладостным в очах их, и что трудно им выдержать жестокость борьбы со врагом их, которую прежде с ревностью решительно преодолевали стремлением естественного движения, сопровождавшимся в то время горячностью и быстротой. И этого не находят они теперь в душе своей.

И те, которые нерадивы и слабы в начале подвига, не только от сих и подобных борений, но и от шума древесных листьев приходят в боязнь и смятение, и малою нуждою, голодом в случае недостатка, и небольшою немощию преодолеваются, отрекаются от подвига и возвращаются вспять. Истинные же и благоискусные подвижники не насыщаются злаками и овощами и, даже питаясь кореньями сухих былий, не соглашаются что-либо вкусить прежде назначенного часа, но в телесном изнеможении и бедствовании лежат на голой земле; очи их едва смотрят от чрезмерного истощания тела, и, если от нужды сей близки бывают к тому, чтобы разлучиться с телом, не уступают над собою победы (врагу) и не оставляют крепкого произволения, потому что желают и вожделевают лучше сделать себе принуждение из любви к Богу и предпочитают трудиться ради добродетели,

нежели иметь временную жизнь и в ней всякое упокоение. И когда находят на них искушения, веселятся паче, потому что усовершаются ими. Даже среди тяжких приключающихся им трудов не колеблются в любви Христовой, но до исхода из жизни сей пламенно желают с мужеством выдерживать трудности и не отступают, потому что чрез это усовершаются. Богу же нашему да будет слава во веки веков! АМИНЬ.

(Слово 60, стр. 323–332)

## **Добро.**

Когда делаешь кому добро, не жди от него воздаяния – и за то и за другое вознаградит тебя Бог (в сирийском тексте: «потом вдвое воздаст тебе Бог»). А если возможно для тебя, делай добро и не ради будущего воздаяния.

(Слово 56, стр. 287)

## **Добровольная нищета и опасность от стяжания по нищелюбию.**

Если возложишь на душу свою предел нищеты, и, по благодати Божией, освободишься от попечений, и нищетою своею станешь выше мира, то смотри, не возлюби стяжания по нищелюбию, для подаяния милостыни, не ввергни души своей в смятение тем, что будешь брать у одного и давать другому, не уничтожь чести своей зависимостью от людей, прося у них, и не утрати свободы и благородства ума своего в попечении о житейском, потому что степень твоя выше степени милостивых; нет, прошу тебя, не будь зависим.

(Слово 56, стр. 287)

## **Добродетель. Что есть добродетель?**

Добродетель не есть обнаружение многих и различных дел, совершаемых телесно, но премудрое в надежде своей сердце, потому что соединяет ее (добродетель) с делами по Богу правый разум. Ум и без дел телесных может совершать доброе; а тело без сердечной мудрости, если и делает что, не может извлечь из сего пользы. Впрочем, человек Божий, когда находит удобство к совершению доброго дела, не утерпит, чтобы не доказать любви к Богу трудом делания своего. Первый чин (умного делания) всегда успевает, второй (трудоу телесных) часто успевает, а иногда и нет.

(Слово 76, стр. 382)

## **О тех, кто приемлет действие добродетели, и кто не приемлет.**

Слово о добродетели требует сердца, не занимающегося землею и близким с нею общением. В человеке же, которого ум утружден заботою о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к тому, чтобы возлюбить ее и взыскать обладания ею.

(Слово I , стр. 6)

## **Награда за добродетель без смирения не дается.**

Если будешь трудиться в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее помощи, то не дивись. Ибо, пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, но за смирение. Кто оскорбляет последнее, тот теряет первую. Кто раньше приял уже награду за добрые дела, тот преимуществует перед имеющим делание добродетели. Добродетель есть мать печали, а от печали рождается смирение, а смирению дается благодать. Воздаяние же бывает уже не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудеет, то первые (добродетель и труд ради нее) будут напрасны.

(Слово 34, стр. 148)

## **Добродетель сопряжена со скорбями.**

Душа, прижавшая на себя попечение о добродетели и живущая с осторожностью и в страхе Божиим, не может быть без печали каждый день, потому что добродетели сопряжены с печалью. Кто уклоняется от скорбей, тот вполне разлучается, несомненно, и с добродетелью. Если возделываешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождают смирение. Бог не хочет, чтобы душа была без попечения. Кто желает не иметь попечения, тот мудрованием своим вне воли Божией. Попечение же разумеется не о телесном, но о том, что утруждает последующих добрым делам. Пока не достигнем истинного ведения, т. е. откровения тайн, посредством искушений приближаемся к смирению. Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости.

Итак, кто желает быть без печали в мыслях своих? Без оскорблений ум не может пребыть в смирении, а без смиренномудрия не может чисто заняться молитвою к Богу. Сперва человек мыслями своими удаляется от должного попечения, а после сего приближается к нему дух гордыни. Когда же человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. И когда человек оскорбит сего Ангела и он удалится, тогда приближается к человеку чуждый (т. е. бес), и с того времени нет уже у него никакого попечения о праведности.

(Слово 34, стр. 149)

## **Добродетель сопряжена с трудностями.**

Не дивись, что, когда приступаешь к добродетели, отовсюду источаются на тебя жестокие и сильные скорби; потому что и добродетелию не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела. Ибо по сему самому, как сказал святой Иоанн, она и наименована добродетелью: «Добродетели, – говорит, – обычно встречать затруднения; она достойна порицания, когда привязана к покою». Блаженный монах Марк сказал: «Всякая добродетель именуется крестом, когда исполняет заповедь Духа». Посему-то «все хотящие жити в страхе Господнем и о Христе Иисусе, гоними будут» (2Тим. 3, 12). Ибо говорит Он: «аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Мк. 8, 34). Кто не хочет жить в покое, тот, погубив «душу свою Мене ради, обрящет ю» (Мф. 16, 25). Для того предварил Он тебя и предложил тебе крест, чтобы ты определил себе смерть и потом уже послал душу свою идти во след Его.

Ничто так не сильно, как отчаяние (т. е. когда человек определит себя на скорби до смерти): оно не знает, чтобы кто победил его десными ли то, или шуими. Когда человек в мысли своей отсечет надежду по отношению к жизни своей, тогда нет ничего дерзнее его. Никто из врагов не может противостать ему, и нет скорби, слух о которой привел бы в изнеможение мудрование его; потому что всякая приключаящаяся скорбь легче смерти, а он подклонил голову, чтобы принять на себя смерть. Если во всяком месте, во всяком деле, во всякое время во всем, что ни захотел бы ты совершить, обречешь себя в уме своем на труды и скорбь, то не только во всякое время окажешься благодерзновенным и не ленивым, чтобы противостать всякому представляющемуся тебе неудобству, но от силы ума твоего побегут от тебя устрашающие и ужасающие тебя мысли, обыкновенно порождаемые в человеке помыслами, устремленными к покою (телесному). И все, что встречается тебе трудного и неудобного, покажется тебе удобным и легким. Нередко будет встречаться с тобою противное тому, чего ты

ожидал; а быть может, никогда не встретится с тобою ничего подобного.

(Слово 49, стр. 220–221)

## **Искушения и скорби в добродетели.**

Добродетели одна другой преемственны, чтобы путь добродетели не был трудным и тяжким, чтобы можно было преуспевать в них по порядку (постепенно), и находить в этом для себя облегчение, и чтобы таким образом самые скорби, переносимые ради добра, соделались любезными, как нечто доброе. Ибо никто не может приобрести действительной нестяжательности, если не убедит и не уготовит себя к тому, чтобы с радостью переносить искушения. И никто не может переносить искушений, кроме уверившегося, что за скорби, к участию которых и подъятию уготовил он себя, можно приять нечто, превосходящее телесный покой. Посему во всяком, кто уготовал себя к нестяжательности, сперва возбуждается любовь к скорбям, а потом приходит к нему помысл не быть стязательным относительно вещей мира сего. И всякий приближающийся к скорби сперва укрепляется верою, а потом приближается к скорбям. Кто отрешится от вещественного, но не отрешится от действенности чувств, разумею зрение и слух, тот уготовит себе сугубую скорбь и будет сугубо бедствовать и скорбеть. Лучше же сказать: какая польза лишить себя чувственных вещей, а чувства услаждать ими? Ибо от страстей, производимых сими вещами, человек терпит то же самое, что прежде терпел при обладании ими на деле, потому что памятование о навыке к ним не выходит у него из мысли. А если мысленные представления вещей без самих вещей производят в человеке болезненное чувство, что скажем о действительном приближении к ним?

(Слово 78, стр. 385386)

## Исцеление души.

**Оно бывает не от знания истин Божиих, а от их делания. Теоретическое знание без делания заповедей Божиих пользы не приносит.**

Знаешь, возлюбленный, что, если не будет исцелена страстная часть души, не обновится, не освятится втайне, не будет связана житием Духа, то душа не приобретет здравия и не освободится от того, чтобы не печалило ее встречающееся ей в твари. И исцеление сие может совершиться по благодати, как было с блаженными Апостолами; потому что они верою усовершеншились в любви Христовой. А иногда бывает, что душа приобретает здравие законно. Ибо, кто деланием заповедей и трудными делами истинного жития препобедил страсти, тот пусть знает, что законно приобрел он душевное здравие, и отдоен млеком (заповедей) от отелесения мира сего, и отсекается от него обычай прежних его впечатлений (греховных), и возрожден, как и первоначально, в духовном, и по благодати был узрен в области Духа, в мыслях внутреннего человека, и приял его в себя мир новый, несложный.

Когда же ум обновлен и сердце освящено, тогда все возникающие в нем (в сердце) мысли возбуждаются сообразно с естеством того мира, в который вступает оно. Сперва возбуждается в нем желание Божественного, и вожделевает оно общения с ангелами и откровения тайн духовного (подаваемого Духом) ведения; и ум его ощущает духовное ведение тварей, и воссиявает в нем созерцание тайн Святыя Троицы, также – тайн достопоклоняемого ради нас домостроительства, и потом всецело входит в единение с ведением надежды будущего.

Итак, из того, что я написал тебе, уразумей состояние свое. Если бы душа, когда заключена в области страстей, могла истинно возлюбить Бога, то не имела бы большой нужды спрашивать и дознавать о таинствах мира духовного. Но явно, что обучение и ведение (познание таинств духовного мира) при страстях не приносит пользы, и недостаточны для того, чтобы отверсть дверь, заключенную пред лицом чистоты. Если же отъяты от души будут страсти, то ум просвещается и устрояется

на чистом месте естества, и не имеет нужды в вопросах, потому что ясно видит блага, обретающиеся на своем месте. Ибо, как внешние ваши чувства не вследствие обучения и вопросов ощущают соприкосновенные им естества и вещи, но каждое чувство естественно, а не с помощью вопросов ощущает встречающуюся ему вещь (потому что нет учения посредствующего между ощущающим и ощущаемым (между чувствами и предметами): слепому сколько ни говори о славе солнца и луны, о сонме звезд, о блеске драгоценных камней – и приемлет, и судит, и представляет себе красоту, какую имеют они, только по названию, знание же и рассуждение его далеки от сладости, доставляемой самым видением: так, подобным сему образом, представляй себе и о созерцании духовном. Ибо ум, прозирающий в сокровенные тайны Духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову, а не спрашивает и не учится, но наслаждается тайнами нового мира, превыше свободы воли своей, соразмерно горячности веры и надежды на Христа, как написал блаженный Павел: «еже... видим, что и уповаем? ...Терпением ждем» (Рим. 8, 24, 25).

(Слово 55, стр. 259–261).

## **Крест. Путь Божий – крест ежедневный.**

Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно (с послаблением себе). О пути же прохладном знаем, где он оканчивается. Богу не угодно, чтобы беспечным был тот, кто Ему предал себя всем сердцем. Попечение же его должно быть об истине. А из сего познается, что под Божьим он Промыслом, когда Бог непрестанно посылает ему печали.

Промысл никогда не попускает, чтобы живущие в искушениях впадали в руки демонские, особливо если они лобызают ноги у братии, прикрывают и утаивают их вины, как бы свои собственные. Кто хочет в мире сем не иметь попечений (жить без подвига за истину) и вожделевает этого, но желает и в добродетели упражняться, то не на ее пути. Ибо праведные не только по воле своей подвизаются в добрых делах, но и невольно выдерживают сильное борение с искушениями, во испытание своего терпения. Душа, имеющая в себе страх Божий, не боится чего-либо такого, что вредит ей телесно, потому что на Бога уповает отныне и во веки веков. АМИНЬ.

(Слово 35, стр. 151–153).

## **Кончина праведника.**

Великий Антоний, стоя однажды на молитве, увидел чью-то душу, возносимую с великою честью, и ублажил сподобившегося таковой славы; блаженный же был Аммон из Нитрии, и та гора, на которой жил святой Антоний, отстояла от Нитрии на тринадцать дней пути.

## **Любовь. Любовь к Богу.**

Любовь к Богу естественно горяча, и, когда нападет на кого (возгорится в ком) без меры, делает душу ту восторженной. Поэтому сердце ощутившего любовь сию не может вмещать и выносить ее, но, по мере качества нашедшей на него любви, усматривается в нем необычайное изменение. И вот ощутительные признаки сей любви: лицо у человека делается румяным и радостным, и тело его согревается. Отступают от него страх и стыд, и делается он как бы восторженным. Сила, собирающая воедино ум, бежит от него, и бывает он как бы изумленным. Страшную смерть почитает радостью, созерцание ума его никак не допускает какого-либо пресечения (прекращения) в помышлении о небесном. И в отсутствии, не зримый никем, беседует как присутствующий. Ведение и видение его естественно преходят, и не ощущает чувственным образом движения, возбуждаемого в нем предметами; потому что, хотя и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его парит в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем другим.

(Слово 73, с. 369)

## Любовь к ближним – признак духовного совершенства.

Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворяются сим, как Моисей сказал Богу: «аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изгладя мя из книги Твоея, в нюже вписал еси» (Исх. 32,32); и как говорит блаженный Павел: «молил бых ся отлучен быти от Христа по братии моей», и так далее (Рим. 9,3); и еще: «ныне радуюся в скорбех о вас, язычниках» (Колос. 1,24). И прочие Апостолы за любовь к жизни человеков прияли смерть во всяких ее видах.

Конец же всего этого вкупе – Бог и Господь. По любви к твари Сына Своего предал Он на крестную смерть. «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть» за него на смерть (Иоан. 3,16), не потому, что не мог искупить нас иным образом, но Он научил нас тем преизобилующей любви Своей; и смертью Единородного Своего Сына приблизил нас к Себе. А если бы у Него было что более драгоценное, и то дал бы нам, чтобы сим приобрести Себе род наш. И, по великой любви Своей, не благоволил стеснить свободу нашу, хотя и силен Он сделать это, но благоволил, чтобы любовью собственного нашего сердца приблизились мы к Нему. И Сам Христос, по любви Своей к нам, послушен был Отцу Своему в том, чтобы с радостью принять на Себя поругание и печаль, как говорит Писание: «вместо предлежащая Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив» (Евр. 12,2). Посему-то Господь в ту ночь, в которую был предан, сказал: «сие есть тело Мое, еже за мир даемо» в жизнь (Лук. 22,19); и: «сия есть кровь Моя, ...яже за многия изливаема во оставление грехов» (Мф. 26,28); и еще говорит: «за них Аз свящу Себе» (Иоан. 17,19). Так достигают сего совершенства и все святые, когда соделываются совершенными и уподобляются Богу изливанием любви своей и человеколюбия ко всем. И домогаются святые сего признака – уподобиться Богу совершенством в любви к ближнему. Так поступали и отцы наши, иноки, когда для одного совершенства

всегда принимали в себя уподобление, исполненное жизни Господа нашего Иисуса Христа.

Никто не может взойти на степень этой любви, если не ощутит он тайны надежды (будущей жизни) своей. И не могут приобрести любви к человекам те, которые любят мир сей. Когда приобретает кто любовь, облачается в Самого Бога. А тому, кто стяжал Бога, необходимо не только не соглашаться на приобретение с Ним чего-либо иного, но и совлечься тела своего. Если же любовью к миру облечется кто в этот мир и в эту жизнь, то не облечется он в Бога, пока не оставит сего. Ибо Сам Бог засвидетельствовал сие, говоря: "аще кто... не оставит всего, и не возненавидит... душу свою, не может Мой быти ученик» (Лук. 14,26). Должно не только оставить, но и возненавидеть это. А если кто не может быть учеником Господним, то как Господь будет обитать в нем?

(Слово 48, стр. 207–209).

## **Любовь к плоти.**

В какой мере превозмогает в тебе любовь к плоти, в такой не можешь ты быть дерзновенным и бестрепетным при многих противоборствиях, окружающих любимое тобою (Подвижнические наставления).

## **Мера всякой вещи.**

Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным.

(Слово I , стр. 6).

## **Милосердие и безмолвие инокa.**

ВОПРОС. Почему Господь наш, для уподобления нашего величию Отца Небесного, назначил нам милосердие, иноки же предпочитают милосердию безмолвие ?

ОТВЕТ: Вот на него ответ. Хорошо, что из Евангелия представил ты пример и образец исследования об этом великом житии – безмолвии. Мы становимся против милосердия (т.е. иноки, предпочитая безмолвие милосердию, становятся как бы противниками последнего), но не стараемся обратить оное в ничто, как нечто излишнее. Господь для уподобления нашего Отцу Небесному назначил нам милосердие, потому что творящих его приближает оно к Богу. И мы, иноки, не чтим безмолвия без милосердия, а стараемся, сколько возможно, удалиться от попечения и мятежа. Не то что мы хотим противостать необходимости, когда она встречается (т.е. мы не отказываемся оказать милость в случае действительной надобности), но заботимся о безмолвии, чтобы пребывать в богомыслии, которым всего более можем возратить себе чистоту после смущения и приблизиться к Богу. Если же, когда на известное время будет необходимая какая потребность в нас братьям, не должно нерадеть об оной. Посему будем непрестанно понуждать себя – во всякое время внутренно быть милосердными ко всякому разумному естеству. Ибо так внушает нам учение Господне, и в этом состоит отличие нашего безмолвия, а не (бывает оно) как придется. И надобно не только сохранять это внутреннее наше милосердие, но, когда призывают самые обстоятельства дел и нужда, не вознерадеть и о том, чтобы доказать любовь свою (к ближнему) явно, и в особенности, если безмолвники не определили себя на совершенное безмолвие – даже и не встречаться ни с кем, но следуют правилу назначающих для себя безмолвие на одну или на семь седмиц. Ибо таковые, даже в продолжение времени, назначенного правилом, не удерживают себя от дел милосердия к ближнему, разве кто крайне жесток, суров и бесчеловечен и держится безмолвия лицемерно и напоказ. Ибо

мы знаем, что без любви к ближнему ум не может просвещаться Божественною беседою и любовью.

И какой ныне мудрый монах, имея у себя пищу и одеяние и видя ближнего своего алчущим и обнаженным, не отдаст ему того, что имеет, но сбережет что-либо из этого? Или еще: кто видя, что человек единой с ним плоти томится в болезни, бедствует от изнеможения и имеет нужду в призрении, из любви к безмолвию правило затвора предпочтет любви к ближнему? Когда же нет чего-либо подобного (если не будет таких случаев), будем в уме хранить любовь и милосердие к братьям. Ибо в том только случае, когда вещи близко (когда подобные случаи близ нас). Бог требует от нас исполнить и показать любовь на самом деле. Посему явно, что, если ничего у себя не имеем, не дозволяется нам ввергать себя в попечение и мятежи ради нищих; а если что имеем, требуется от нас это. Также, если, по принятому нами роду жизни, удаляемся от сожителства с людьми и от того, чтобы видеться с ними, то не надлежит нам оставлять келлию свою и место иноческого и отшельнического пребывания и предавать себя на то, чтобы кружиться по миру, посещать больных и проводить время в подобных делах. Ибо явно, что в подобных случаях бывает переход от высшего к низшему. Если же кто живет в обществе многих и находится близ людей в месте пребывания своего с ними, и трудами других упокоевается во время здоровья или болезни, то и сам обязан делать то же, а не выставлять на вид ложного своего безмолвия, так чтобы самому вполне требовать себе от других успокоения, но, как скоро увидит в тесных обстоятельствах сына плоти своей, носящего на себе один с ним образ, лучше же сказать, увидит поверженного и страждущего Христа, – удаляться и скрываться от него. Всякий таковой немилосерд.

(Слово 55, стр. 247–249).

## **Милосердие и правосудие.**

Милосердие и правосудие в одной душе – то же, что человек, который в одном доме поклоняется Богу и идолам. Милосердие противоположно правосудию. Правосудие есть уравнивание точной меры: потому что каждому дает, чего он достоин, и при воздаянии не допускает склонения на одну сторону или лицепрятия. А милосердие есть печаль, возбуждаемая благодатию, и ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин зла, тому не воздает (злом), и кто достоин добра, того преисполняет (с избытком). И если в одном есть часть справедливости, то в другом есть часть злобы<sup>5</sup>. Как сено и огонь не терпят быть в одном доме, так правосудие и милосердие – в одной душе. Как песчинка не выдерживает равновесия с большим весом золота, так требования правосудия Божия не выдерживают равновесия в сравнении с милосердием Божиим.

Что горсть песку, брошенная в великое море, то же грехопадение всякой плоти в сравнении с Промыслом и Божиею милостию. И как обильный водою источник не загрязждается горстью пыли, так милосердие Создателя не препобеждается пороками тварей.

(Слово 89, стр. 419–420).

## **Милостивый. Кого можно назвать милостивым.**

Некто из святых сказал об этом: «Слеп милостивый, если не бывает справедлив; разумею же, что должен давать другому из добытого собственными усилиями и трудами, а не из добытого ложью, неправдою, ухищрениями». И еще он же в другом месте сказал: «Если угодно сеять в нищих, то сей из собственного. А если вознамеришься сеять из чужого, то знай: это – самые горькие плевелы». А я присовокупляю, что, если милостивый не бывает выше своей справедливости (в сирийском тексте так:

«А я говорю, что милосердый даже и тогда не истинно милосерд, если он еще не возвысился над простою справедливостью»), то он не милостив, т.е. милостивый не только дает людям милостыню из своего собственного, но и с радостью терпит от других неправду и милует их. А когда препобедит справедливость милостынею, тогда увенчивается не подзаконными венцами праведников, но евангельскими венцами совершенных. Ибо подавать нищим из собственности своей, одеть нагого, любить ближнего, как себя самого, не обижать, не лгать – это провозглашал и закон ветхий; совершенство же евангельского домостроительства повелевает так: «от взимающаго твоя не истязуй, и всякому просящему дай» (Лук. 6,30). И должно с радостью терпеть не только неправедное отъятие какой-либо вещи и прочее внешнее, но и самую душу полагать за брата. Этот – милостив, а не тот, кто подаянием только оказывает милость брату своему! Но и тот милостив, кто услышит или увидит что-либо опечаливающее брата его и сострадает сердцем, а равно и тот, кто, будучи заушен братом своим, не возымеет столько бесстыдства, чтобы отвечать и опечалить сердце его.

(Слово 56, стр. 278–279).

## **Милостыня. Следует ли творить милостыню монахам?**

Однажды укорен был некий брат, что не подал милостыни; и он дерзко и гордо отвечал укоровшему его: «Монахам не поставлено в обязанность подавать милостыню». Но укоровший возразил ему: «Виден и явен тот монах, которому не поставлено в обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто с открытым лицом может сказать Христу, как написано: «се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом» (Мф. 19,27), т.е. кто ничего не имеет на земле, не занимается телесным, не помышляет ни о чем видимом, не заботится о каком-либо приобретении, но, если кто и дает ему что, берет только нужное на потребу, а что сверх потребности, ставит то ни во что и живет точно как птица. Таковому не поставлено в обязанность подавать милостыню. Ибо как может давать другому из того, от чего свободен сам? Но кто занят делами житейскими, собственными своими руками работает и сам берет у других, тот тем более обязан подавать милостыню. И если нерадеть ему о милостыне, то немилосердие это есть противление Господней заповеди. Ибо, если кто не приближается к Богу втайне (сокровенным деланием) и не умеет служить Ему духом, но не заботится и о делах явных, которые возможны для него, то какая еще будет у такового надежда приобрести себе жизнь? Таковой несмыслен».

(Слово 14, стр. 55–56).

## **Молитва. Чего необходимо просить у Господа в молитве, чтобы просимое было благоприятно Богу.**

Не будь несмыслен в прошениях своих, чтобы не оскорбить тебе Бога неразумием. Будь мудр в своих молитвах, чтобы сподобиться тебе славы. Проси досточестного у Дающего без зависти, чтобы за мудрое свое хотение приять от Него и почесть. Премудрости просил себе Соломон, и поскольку у великого Царя просил премудрого, то с премудростию приял и царство земное. Елисей просил в сугубой мере той благодати Духа, какую имел учитель, и прошение его не осталось неисполненным. Ибо кто у царя домогается маловажного, тот унижает его честь. Израиль просил маловажного, и постиг его гнев Божий. Оставил он то, чтобы в делах Божиих дивиться страшным чудесам Божиим, и домогался удовлетворить похотениям чрева своего. Но «еще брашну сушу во устех их, и гнев Божий взыде на ня» (Пс. 77, 30, 31). Приноси Богу прошения свои сообразно с Его славою, чтобы возвеличилось пред Ним достоинство твое и возрадовался Он о тебе. Если кто попросит у царя немного навоза, то не только сам себя обесчестит маловажностью своей просьбы, как показавший тем великое неразумие, но и царю своею просьбою нанесет оскорбление. Так поступает и тот, кто в молитвах своих у Бога просит земных благ. Ибо вот Ангелы и Архангелы – сии вельможи Царя, во время молитвы твоей, взирают на тебя, с каким прошением обратишься к Владыке их; и изумляются и радуются, когда видят, что ты, земной, оставил плоть свою и просишь небесного; и напротив того, огорчаются, смотря на того, кто оставил небесное и просит своего гноя.

Не проси у Бога того, что сам Он без прошения дает нам по Своему промыслению, и дает не только Своим и возлюбленным, но и тем, которые чужды ведения о Нем. Ибо сказано: не будьте, якоже язычницы, лишше глаголющими в молитвах своих (Мф. 6,7). Это есть телесное, и сих языцы ищут, сказал Господь. Вы же не пецытесь, что ясте или что пиете, или во что облечетесь. Вестъ бо Отец ваш, что имеете в этом нужду

(Мф. 6,25, 32). Сын у отца своего не просит уже хлеба, но домогается наибольшего и высшего в доме отца своего. Ибо по немощи только ума человеческого Господь заповедал просить повседневно хлеба. Но смотри, что заповедано тем, которые совершенны ведением и здравы душою. Им сказано: не печетесь о пище или одежде; потому что, если Бог печется о бессловесных животных, о птицах и о тварях неодушевленных, то кольми паче попечется о нас: «ищите же паче царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6,33).

(Слово 5, стр. 26–27).

## **Почему иногда Господь медлит услышать молитву?**

Если просишь чего у Бога и Он медлит услышать тебя вскоре, не печалься, потому что ты не премудрее Бога. Бывает же сие с тобою или потому, что недостоин ты получить просимое; или потому, что пути сердца твоего не соответствуют, но противны прошениям твоим; или потому, что не пришел ты еще в меру, чтобы приять дарование, которого просишь. Ибо не должно нам прежде времени касаться великих мер, чтобы дарование Божие, от скорости приятия оно, не сделалось бесполезным; потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же, приобретенное с болезнью сердечною, и хранится с осторожностью.

(Слово 5, стр. 28).

## **Молитва должна быть сообразна с жизнью.**

Сообразна с житием твоим должна быть и молитва твоя. Ибо тому, кто привязан к земному, невозможно домогаться небесного, и тому, кто занят мирским, нет возможности просить Божественного; потому что пожелание каждого человека показывается делами его; в чем показывает он свое рачение, о том подвизается в молитве. Кто желает великого, тот не бывает занят маловажным.

(Слово 5, стр. 28).

### **Участие в молитве нашего тела.**

Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души.

(Слово 11, стр. 51–52).

## О чистой молитве.

Как вся сила законов и заповедей, какие Богом даны людям, по слову Отцов, имеет пределом чистоту сердца, так все роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имеют пределом чистую молитву. Ибо и воздыхания, и коленопреклонения, и сердечные прошения, и сладчайшие вопли, и все виды молитвы, как сказал я, имеют пределом чистую молитву, и до нее только имеют возможность простираться. А от чистоты молитвенной и до внутренней, как скоро мысль переступила этот предел, не будет уже иметь она ни молитвы, ни движения, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошения, ни вождения, ни услаждения чем-либо из уповаемого в сей жизни или в будущем веке. И поэтому после чистой молитвы иной молитвы нет. До сего только предела всякое молитвенное движение и все виды молитвы доводят ум властью свободы. Потому и подвиг в молитве. А за сим пределом будет уже изумление, а не молитва; потому что все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание, и не молитвою молится ум. Всякая, какого бы то ни было рода, совершаемая молитва совершается посредством движений; но как скоро ум входит в духовные движения, не имеет там молитвы. Иное дело – молитва, а иное – созерцание в молитве, хотя молитва и созерцание заимствуют себе начало друг в друге. Молитва есть сеяние, а созерцание – собирание рукоятей, при котором жнущий приводится в изумление неизглаголанным видением, как из малых и голых, посеянных им зерен, вдруг произросли пред ним такие красивые класы. А он в собственном своем делании (в древн. и славян. переводах вместо слов «в своем делании» читается «в своем видении») пребывает без всякого движения; потому что всякая совершаемая молитва есть моление, заключающее в себе или прошение, или благодарение, или хваление.

(Слово 16, стр. 61–62).

## **Чистой молитвы достигают немногие.**

Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное с малым недостатком и достигший душевной чистоты, так и из тысячи разве один найдется сподобившийся, при великой осторожности, достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и приять оное таинство; потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие; сподобились же весьма редкие, а достигший того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божией, находятся и из рода в род.

(Слово 16, стр. 62).

## **Что есть молитва по содержанию? От чего зависит чистота и нечистота молитвы.**

Молитва есть моление и попечение о чем-либо и желание чего-либо, как-то: избавления от здешних или будущих искушений или желание наследия Отцов; моление – это то, чем человек приобретает себе помощь от Бога. Сими движениями и ограничиваются движения молитвенные. А чистота и нечистота молитвы зависят от следующего: как скоро в то самое время, как ум приуготовляется принести одно из сказанных нами движений своих, примешивается к нему какая-либо посторонняя мысль, или беспокойство о чем-нибудь, тогда молитва сия не называется чистою; потому что не от чистых животных принес ум на жертвенник Господень, т.е. на сердце – этот духовный Божий жертвенник.

(Слово 16, стр. 62).

## **Духовная молитва.**

ВОПРОС. Что такое духовная молитва, и как подвижнику сподобиться ее?

ОТВЕТ. Душевные движения, за строгую непорочность и чистоту, делаются причастными действительности Святого Духа. И ее сподобляются один из многих тысяч людей, потому что это – тайна будущего состояния и жития. Ибо он возносится, и естество пребывает недейственным, без всякого движения и памятования о здешнем. Не молитвою молится душа, но чувством ощущает духовные вещи иного века, превышающие понятие человеческое, уразумение которых возможно только силою Святого Духа. А это есть умное созерцание, но не движение и не взыскание молитвы, хотя от молитвы заимствовало себе начало. Ибо чрез это некоторые из подобных сим людей достигали уже совершенства чистоты. И нет часа, в который бы внутреннее их движение было не в молитве, как сказали мы выше. И когда приникает Дух Святой, всегда обретает таковых в молитве; и от этой молитвы возносит их к созерцанию, которое называется духовным зрением. Ибо не имеют они нужды в образе продолжительной молитвы, ни в стоянии и в чине продолжительной службы. Для них достаточно вспомнить о Боге, и тотчас пленяются любовью Его. Впрочем, не нерадят совершенно и о стоянии на молитве, когда воздают честь молитве, и, кроме непрестанной молитвы, в назначенные часы стоят на ногах.

Ибо видим святого Антония стоящим на молитве девятого часа и ощутившим возношение ума своего. И другой из Отцов, с воздетыми руками стоя на молитве, приходил в восхищение на четыре дня. И другие многие, во время таковой молитвы, пленяемы были сильным памятованием о Боге и великою любовью к Нему и приходили в восхищение. Сподобляется же ее человек, когда хранением заповедей Господних, противящихся греху, и внутренно и наружно совлечется греха. Кто возлюбит сии заповеди и воспользуется ими по чину, для того необходимым сделается освободиться от многих

человеческих дел, т.е. совлечься тела и быть вне его, так сказать, не по естеству, но по потребности. Кто ведет жизнь по образу Законоположника и руководствуется заповедями Его, в том невозможно оставаться греху. Посему Господь обетовал в Евангелии сохранившему заповеди сотворить у него обитель (Иоан. 14,23).

(Слово 21, стр. 104–105).

## **Что необходимо, чтобы ощутить действие благодатное в молитве.**

Хочешь ли насладиться стихословием, во время службы своей, и принять ощущение произносимых тобою словес Духа? Отложи совершенно в сторону количество стихословий, не принимай в расчет знания меры в стихах, произноси их как молитву, оставь обычное вычитывание и уразумей, что говорю тебе и что сказано на основании опыта, как бы в книге одного из мужей, руководимых Богом: да углубляется ум твой в изучение словес Духа, пока душа твоя удивлением к домостроительству не возбудится к великим их разумениям и чрез это не подвигнется к славословию или к полезной печали. И ежели есть что в молитве, усвой это себе; и когда ум твой утвердится в этом, тогда смущение уступит свое место и удалится. Ибо в рабском делании (в вычитывании только положенного) нет мира уму, и в свободе чад нет мятежного смущения; смущение же отнимает обыкновенно вкус у смысла и понятливости, и расхищает мысли подобно пиявке, высасывающей жизнь из тел с кровию их членов. И смущение, если только возможно, прилично будет назвать колесницею дьявола, потому что сатана имеет всегда обычай, подобно ездоку, восседать на ум, брать с собою кучу страстей, с ними входить в несчастную душу и погружать ее в смущение. Но пойми рассудительно и это: при стихословий псалмопения твоего не будь как бы заимствующим слова у другого, чтобы не подумать, будто бы дело поучения умножаешь непрерывно, и совершенно не стать далеким от почерпаемых в стихах умиления и радости; но, как сам от себя, произноси слова прошения твоего с умилением и рассудительным разумением, как истинно понимающий дело свое.

(Слово 30, стр. 136–137).

## Что такое молитва?

Надлежит же знать нам, возлюбленные, и то, что всякая беседа, совершаемая втайне (внутренно), всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном устанавливается молитвою и нарицается именем молитвы, и под сим именем сводится воедино, будешь ли разуметь различные чтения, или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопение в стихословии, или все прочее, из чего составляется все учение чистой молитвы, от которой рождается любовь Божия; потому что любовь от молитвы, а молитва – от пребывания в отшельничестве.

(Слово 39, стр. 166).

И еще был спрошен: «Что такое молитва?» – и сказал: «Свобода и упразднение ума от всего здешнего, сердце, совершенно обратившее взор свой к вожделению уповаемого в будущем. А кто далек от сего, тот на ниве своей сеет смешанное семя и подобен впрягающему в ярмо вместе вола и осла» (Втор. 22,10).

(Слово 48, стр. 206).

## Молитва будущего века.

Потому что в будущем веке не приносят Богу молитв с прошениями о чем-либо. В оном отечестве свободы естество наше не приемлет изменения и уклонения под страхом сопротивления, потому что во всем совершенно. Поэтому повелел (подвизаться в молитве) не ради только молитвы и хранения себя (от явного изменения) самих, но и по причине тонкости и непостижимости того, что всегда с нами встречается и не объемлется ведением ума нашего в тех состояниях, в каких нередко находимся непроизвольно во всякое время. Ибо, хотя мысли наши и весьма тверды и прилеплены к добру, однако же Промысл Его неоднократно оставлял нас на пределе искушений и ввергал в оные, как сказал блаженный Павел: «за премногая откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, аггел сатанин, да ми пакости деет. И о сем трикраты Господа молих, да отступит от Мене: и рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается» (2Кор. 12, 7–9).

(Слово 47, стр. 201–202).

## **Предстояние Богу в молитве со смирением и полной преданностью Промыслу Божию.**

Когда предстанешь в молитве пред Бога, соделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле, как бы пиявицею и как бы ребенком лепечущим. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему, и ходи пред Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческого Промышления, какое отцы имеют о детях своих, младенцах. Сказано: «храни младенцы Господь» (Пс. 114,5). Младенец подходит к змее, берет ее за шею, и она не делает ему вреда. Нагим ходит младенец целую зиму, когда другие одеты и укрыты, и холод входит во все члены его, а он – нагой сидит в день холода, зимней стужи и изморози и не болеет. Ибо тело простоты его иным невидимым одеянием покрывает оный сокровенный Промысл, соблюдающий нежные члены его, чтобы не приблизился к ним от чего-либо вред.

Веришь ли теперь, что есть некий сокровенный Промысл, Которым нежное тело, склонное по своей нежности и слабому сложению тотчас принять в себя всякий вред, охраняется среди сопротивного ему и не преодолевается тем? Сказано: «храни младенцы Господь» (Пс. 114,5), и не только сих малых телом, но и тех мудрых в мире, которые оставляют ведение свое, опираются на оную вседовлеющую Премудрость, волею своею уподобляются младенцам, и потом уже научаются оной мудрости, не ощущаемой от дел обучения. И прекрасно сказал богомудрый Павел: «кто мнится мудр быти в мире сем, буй да бывает, яко да премудр будет» (1Кор. 3,18). Впрочем, проси у Бога, чтобы дал тебе прийти в меру веры. И если ощутишь в душе своей наслаждение ею, то нетрудно сказать мне при сем, что нечему уже отвратить тебя от Христа. И нетрудно тебе каждый час быть отводимым в плен далеко от земного и укрыться от этого немощного мира и от воспоминаний о том, что в мире. О сем молись неленостно, сего испрашивай с

горячностью, об этом умоляй с великим рачением, пока не получишь.

(Слово 49, стр. 214–215).

## **Благочестивые упражнения во время молитвы и расслабления духовного.**

Не называй праздною продолжительность молитвы невысокопарной, собранной и долгой, из-за того, что оставил ты при этом псалмы. Но паче упражнения в стихословии возлюби на молитве поклоны. Молитва, когда подает тебе руку, заменяет собою Божию службу. И когда во время самой службы дано тебе будет дарование слез, услаждение ими не называй праздною в молитве; потому что благодать слез есть полнота молитвы.

В то время, как ум твой рассеян, паче молитвы занимайся чтением. Но, как сказано, не всякое писание полезно. Возлюби безмолвие гораздо более дел. Если можно, чтение предпочитай стоянию. Ибо чтение источник чистой молитвы. Ни под каким видом не предавайся нерадению; трезвись же от парения ума. Ибо псалмопение корень жития. Впрочем, знай и то, что дела телесные много полезнее стихословия, совершаемого с парением ума. А печаль умная (о грехах и неисправностях своих) превосходит и телесный труд. Во время нерадения трезвись и возбуждай в себе понемногу ревность; потому что она сильно пробуждает сердце и согревает душевные мысли. Против похоти, во время нерадения, помогает природе раздражительность, ибо прекращает холодность души. Нерадение же обыкновенно приходит на нас по сим причинам: или от обременения чрева, или от множества дел.

(Слово 40, стр. 167–168).

## **Монах. Монаху вредно видеть и слышать мирское.**

Что монаху вредно видеть мирское, сам ты это знаешь. И смотри, какое изменение происходит в уме долгое время безмолвствовавшего с самим собою, когда он вдруг снова впадает в это, и видит, и слышит, что для него непривычно. Если тому, кто в подвиге и ведет еще брань с сопротивником своим, вредит и встреча с монахами, когда они не близки к его устройению, то рассуди, в какой кладезь падем (пришедши в мир) мы, особливо долгим опытом приобретшие познание? О, если бы избавиться нам от жала врага нашего! Поэтому не требуй от меня, чтобы я без нужды сделал это. Да не обольщают нас утверждающие, будто бы никакого вреда нет для нас от того, что слышим и видим нечто, ибо мы будто бы одинаковы по мыслям своим и в пустыне, и в мире, и в келлии, и вне ее, и не изменяемся в кротости нашей, и не принимаем худой перемены, и при встрече с лицами и вещами не чувствуем тревоги страстей. Утверждающие это, если и раны приемлют, не знают этого; но мы не достигли еще сего душевного здоровья; ибо имеем на себе смердящие язвы, и они вскипят червями, если и один день не будет о них попечения, и останутся они неперевязанными, не будут обложены пластырем и стянуты перевязками.

(Слово 24, стр. 116–117).

## Мир.

ВОПРОС. Что такое мир? Как познаем его, и чем вредит он любителям своим ?

ОТВЕТ. Мир есть блудница, которая взирающих на нее с вожделением красоты ее привлекает в любовь к себе. И кем, хотя отчасти, возобладала любовь к миру, кто опутан им, тот не может выйти из рук его, пока мир не лишит его жизни. И когда мир совлечет с человека все и в день смерти вынесет его из дому его, тогда узнает человек, что мир подлинно льстец и обманщик. Когда же будет кто усиливаться выйти из тьмы мира сего, пока еще сокрыт в нем, не сможет видеть пут его. И таким образом, мир удерживает в себе не только учеников и чад своих и тех, которые связаны им, но и нестяжательных, и подвижников, и тех, которые сокрушили узы его и однажды стали выше его. Вот, и их различными способами начинает уловлять в дела свои, повергает к ногам своим и попирает.

(Слово 21, стр. 83).

Когда слышишь об удалении от мира, об оставлении мира, о чистоте от всего, что в мире, тогда нужно тебе сначала понять и узнать, по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит самое наименование мир, из каких различий составляется это имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей, сколько далека она от мира, и что примешано к ней от мира.

Слово МИР есть имя собирательное, обнимающее собою так называемые страсти. Если человек не узнал прежде, что такое мир, то не достигнет он до познания, какими членами далек от мира и какими связан с ним. Много есть таких, которые двумя или тремя членами отрешились от мира и отказались от общения ими с миром, и подумали о себе, что стали они чуждыми миру в житии своем; потому что не уразумели и не усмотрели премудро, что двумя только членами умерли они миру, прочие же их члены в теле живут миру. Впрочем, не смогли они сознать в себе и страстей своих; и как не сознали их, то не позаботились и об их уврачевании.

По умозрительному исследованию миром называется и состав собирательного имени, объемлющего собою отдельно взятые страсти. Когда вообще хотим наименовать страсти, называем их миром, а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями. Страсти же суть части преемственного течения мира; и где прекращаются страсти, там мир стал в своей преемственности. И страсти суть следующее: приверженность к богатству, к тому, чтобы собирать какие-либо вещи; телесное наслаждение, от которого происходит страсть плотского вожделения; желание чести, от которого истекает зависть; желание распоряжаться начальственно; надмение благолепием власти; желание наряжаться и нравиться; искание человеческой славы, которая бывает причиною злопамятства; страх за тело. Где страсти сии прекращают свое течение, там мир умер; и в какой мере недостает там некоторых из сих частей, в такой мере мир остается вне, не действуя теми частями состава своего, как и о святых сказал некто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти. И ты смотри, какими из сих частей живешь; тогда узнаешь, какими частями ты живешь, и какими умер миру. Когда познаешь, что такое мир, тогда из различия всего этого познаешь и то, чем связан ты с миром и чем отрешился от него. И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что исшел он от мира. И отчуждение от мира познается по сим двум признакам: по превосходнейшему житию и по отличию понятий самого ума. Из сего, наконец, возникают в мысли твоей понятия о вещах, в которых блуждает мысль своими понятиями. По ним уразумеешь меру жития своего: вожделевает ли чего естество без насилия себе, есть ли в тебе какие прозябения неистребляемые, или какие, производимые только случаем; пришел ли ум в сознание понятий совершенно нетелесных, или весь он движется в вещественном, и это вещественное страстно. Ибо печати овеществления дел, под какими ум невольно представляется во всем, что ни совершает, суть добродетели. В них-то без немощи заимствует для себя причину

к горячности и собранности помыслов с доброю целию потрудиться телесно, для упражнения сей горячности, если только делается сие нестрастно. И смотри, не изнемогает ли ум, встречаясь с сими печатями тайных помыслов, по причине лучшего пламенения по Богу, которым обыкновенно отсекаются суетные памятования<sup>6</sup>.

(Слово 2, стр. 14–16).

## **Мужественный и боязливый.**

Не унывай, когда дело идет о том, что доставит тебе жизнь, и не поленись за это умереть, потому что малодушие – признак уныния, а небрежение (о должном) – мать того и другого. Человек боязливый дает о себе знать, что страждет двумя недугами, т.е. телолюбием и маловерием. А телолюбие признак неверия, но кто пренебрегает сим, тот удостоверяет о себе, что всею душою верует Богу и ожидает будущего (разумеется, вероятно, блаженство будущей жизни).

(Слово 75, стр. 380–381).

## **Мысли о смерти в начале доброго дела.**

Когда хочешь положить начало Божью делу, сделай прежде завещание, как человек, которому уже не жить в этом мире, как приготовившийся к смерти и отчаявшийся в настоящей жизни, как достигший времени срока (кончины) своего. И действительно имей это в мысли, чтобы надежда продлить настоящую жизнь не воспрепятствовала тебе подвизаться и победить, потому что надежда продлить сию жизнь расслабляет ум. Посему отнюдь не умудряйся (т.е. живи не только умом, но и верою) до излишества, но вере дай место в уме своем; содержи в памяти многие дни будущие и неисповедимые века после смерти и суда, и да не придет на тебя некогда расслабление, по словам Премудрого, что тысяча лет нынешнего века не равняется и одному дню в веке праведных (Пс. 89,5). С мужеством начинай всякое доброе дело, а не с двоедушием приступай к таким делам; не колеблись сердцем твоим в уповании на Бога, чтобы труд твой не стал бесполезен и делание твоей службы тягостно. Напротив того, веруй сердцем твоим, что Господь милостив и ищущим Его дает благодать, как мздовоздаятель, не по деланию нашему, не по усердию и по вере душ наших. Ибо говорит: «якоже веровал еси, буди тебе» (Мф. 8,13).

(Слово 58, стр. 319).

## **Надежда. Надежда грешника погрешительна.**

Но человек, у которого сердце совершенно погребено в земном, который всегда ест с змием персть, никогда не печется о благоугодном Богу, но утомлен и расслаблен всем телесным, не совершает ни одной добродетели, по причине всегдашних сношений с людьми и рассеяния в наслаждениях, и представляет какие-либо к тому предлоги (находит некоторые предлоги к извинению) – такой человек действительно, по этой лености и праздности, отпал от доброго. И когда будет стесняем скудостью в чем-нибудь или смертью и подавлен плодами беззаконий своих, тогда и он, может быть, скажет: «Возложу упование на Бога, и сделаю меня без заботы, и даст мне послабление». До этого часа не вспоминал ты, безумный, о Боге, но оскорблял Его непотребством дел своих, и имя Божие ради тебя, как написано, хулимо было язычниками (Рим. 2,24); и ныне ли осмеливаешься говорить отверстыми устами: «На Него возложу упование, Он поможет мне и попечется о мне!» В посрамление таковых хорошо сказал Бог чрез Пророка: «Мене день от дне ищут, и разумети пути Моя желают, яко людие, правду сотворивший, и суда Бога своего не оставивший, просят... у Мене суда праведна» (Ис. 58,2). К числу таковых принадлежит сей безумец, который и мыслию своею не приближался к Богу, а как скоро окружен стал скорбями, воздевает к Нему руки свои с упованием. Такового потребно было бы много раз жечь на огне, чтобы всячески вразумить его; потому что не сделано им ничего такого, по чему был бы он достоин иметь упование на Бога. Напротив того, за свои лютые деяния и за свое нерадение о должном достоин он наказания; и Бог, долготерпя, по милости только Своей терпит его. Поэтому да не обольщает себя таковой, да не забывает, какова жизнь его, и да не говорит, что надеется он на Бога: ибо будет наказан, потому что нет у него ни одного дела веры. Да не направляет он стопы свои в праздность и да не говорит: «Верую, что подаст мне Бог необходимое», – как провождающий житие в делах Божиих, или да не ввергается безрассудно в кладезь, никогда не

имев в помышлении Бога. А то, по отпадении (от добра), он скажет: «Возложу упование на Бога, Он избавит меня». Не обольщайся, безумный; надежду на Бога предваряет труд для Бога и пролитый в делании пот. Если веруешь в Бога, то хорошо делаешь. Но вера эта требует и дел, и надежда на Бога является от злострадания за добродетели. Веруешь ли, что Бог промышляет о тварях Своих и всемогущ? Да сопровождает веру твою подобающее делание, и тогда услышит тебя Бог. Не старайся горстью своей удерживать ветер, т.е. веру без дел.

(Слово 67, стр. 348–349).

## Надежда праведника.

Человек, который вовсе не имеет заботы о вещах тленных, но всецело, днем и ночью, вверяет себя Господу, не заботится ни о чем мирском, по великой своей рачительности о добродетелях, все свое время употребляет на занятия Божественным и потому не радит о приготовлении себе яств и одежд, о приготовлении места жительства телу и о всем прочем – такой человек прекрасно и разумно надеется на Господа: потому что Господь уготовит для него необходимое. И это – подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо таковому надеяться на Бога, потому что соделался рабом Его и рачителен к делу Его, не предается нерадению, по какой бы то ни было причине. Таковой достоин, чтобы на нем особенным образом показал Бог Свою попечительность; потому что сохранил он заповедь Божию, которая говорит: «ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6,33); «и плоти угодия не творити в похоти» (Рим. 13,14). Ибо, при таковом вашем устроении (душевном), мир, как раб какой, приготовит нам все, без сомнения будет подчиняться нам, как владыкам, не воспротивится словам нашим и воле нашей. Такой человек, чтобы не прерывать ему непрестанного предстояния Богу, не предается заботам о необходимой потребности тела, и, по страху Божию, ни о чем о другом не печется, кроме того одного, чтобы свободным ему быть от всякой таковой, малой и великой, заботы, имеющей целию удовольствие и парение (рассеянность) ума; и однако же чудесным образом получает это, не заботившись и не трудившись о сем.

(Слово 67, стр. 347–348).

## **Недоверие. К себе во время душевного покоя.**

Если до вшествия во град смирения примечаешь в себе, что успокоился ты от мятежа страстей, то не доверяй себе: ибо враг готовит тебе какую-нибудь сеть; напротив того, после покоя жди великой тревоги и великого мятежа. Если не пройдешь всех обителей добродетелей, то не встретишь покоя от труда своего и не будешь иметь отдохновения от вражеских козней, пока не достигнешь обители святого смирения.

(Слово 73, стр. 370).

## **В искушениях, не верь себе.**

Не верь себе, что ты силен, пока не будешь искушен и не найдешь себя неизменным. Так и во всем испытывай себя.

(Слово 57, стр. 294).

## **Нестяжательность и привязанность к мирским вещам.**

## **Польза от нестяжательности и вред от привязанности к мирской вещи.**

Пока человек пребывает в нестяжательности, непрестанно приходит ему на мысль преселение из жизни; и полагает он всегда размышление свое о жизни по воскресении, во всякое время всячески готовится туда и приобретает терпение против всякой чести и телесного покоя, посеваемого в помысле его (сопротивляясь внушениям честолюбия и самоупокоения), и помысл о пренебрежении мира ежечасно животрепещет в уме его; и дерзает он умом своим, и приобретает во всякое время крепкое сердце, чтобы встретить всякую опасность и всякий страх, причиняющий смерть; даже не боится и смерти, потому что ежечасно устремляет на нее взор, как на приближающуюся, и ожидает ее; попечение же его со всяким несомненным упованием возвергнуто на Бога. И если встретятся ему скорби, то он как бы уверен и точно знает, что скорби доставят ему венец; и терпит их со всякою радостью, принимает их с веселием и радованием. Ибо знает, что Сам Бог по причинам полезным предназначает ему оные в Своем неявном промыслении о недоведомом для нас.

Если же случится ему, по действию и ухищрению одного мудреца на всякое зло, по какой-либо причине приобрести что-либо преходящее, то в сей же самый час в душе его начинает пробуждаться любовь к телу; помышляет он о долгой жизни; ежечасно в нем возникают и приходят в силу помыслы о плотском покое, превозмогает над ним телесное, и изыскивает сам в себе, невозможно ли ему, каким бы то ни было образом, иметь у себя все, что составляет для него этот покой, и выходит он из этой свободы, не покоряющейся какому-либо помыслу страха; отсюда при всяком случае останавливается он на мыслях, приводящих в боязнь, и придумывает причины к страху, потому что отнята у него эта твердость сердца, какую приобрел он, когда в своей нестяжательности был выше мира, и какою обогащался в душе своей, так как стал он наследником мира сего по мере того, что приобрел.

Подвергается же он страху по закону и домостроительству, определенному Богом. На служение чему уготованы бывают члены наши, тому и порабощаемся и, по слову Апостола, повинны бываем работать со всяким страхом (Рим. 6,16; Евр. 2,15).

(Слово 51, стр. 225–226).

## Нравственные наставления.

Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в делах телесных, явных, заменяет собою все телесные дела.

Дела телесные без печали ума – то же, что и тело неодушевленное.

Кто скорбит сердцем, а чувствам своим дает свободу, тот подобен больному, который страдает телесно, а уста имеет отверстые для всякой вредной ему снеди.

Кто скорбит сердцем, а чувствам своим дает свободу, тот подобен человеку, который, имея единородного сына, мало-помалу закаляет его своими руками.

Печаль ума – драгоценное Божие даяние. Кто переносит ее, как должно, тот подобен человеку, носящему в членах своих святыню.

Человек, который дал волю языку своему говорить о людях и доброе и худое, недостоин сей благодати.

Покаяние и сношения с людьми – то же, что разбитая бочка.

Честолюбие и вместе заушения – то же, что в меду омоченный меч.

Целомудрие и беседа с женщиною – то же, что львица с овцою в одном доме.

Дела без милосердия пред Богом – то же, что человек, который закаляет сына пред отцом его.

Кто немощен душою – и исправляет друзей своих, тот подобен человеку, который слеп глазами – и указывает другому дорогу (Мф. 15,14).

(Слово 89, стр. 419).

## **Обольщение. Обольщение и поругание от бесов некоторых подвижников.**

Некто, по имени Малпа, ведший род свой из Едессы, в одно время изобрел ересь евхитов, тогда как проводил высокое житие и переносил самые тяжкие труды и скорби. Ибо говорят, что, будучи учеником блаженного Иулиана, называемого Сава, на короткое время ходил с ним на Синай и в Египет и видел великих Отцов того времени, видел блаженного Антония, слышал от него таинственные словеса, изглаголаные им о чистоте и спасении душ, слышал тонкие вопросы о страстях, в которых Антоний объяснял, что ум, по очищении своем, имеет созерцания тайн Духа и что душа может, по благодати, сподобиться бесстрастия, когда деланием заповедей совлечется ветхих страстей и придет в здравие первобытного своего естества. И когда Малпа, в цвете юности своей, выслушал слова сии, то воспламенился как огонь, пришел в свой город, когда возгорелась в нем страсть славолюбия, и избрал себе отшельническую храмину, и посвятил себя на дела и жестокие скорби и непрестанные молитвы. И когда возгорелась в нем страсть непомерного славолюбия, т.е. надежда достигнуть ему той высоты (т.е. созерцания тайн), о которой он слышал, так как не обучился он искусству противоборствовать врагам истины, не уразумел козней, обманов и ухищрений супостата, какими сильных и крепких увлекает он в погибель, надеялся же только на дела, на скорби, на нестяжательность, на подвижничество, на воздержание, не приобретши самоуничтожения, смирения, сердечного сокрушения – сих непреодолимых оружий при сопротивлении лукавого, не памятуя и Писания, которое говорит: когда исполните дела, сохраните заповеди, претерпите скорби, почитайте себя рабами непотребными (Лук. 17,10), – и только разжигаем был высоким о себе самомнением, основанным на делании им жития своего, и сгорал желанием высоты, о которой слышал, – то по истечении многого времени, когда диавол увидел, что нет у него делания смирения, а только вожделевает созерцания, чтобы ощутить тайны, о которых

слышал, явился ему в безмерном свете, говоря: «я – Утешитель, и послан к тебе от Отца, чтобы сподобить тебя увидеть созерцание, которого желаешь за дела свои, дать тебе бесстрастие и на будущее время упокоить тебя от дел». Взамен же сего злокозненный потребовал поклонения у сего несчастного. И этот объюродевший, поскольку не ощутил брани лукавого, немедленно с радостью принял его, и поклонился ему, и тотчас же стал под властью его. И враг вместо Божественного созерцания наполнил его бесовскими мечтаниями, сделал, что перестал он трудиться ради истины, надмил его и поругался над ним тщетною надеждою бесстрастия, говоря ему: «Теперь не имеешь ты нужды в делах, в злостраданиях тела, в борьбе со страстями и похотями», и сделал его ересеначальником евхитов. Когда же умножились они и открылось мерзкое и неправое их учение, изгнаны они были тогдашним епископом.

И еще некто другой, по имени Асина, в том же городе Едессе, сочинив многие тресловия (духовные песнопения), которые поются и доныне, проводил высокое житие и безрассудно связал себя самыми трудными делами, пока не прославится (в надежде прославиться). Его обольстил диавол, вывел из келлии его и поставил на верху горы, называемой Сторий, уговорился с ним, показал ему образ колесниц и коней и сказал ему: «Бог послал меня поять тебя в рай, как Илию». И как скоро вдался тот в обман младенческим своим умом, и взошел на колесницу, разрушилась вся эта мечта, низринутся он с великой высоты, упал оттуда на землю и умер смертию, достойною вместе смеха и плача.

Не напрасно я сказал здесь это, но – чтобы познать нам поругание от бесов, жаждущих погибели святых, и не вождековать не во время высоты умного жития (умных видений), а иначе – будем осмеяны лукавым супостатом нашим: ибо и ныне вижу, что юноши, исполненные страстей, безбоязненно суесловят и учат о тайнах бесстрастия.

(Слово 55, стр. 272–274).

## Образы от мира приходящие и образы внутреннего человека.

Итак, должны мы ждать и пребывать уединенно и с простотою во внутреннем нашем человеке, где нет впечатлений помыслов или воззрения на что-либо сложное: потому что ум, на что взирает, от того приемлет и образы. Когда взирает на мир, тогда согласно с видоизменением образов, по которым он носится, в таком же числе принимает от них в себя образы и подобия, которые, по мере своего множества и по различию своего изменения, возбуждают в нем помыслы, когда же помыслы возбуждены, впечатлеваются они в уме. Если же ум проникает взором во внутреннего человека, где нет ничего такого, что могло бы служить изменением образов, и где сложное не отделяется от другого сложного инаковостию образа, но все – единый Христос, то явно, что ум приемлет тогда простое созерцание, без которого ничто иное не облагоухает душевной гортани и соделывает, что душа приобретает дерзновение во время молитвы; потому что это есть пища естества души. И когда ум станет в области познания истины, тогда не имеет нужды в вопросах. Ибо, как телесное око не спрашивает сперва и потом уже взирает на солнце, так и душевное око не входит сперва в исследование и после того уже созерцает ведение Духа. Таким образом, и то таинственное созерцание, какого вожделеваешь ты, святой, открывается уму по приобретении душевного здравия. Желать же посредством исследования и расспросов уразумевать таковые тайны есть неразумие души. Ибо и блаженный Павел руководился не наукой или иным вещественным способом (познания), когда сказал, что видел и слышал тайны и «неизреченны глаголы, ихже не возможно есть человеку глаголати» (2Кор. 12,4), но восхищением восхищен был в духовную область и видел откровение тайн. Итак, и ты, святой, если любишь чистоту, отсеки от всех любовь, изливаемую (видимо являемую) на всех, и, вошедши в виноградник сердца своего, делай в нем, истребляй в душе своей страсти, старайся не знать зла

человеческого. Чистота взирает на Бога, воссиявает и цветет в душе не вследствие вопросов, но вследствие неведения зла какого бы то ни было человека. Если же желательно тебе, чтобы сердце твое соделалось вместилищем тайн нового мира, то обогатись сперва делами телесными, постом, бдением, службою, подвижничеством, терпением, низложением помыслов и прочим. Привяжи ум свой к чтению Писаний и углублению в них; напиши пред очами у себя заповеди и отдай долг страстей, когда бываешь побежден и побеждаешь. И непрестанным собеседованием, молитвенным и просительным, и углублением в молитвословия искореняя в сердце своем всякий образ и всякое подобие, прежде тобою воспринятое. Приучай ум свой всегда углубляться в тайны Спасителя домостроительства, и оставь просить себе ведения (разумения тайн мира духовного) и созерцания, которые, в своем месте и в свое время, превыше выражения их словами (которых невозможно выразить словами), продолжай делание заповедей и труды в стяжании чистоты: и проси себе у Господа в молитве огнем разженной о всем печали (какую вложил Он в сердца Апостолам, Мученикам и Отцам), да уканет она в сердце твое, и да сподобишься умного жития. Начало, средину и конец жития сего составляет следующее: отсечение всего (удаление от всего) единением о Христе. Если же возделываешь созерцания тайн, самым делом возделывай в себе заповеди, а не одним стремлением к их ведению. Духовное созерцание действует в области чистоты внутри нас (у Паисия после этого прибавлено: «где живет Христос, Начальник жизни нашей»). И ты домогайся сперва уразуметь, как должно входить тебе в область тайн Духа, и потом начинай.

(Слово 55, стр. 261–263)

## Опыт.

Что же такое опыт? Опыт состоит не в том, что человек подойдет только к каким-либо вещам и посмотрит на них, не приравняв в себя ведения о них, но в том, что, по долгом обращении с ними, на деле испытает их пользу и вред. Ибо нередко вещь наружно кажется вредною, но все внутреннее содержание ее оказывается исполненным пользы. То же разумеи и о противном сему, т.е. нередко вещь кажется имеющею пользу, но внутренне исполнена вреда. Потому многие люди от выгодных, по видимому, вещей несут ущерб. И от сих (людей – разумеются, вероятно, те люди, которые, как выше сказано, только подойдут и посмотрят на вещи) свидетельство ведения неистинно. А потому пользуйся таким советником, который умеет с терпением обсудить, что требует рассуждения. Поэтому-то не всякий, подающий совет, достоин доверия, но только тот, кто прежде сам хорошо управил свободу свою и не боится осуждения и клеветы.

(Слово 73, стр. 386–387).

## **Основание всего доброго – собранность, воздержание и богомыслие.**

Основание всего доброго, возвращение души из вражия плена, путь, ведущий к свету и жизни, – все это заключено в сих двух способах: собрать себя воедино и всегда поститься, т.е. премудро и благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное упразднение (от дел, возмущающих ум) и богомыслие. Отсюда покорность чувств, отсюда трезвенность ума, отсюда укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле; отсюда кротость помыслов; отсюда светлые движения мысли; отсюда рачительность к делам добродетели; отсюда высокие и тонкие разумения; отсюда не знающие меры слезы, источающиеся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое целомудрие, совершенно далекое от всякого мечтания, искушающего мысль; отсюда острота зрения и острота уразумения того, что далеко; отсюда глубокие, таинственные разумения, какие ум постигает при пособии Божественных словес, и внутренние движения, происходящие в душе, и различение и рассуждение духов – от святых Сил и истинных видений, от суетных мечтаний. Отсюда тот страх в путях и стезях, который в море мысли отсекает леность и нерадение, тот пламень ревности, который попирает всякую опасность и преодолагает всякий страх; та горячность, которая пренебрегает всяким вожделением и изглаждает оное в уме, и вместе с прочим приводит в забвение всякое памятование о преходящем; короче сказать, отсюда – свобода истинного человека, душевная радость и воскресение со Христом в царствии.

Если же кто вознерадит о сих двух способах, то пусть знает, что не только лишится он всего, пред сим сказанного, но поколеблет и самое основание всех добродетелей пренебрежением сих двух добродетелей. И как они, если кто удержит в себе и пребудет в них, суть начало и глава Божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу, так,

если кто отступит и удалится от них, то придет к сим двум противоположным тому порокам, разумею же – телесное скитание и бесчестное чревоугодие. Это суть начала противного сказанному выше, и они дают место в душе страстям.

## **Последствия скитаний помыслов.**

И первое начало одной причины (т.е. скитания) прежде всего разрешает покорные чувства от уз самособранности. Что же далее бывает от сего? Неуместные и неожиданные приключения, близкие к падениям; мятеж сильных волн (искушений); возбуждаемое зрением очей лютое воспламенение, овладевающее телом и заключающее его в оковы; удобное поползновение в мыслях; неудержимые помыслы, влекущие к падению; теплохладность (ни горячесть, ни студеность) в желании дел Божиих, и постепенное ослабление различия безмолвия (в отношении его превосходства), и совершенное оставление правила жития своего; вследствие же того, что постоянно представляется человеку в невольных и многообразных видениях и встречается при перехождении из страны в страну, из места в место, – бывает возобновление забытых пороков и обучение иным, которых прежде он не знал. И страсти, которые, по благодати Божией, были уже умерщвлены в душе и истреблены забвением памятований, хранившихся в уме, снова начинают приходить в движение и понуждать душу к их деланию. Вот что (если не говорить и не входить в подробности о всем прочем) открывается вследствие оной первой причины, т.е. скитания тела и нетерпеливости в перенесении бедствований безмолвия.

## Последствия чревоугодия.

Что же бывает следствием другой причины, т.е. если начато нами дело свиней? Что же это за дело свиней, как не то, чтобы позволять чреву не знать границ и непрестанно наполнять его, а не иметь указанного времени на удовлетворение телесных потребностей, как свойственно разумным? И что же далее выходит из этого? Отсюда – тяжесть в голове, великое отягощение в теле и расслабление в мышцах, а от сего – необходимость оставлять службу Божию, потому что приходит и леность творить на ней метания (поясные поклоны), и нерадение о поклонах обычных, омрачение и холодность мысли; ум одебелевший (огрубелый) и неспособный к рассудительности от смятения и великого омрачения помыслов, густой и непроницаемый мрак, распростертый во всей душе, сильное уныние при всяком Божием деле, а также и при чтении, потому что человек не вкушает сладости словес Божиих, великая праздность от необходимых дел (т.е. по причине их оставления), ум неудержимый, скитающийся всюду по земле, большое накопление соков во всех членах, по ночам нечистые мечтания скверных призраков и неуместных образов, исполненных похотения, которое проникает в душу и в самой душе нечисто исполняет свои хотения. И постель сего окаянного, и одежда его, и даже все тело оскверняются множеством срамных нечистот, какие льются у него как бы из источника, и это бывает у него не только ночью, но и днем, потому что тело всегда источает нечистоты и оскверняет мысль, так что по причине сего человек отвращается и от целомудрия. Ибо сладость возбуждений чувствуется во всем теле его с непрестанным и нестерпимым разжением. И бывают у него обольстительные помыслы, которые изображают перед ним красоту и во всякое время раздражают его и возбуждают ум к сочетанию с ними. И человек, нимало не колеблясь, сочетается с сими помыслами, помышляя о них и вождевая их, по причине омрачения в нем рассудка. И это есть то самое, что сказал и Пророк: вот воздаяние сестре Содоме, которая

роскошествуя ела хлеб в сытость и т.д. (Иез. 16,49). И о сем-то сказано одним из великих мудрецов, что, если кто будет обильно питать тело свое наслаждениями, то душу свою подвергнет брани; и если некогда придет в себя и примет на себя труд принудить себя, чтобы овладеть самим собою, то не возможен сего по причине сильного раздражения телесных движений и потому что сильны и понудительны раздражения и возбуждения, которые пленяют душу своими похотениями. Видишь ли в этом тонкость сих безбожных (т.е. бесов)? И он же говорит еще: телесное наслаждение, вследствие мягкости и нежности юности, производит, что скоро снискиваются душою страсти, и окружает ее смерть, и таким образом человек подпадает суду Божию.

(Слово 75, стр. 373–375)

## **Отшельнический чин жития – молитва, а не милостыня.**

Некто из святых сказал: «Не тот чин жития твоего, чтобы насыщать алчущих и чтобы келлия твоя сделалась странноприимницею для пришлых. Это – дело мирян: им оно паче прилично, как дело прекрасное, а не отшельникам, свободным от видимых попечений и хранящим ум свой в молитве.

(Слово 30, стр. 139)

## Очищение души. Признаки внутреннего очищения от страстей.

**ВОПРОС.** *Какие точные указания и близкие признаки, по которым человек ощущает, что начал он видеть в себе плод, сокрытый в душе?*

**ОТВЕТ.** Когда сподобится кто благодати многих слез, проливаемых без понуждения, потому что слезы положены уму как бы неким пределом между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Пока не примет человек сего дарования, совершается дело его еще во внешнем только человеке, и еще вовсе не ощутил он действительности тайн духовного человека. Ибо, когда человек начнет оставлять телесное настоящего века и оказывается переступившим сей предел того, что находится в естестве, тогда скоро достигает сей благодати слез. И слезы сии начинаются от первой обители сокровенного жития и возводят человека к совершенству любви Божией. И чем далее (в сем житии) преуспевает он, тем более обогащается сею благодатию, пока от продолжительного излияния слез не начнет пить их и в пище своей, и в питии своем.

И это точный признак, что ум исшел из мира сего и ощутил оный духовный мир. Но в какой мере человек умом своим приближается к сему миру, в такой же мере умалются слезы сии. И когда ум совершенно бывает в сем мире, тогда совершенно лишается он сих слез. И это есть признак, что человек погребен в страстях.

(Слово 21, стр. 92–93)

## **Первая мысль о духовной жизни, или первое дело. Почему диавол противится им.**

Первая мысль, которая по Божию человеколюбию западает в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За сим помыслом естественно следует презрение к миру; и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. И как бы основание какое полагает в человеке сопутствующая ему Божественная сила, когда восхощет явить в нем жизнь. И если человек эту сказанную нами мысль не угасит в себе житейскими связями и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии, и пребудет в ней созерцанием, и займется ею, то она поведет человека к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом. Сатана весьма ненавидит сей помысл, и всеми своими силами нападает, чтобы истребить его в человеке и, если бы можно было, отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковой помысл, и, если бы мог, как сказано, то сделал бы это охотно. Ибо знает льстец сей, что, если помысл сей пребывает в человеке, то ум его стоит уже не на этой земле обольщения и козни его к человеку не приближаются. Будем же разуметь это не о том первом помысле, который напоминанием своим возбуждает в нас память смертную, но о полноте сего дела, когда влагает оно в человека неотлучную память о смерти и когда постоянным помышлением о ней человек поставляется в состояние непрестанного удивления. Ибо первый помысл (т.е. первый помысл о смерти) есть нечто телесное, а сей последний есть духовное созерцание и дивная благодать. Сие созерцание облечено в светлые мысли. И кто имеет оное, тот уже не любопытствует более о сем мире и не привязан к своему телу.

## **Печаль о грехах и поползновение.**

Не тогда будем печалиться, когда поползнемся в чем-нибудь, но когда закосневаем в том, потому что поползновение бывает часто и с совершенными, а коснение в нем есть совершенное омертвление. Печаль, какую чувствуем при своих поползновениях, вменяется нам благодатию вместо чистого делания. Кто, в надежде на покаяние, поползнется вторично, тот лукаво ходит пред Богом; на сего неведомо нападает смерть, и не достигает он времени, в которое надеялся исполнить дела добродетели. Каждый, давший волю чувствам, дал волю и сердцу.

(Слово 90, стр. 428–429)

## Плоды духа.

ВОПРОС. *В чем совершенство многих плодов Духа?*

ОТВЕТ. В том, когда сподобится кто совершенно любви Божией.

ВОПРОС. *И почему узнает человек, что достиг ее?*

ОТВЕТ. Когда памятование о Боге возбудилось в уме ею, тогда сердце его немедленно возбуждается любовью к Богу, и очи его обильно изводят слезы. Ибо любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы. А пребывающий в любви Божией никогда не лишается слез, потому что никогда не имеет недостатка в том, что питает в нем памятование о Боге; почему и во сне своем беседует с Богом. Ибо любви обычно производить что-либо подобное, и она есть совершенство людей в сей их жизни.

(Слово 21, стр. 105–106)

## Опасность подвига среди житейских дел.

Подлинно упорен, труден и неудобен подвиг, совершаемый нами среди дел житейских. Сколько бы человек ни мог соделаться непобедимым и крепким, однако, как скоро приближается к нему то, что служит причиною приражения браней и подвигов, – не оставляет его страх и угрожает ему скорым падением, даже более, нежели при явной брани с диаволом. Поэтому, пока человек не удаляется от того, от чего сердце его приходит в смятение, врагу всегда есть удобство напасть на него. И если немного задремлет он, враг легко погубит его. Ибо, когда душа охвачена вредными встречами с миром, самые встречи сии делаются для нее острыми рожнами; и она как бы естественно побеждается, когда встретит их. И потому древние Отцы наши, проходившие сими стезями, зная, что ум наш не во всякое время возможен и в состоянии будет неуклонно стоять на одном месте и блюсти стражу свою, в иное же время не может и усмотреть того, что вредит ему, премудро рассуждали, и, как в оружие облекались в нестяжательность, которая, как написано, свободна от всяких борений (чтобы таким образом своею скудостью человек мог избавиться от многих грехопадений), и ушли в пустыню, где нет житейских занятий, служащих причиною страстей, чтобы, когда случится им (отцам) изнемочь, не встречать причин к падениям, разумею же раздражение, пожелание, злопамятность, славу, но чтобы все это и прочее соделала легким пустыня. Ибо ею укрепляли и ограждали они себя, как непреборимым столпом. И тогда каждый из них мог совершить подвиг свой в безмолвии, где чувства во встрече с чем-либо вредным не находили себе помощи для содействия нашему противоборнику. Лучше нам умереть в подвиге, нежели жить в падении.

(Слово 50, стр. 223–224).

## Подвиги св. мужей.

В один день пошел я в келлию к одному святому брату, и по немощи своей прилег у него на одном месте, чтобы походил он за мною ради Бога, потому что знакомых у меня никого там не было. И видел я, как этот брат встает ночью прежде времени и имеет обычай приходить на правило до братии. Довольно времени он стихословил, и вдруг на все то время, пока продолжалось это с ним, оставлял правило, падал на лицо свое, и до ста или более раз с горячностью, какую возжигала в сердце его благодать, ударял головою в землю. После сего вставал, лобызал крест Владычний, снова делал поклон и лобызал тот же крест, и опять повергался на лицо свое. И такой обычай соблюдал он всю жизнь, так что невозможно изобразить мне числом множества его коленопреклонений. Да и кто был бы в состоянии исчислить поклоны этого брата, какие клал он каждую ночь? Раз двадцать со страхом и горячностью, с любовью, растворенною благоговением, лобызал он крест и опять начинал стихословие, а иной раз от великого возгорения помыслов, распалявших его горячностью своею, когда не в силах был выносить разжения одного пламени, препобеждаемый радостью, восклицал, потому что не мог удержаться. Поэтому, много дивился я благодати сего брата, и подвигу, и трезвенности его в деле Божиим. Поутру же, после первого часа, когда садился он за чтение, делался подобен человеку плененному, и в продолжение каждой читаемой им главы не раз падал на лицо свое и на многих стихах воздевал руки свои к небу, и славословил Бога. От роду же был ему сороковой год. Употреблял он и пищу в весьма малом количестве, и очень сухую. И поскольку сверх меры и силы делал частые принуждения телу своему, то казался подобным тени, почему жалость возбуждало во мне изнеможение лица его, так исхудавшего от многого неядения, что в нем не было и двух перстов. И нередко говаривал я ему: «Пожалей и себя, брат, в подвиге своем, и это доброе житие, какое стяжал ты; не спутай и не порви этого, подобного духовной цепи, жития твоего, и из

желания прибавить несколько труда не умали и не останови совершенно течения пути своего. Ешь в меру, чтобы не лишиться возможности есть; не простирай ноги своей сверх силы, чтобы не сделаться вовсе не способным к делу». Был же он милостив, весьма скромн, и милость оказывал с благодушием. Чистый по врожденным качествам, готовый на утешение, мудрый по Богу, всеми любим был за чистоту свою и за благодушие. С братиею же, когда имели в нем нужду, нередко работал дня по три и по четыре, и только к вечеру уходил в свою келлию, потому что искусен был и во всяком служении. Когда же приобретал что, хотя имел в том нужду, из великого уважения своего к большим и малым, не мог сказать (просящему), что не имеет того. И даже, когда работал с братиею, то по большей части делал это как бы из уважения и принуждал себя, не находя для себя удовольствия в выходах из келлии. Таково было житие и обращение (с другими) одного подлинно дивного брата. Богу же нашему да будет слава во веки! АМИНЬ.

(Слово 10, стр. 48–50)

## **Познание. Чем полезно для человека познание своей немощи?**

Блажен человек, который познает немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякого доброго усовершенствования. Как скоро познает кто, и действительно ощутит, немощь свою, тогда воздвигает душу свою из расслабления, омрачающего оное ведение, и богатеет осторожностью. Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения тем, что утомляет или тело, или душу. Тогда, сравнив свою немощь с Божиею помощью, тотчас познает ее (помощи Божией) величие. А также, когда рассмотрит множество принятых им мер, осторожность, воздержание, покров и ограждение души своей, в чем надеялся он найти для нее уверенность, и не обретает, – даже и сердце его, от страха и трепета, не имеет тишины, то пусть поймет и познает тогда, что этот страх сердца его обнаруживает и показывает непременную потребность для него иного некоего помощника. Ибо сердце страхом, поражающим его и борющимся внутри его (сердца), свидетельствует и дает знать о недостатке чего-то; а сим доказывается, что не может оно жить с упованием, потому что, как сказано, спасает Божия помощь. Но кто познал, что имеет нужду в Божией помощи, тот совершает много молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце. Ибо всякий молящийся и просящий не может не смириться. "Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не унижит» (Пс. 50,19). Поэтому сердце, пока не смирится, не может престать от парения; смирение же собирает его воедино.

А как скоро человек смирится, немедленно окружает его милость. И тогда сердце ощущает Божественную помощь, потому что обретает возбуждающуюся в нем некую силу упования. Когда же человек ощутит, что Божественная помощь вспомоществует ему, тогда сердце его сейчас же исполняется веры.

(Слово 61, стр. 333–334).

## **Покаяние.**

Что такое покаяние? Оставление прежнего (греховного жития) и печаль (раскаяние) о нем.

В другое время был опять спрошен: «Что такое покаяние?» – и сказал: «Сердце сокрушенное и смиренное».

(Слово 48, стр. 205).

## Покаяние и молитва.

Кратко выраженная мысль этой главы есть следующая: ежечасно надлежит нам знать, что в сии двадцать четыре часа дня и ночи имеем мы нужду в покаянии. Значение же слова покаяние, как дознали мы из действительного свойства вещей, таково: оно есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение об оставлении прошедшего и мольба о хранении будущего. Посему и Господь наш опору нашей немощи указал в молитве, говоря: пробудитесь, «бдите и молитесь, да не внидете в напасть» (Мф. 26,41). Молитесь, и будьте неленивы, во всякое время «бодрствующе и молящеся» (Лук. 21,36; Кол. 4,2). Просите и примите: «ищите и обрящете: толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется» (Мф. 7,7–8). Особенно же подтвердил слово Свое, и к большей рачительности подвиг нас, притчею о друге, который в полночь пришел к другу своему и просил у него хлеба; Господь говорит: «аминь глаголю вам: аще и не даст ему, зане друг ему есть, но за безочьство его, востав даст ему, елика требует» (Лук. 11,8). И вы молитесь и не будьте нерадивы. Какое несказанное побуждение к дерзновению! Податель побуждает нас просить у Него, чтобы дать нам Божественные Свои дарования. И хоть Сам, как знает Он, домостроительствует все, что благодетельно для нас, однако сии слова Его исполнены великой силы для возбуждения в нас дерзновения и упования. поскольку Господь знает, что прежде смерти не отъемлет Он у нас возможности к уклонению, что весьма близко к нам это изменение, а именно переход от добродетели к пороку, что человек и естество его удобно приемлют в себя противное, то повелел быть тщательным и подвизаться во всегдашней молитве. Если бы в этом мире была страна удостоверения, то, как скоро человек достиг бы оной, естество его стало бы тогда выше потребности, и делание его выше страха, и не повелел бы нам Бог подвизаться в молитве, совершая сие Своим промыслением.

## **Покой. Стремление к покою расслабляет человека.**

Ты знаешь, что надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, благое и добродетели. Но и те, которые в мире сем живут для тела, не могут вполне достигать исполнения желаний своих, если не решаются в уме своем терпеть скорбное. И поскольку свидетельствует о сем опыт, то не нужно убеждать в этом словами, потому что во всяком роде прежде нас, и даже доныне, не от иного чего, но от сего именно (отлюбления покоя), люди изнемогают и не только не одерживают победы, но даже лишаются наилучшего. Посему скажем короче, что если человек небрежет о Царстве Небесном, то не по чему другому, как по желанию малого здешнего утешения. И не это одно бывает с ним, но часто сильные удары и страшные искушения уготовляются всякому человеку, последующему собственной воле, и к этому идут помыслы его, потому что правит им похоть. Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой? В сравнении со званием птиц не более ли скудно, может быть, наше знание о том, что сокровенно или бывает прикрито обстоятельствами, местом или чем иным, в чем и диавол изначала уловляет нас обещанием покоя и мыслями о нем.

Но, имея в мыслях то, чтобы речь текла по желанию, уклонился я от цели, какую предположил в слове своем в начале, а именно что во всякое время должно нам мыслям своим полагать цель – скорби во всяком деле, которым хотим начать путь ко Господу, и конец совершения пути тщательно утверждать на этом начале. Как часто человек, когда хочет начать что-либо ради Господа, спрашивает так: «Есть ли в этом покой? Нет ли возможности удобно пройти сим путем без труда? Или, может быть, есть на нем скорби, причиняющие томление телу?» Вот как везде, горе и долу, всеми мерами домогаемся мы мнимого покоя. Что говоришь ты, человек? Желаете войти на небо, приять тамошнее царство, общение с Богом, упокоение в тамошнем блаженстве, общение с ангелами, жизнь бессмертную и спрашиваете: не труден ли сей путь? Странное

дело! Желаящие того, что есть в этом преходящем веке, переплывают страшные волны морские, отваживаются проходить путями многотрудными – и вовсе не говорят, что есть труд или печаль в том, что хотят сделать. А мы на всяком месте допытываемся о покое. Но если во всякое время будем представлять в уме путь крестный, то размыслим, какая печаль не легче этого пути?

И ужели еще кто не удостоверился в том, что никто никогда не одержал победы на брани, никто не получил даже тленного венца, никто не достиг исполнения своего желания, хотя бы оно было и похвально, никто не послужил ничем в делах Божиих и не преуспел ни в одной из достохвальных добродетелей, если сперва не пренебрег трудами скорбей и не отринул от себя мысли, побуждающей к покою, от которой рождаются нерадение, уныние, леность и боязнь, а от них – расслабление во всем.

Когда ум возревнует о добродетели, тогда и внешние чувства, как-то: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, не уступают над собою победы таким трудностям, которые для них чужды, необычайны, выходят из предела сил естественных. А если в какое время обнаружит свою деятельность естественная раздражительность, то телесная жизнь бывает пренебрегаема паче уметов (сор выметаемый). Ибо когда сердце возревнует духом, тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха, но ум, как адамант, своею твердостью противостоит в нем всем искушениям. Поревнуем и мы духовною ревностью о воле Иисусовой, и отгнано будет от нас всякое нерадение, порождающее в мыслях наших уныние; потому что ревность рождает отважность, душевную силу и телесную рачительность. Какая сила бывает в демонах, когда душа подвигнет против них свою природную сильную ревность? А также и усердие называется порождением ревности. И когда она приводит в действие свою силу, то придает душе крепость непреодолимую. Да и самые венцы исповедничества, какие приемлют подвижники и мученики за терпение свое, приобретаются сими двумя деланиями – ревности и усердия, которые порождаются силою естественной раздражительности:

они в лютой скорби мучений не ощущают страданий. Да даст Бог и нам такое усердие благоугождать Ему! АМИНЬ.  
(Слово 49, стр. 221–223).

## **Помрачение ума.**

## **Начало и признаки помрачения ума.**

Начало помрачения ума (когда признак его начинает открываться в душе) прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо, если душа не отпадет сперва от этого, нет иного пути к душевному обольщению; когда же лишается она Божией помощи, удобно впадает в руки противников своих. А также, как скоро душа делается беспечною к делам добродетели, непременно увлекается в противное тому. Ибо переход с какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной. Доброделание есть попечение о душевном, а не о суетном. Непрестанно открывай немощь свою пред Богом и не будешь искушаем чуждыми, как скоро останешься один без Заступника своего.

(Слово 2, стр. 12)

## Помыслы.

Когда посеваётся в тебе лукавый некий помысл, или из числа сих издалека приходящих, или из числа предзанятых (прежних впечатлений) тобою прежде и часто появляется в уме твоём, тогда за верное признай, что скрывает он тебе сеть. Но ты пробудись и отрезвись во время. А если помысл из десных и добрых, то знай, что Бог хочет дать тебе некоторый образ жизни, и потому помысл сей, сверх обычая, возбуждается в тебе. Если же помысл омрачен и ты сомневаешься в нём и не можешь ясно постигнуть, свой он или тать, помощник или наветник, скрывающийся под доброю личиною, то вооружись на него прилежною и самую скорою молитвою со многим бдением и день и ночь. Ты не отревай его от себя и не соглашайся с ним; но со тщанием и горячностью сотвори о нём молитву и не умолкай, призывая Господа. Он покажет тебе, откуда сей помысл.

(Слово 40, стр. 170)

## Причины их появления.

Движение помыслов в человеке бывает от четырех причин: во-первых, от естественной плотской похоти; во-вторых, от чувственного представления мирских предметов, о каких человек слышит и какие видит; в-третьих, от предзанятых понятий (прежних впечатлений) и от душевной склонности, какие человек имеет в уме; в-четвертых, от приражения бесов, которые воют с нами, вовлекая во все страсти, по сказанным прежде причинам. Поэтому человек даже до смерти, пока он в жизни этой плоти, не может не иметь помыслов и брани. Ибо, рассуди сам, возможно ли, чтобы прежде исшествия человека из мира, и прежде смерти, пришла в бездействие которая-либо одна из сих четырех причин? Или возможно ли телу не домогаться необходимого и не быть вынужденным пожелать чего-либо мирского? Если же неуместно представлять себе что-либо подобное, потому что естество имеет нужду в таких вещах, то значит уже, что страсти действуют во всяком, кто носит на себе тело, хочет ли он того или не хочет. Поэтому всякому человеку, как носящему на себе тело, необходимо охранять себя не от одной какой-либо страсти, явно и непрестанно в нем действующей, и не от двух, но от многих страстей. Победившие в себе страсти добродетелями, хотя и бывают тревожимы помыслами и приражением четырех оных причин, однако же не уступают над собою победы, потому что имеют силу и ум их восторгается к благим и Божественным памятованиям.

(Слово 4, стр. 23–24)

**Помыслы лукавые. Для победы над ними необходимо не прекословить им, а молитвою к Богу отсекают их.**

Если кто не прекословит помыслам, тайно всеваемым в нас врагом, но молитвою к Богу отсекает беседу с ними, то это служит признаком, что ум его обрел по благодати премудрость, что от многих дел освободило его истинное его ведение и что обретением краткой стези, которой достиг, пресек он долговременное парение на длинном пути, потому что не во всякое время имеем мы силу так воспрекословить всем сопротивным помыслам, чтобы прекратить их;

напротив же того, нередко получаем от них язву, долгое время неисцеляемую. Ибо ты выходишь учить тех (бесов), кому уже шесть тысяч лет. А это (т.е. опытность искушающих бесов и твое дерзкое прекословие лукавым помыслам) служит для них оружием, которым возмогут они поразить тебя, несмотря на всю твою мудрость и на все твое благоразумие. Но когда и победишь ты их, и тогда нечистота помыслов осквернит ум твой, и зловоние смрада их на долгое время останется в обонянии твоём. Употребив же первый способ (т.е. молитвою к Богу отсекая беседу с помыслами), будешь свободен от всего этого и от страха, потому что нет иной помощи, кроме Бога.

(Слово 30, стр. 137–138)

## **Приемы постоянного внимания к своим помыслам.**

Один старец на стенах келлии своей написал разные изречения и мысли, и когда спросили его: «Что это значит?» – отвечал:

«Это – помыслы правды, приходящие ко мне от Ангела, пребывающего со мною, и возникающие во мне естественные правые помышления; записываю же их во время появления их, чтобы, при омрачении своем, заниматься мне ими и они избавляли меня от заблуждения».

Другой старец убожаем был помыслами своими, что вместо преходящего мира сподобился он негибнущей надежды, и старец отвечал им:

«Пока еще я в пути, напрасно хвалите меня: не совершил еще я пути».

(Слово 34, стр. 147–148)

## **Попущение Божие. Без попущения Божия никто не может сделать нам вреда.**

Если когда окажешься достойным отшельничества, которое в царстве свободы его имеет бремена легкие, то помысл страха да не понуждает тебя, по обычаю своему, многообразно изменять помыслы и заниматься ими. Но будь паче уверен, что Хранитель твой с тобою, и мудрость твоя во всей точности да удостоверит тебя, что, вместе со всеми тварями, и ты состоишь под единым Владыкою, Который единым мановением приводит все в движение, и колеблет, и укрощает, и ускоряет. Ни один раб не может сделать вреда кому-либо из подобных ему рабов без попущения о всех Промышляющего и всем Управляющего. И ты немедленно восстань и дерзай. Если и дана иным свобода, то не во всяком деле. Ибо ни демоны, ни губительные звери, ни порочные люди не могут исполнить воли своей на вред и пагубу, если не попустит сего изволение Правящего и не даст сему места в определенной мере. Он и свободе не попускает приводить все в действие. А если бы не было то, не оставалась бы в живых никакая плоть. Господь не позволяет, чтобы к твари Его приближалась власть демонов и людей и исполняла на ней волю свою. Поэтому говори всегда душе своей: «Есть у меня оберегающий меня Хранитель, и ни одна из тварей не может явиться предо мною, разве только будет повелено свыше». Будь же уверен, что не осмелятся показаться на глаза тебе и заставить тебя выслушать ушами своими угрозы их. Ибо, если бы дозволено было свыше от Пренебесного, то не было бы нужды в слове и в словах, но за волею их последовало бы и дело.

Скажи также сам себе: «Ежели есть на то воля Владыки моего, чтобы лукавые возобладали над созданием Его, то принимаю сие, не огорчаясь, подобно нежелающему, чтобы воля Господа его оставалась без исполнения». И таким образом в искушениях твоих будешь исполнен радости, как уведавший и ясно ощутивший, что окормляет тебя и управляет тобою Владычнее мановение. Наконец, утверди сердце свое в

уповании на Господа, «и да не убоишися от страха ночного, от  
стрелы летящая во дни»  
(Слово 31, стр. 139–140)

## **Посещение Божие и оставление.**

Если Господь посетит тебя в телесном без твоего труда, когда подвизаешься в попечении о душе своей, то по ухищрению убийцы-дьявола возникает тогда в тебе помысл, что причина всего этого промысления, без сомнения, в тебе самом (по твоей заслуге). И тогда вместе с сим помыслом прекращается промысление о тебе Божие, и в тот самый час устремляются на тебя весьма многие искушения: или от оставления тебя Промыслителем, или от возобновления болезней и недугов, восстающих в теле твоём. Бог прекращает попечение Свое не за одно возникновение помысла, но за то, что ум останавливается на сем помысле. Ибо не наказует и не судит Бог человека за невольное движение, если и согласимся на время с помыслом. Ежели в тот же час прободем (отвергнем) в себе страсть и явится в нас сокрушение, то Господь не взыскивает с нас за такое нерадение; взыскивает же за нерадение, которому действительно предается ум так, что взирает на это бесчувственно и признает это чем-то должным и полезным, а не почитает сего опасною для себя заботою.

(Слово 40, стр. 169–170)

## Пост.

Кто в течение целой своей жизни любит беседу с этой четой, тот бывает другом целомудрия. Как началом всему худому служит упокоение чрева и расслабление себя сном, возжигающее блудную похоть, так святой путь Божий и основание всех добродетелей – пост, бдение, бодрствование в службе Божией. Пост – ограждение всякой добродетели, начало подвига, венец воздержных, красота девства и святости, светлость целомудрия, начало христианского пути, мать молитвы, источник целомудрия и разума, учитель безмолвия, предшественник всех добрых дел. Как здоровым глазам свойственно вождение света, так посту, соблюдаемому с рассудительностью, свойственно вождение молитвы.

Как только кто начнет поститься, желает уже с того времени умом своим прийти в собеседование с Богом. Ибо тело постящееся не терпит, чтобы целую ночь проспать на постели. Когда на уста человеку налагается печать постов, тогда помысл его поучается в умиление, сердце его источает молитву, и срамные помыслы далеки от него, враг он похотений и суетных бесед. Никто никогда не видал, чтобы рассудительный постник стал рабом худого вождения.

Пост с рассудительностью – обширная обитель для всякого добра. А кто нерадит о посте, тот приводит в колебание всё доброе, потому что пост был заповедью, вначале данной нашему естеству в остережение против вкушения пищи, и нарушением поста пало начало нашего создания. Но в чем состояло первое уничтожение, с того начинают подвижники преуспевать в страхе Божиим, как скоро начнут хранить закон Божий.

С этого начал и Спаситель, когда явился миру на Иордане. Ибо, по крещении, Дух извел Его в пустыню, и постился Он там сорок дней и сорок ночей. Подобно и все исходящие во след Спасителя на сем основании утверждают начало своего подвига, потому что пост есть оружие, уготованное Богом. И если кто нерадит о нем, не будет укорен за это? Если постится

сам Законоположник, то как не поститься кому-либо из соблюдающих закон? Потому-то до поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал своего поражения от нашего естества; но от сего оружия изнемог в самом начале. Господь наш был вождем и первенцем этой победы, чтобы на главу естества нашего возложить первый победный венец. И как только диавол видит сие оружие на ком-нибудь из людей, тотчас приходит в страх этот противник и мучитель, немедленно помышляет и воспоминает о своем поражении Спасителем в пустыне и сила его сокрушается, и воззрение на оружие, данное нам Началовождем нашим, попадает его.

Пост напоминает стяжавшему его заповеди Духа. Он есть посредник ветхого закона и благодати, данной нам Христом. Кто нерадит о посте, тот и в других подвигах расслаблен, нерадив, немощен, показывает тем начало и худой признак расслабления души своей, и воюющему с ним дает случай к победе, так как нагим и безоружным исходит на подвиг, а потому явно, что выйдет из борьбы без победы, потому что члены его не облеклись в теплоту алчбы в посте.

Таков пост. Кто пребывает в нем, у того ум непоколебим и готов сретить и отразить все лютые страсти.

(Слово 21 с. 88–91)

## **Преждевременная деятельность при душевном недуге пагубна.**

Многие совершали силы (в сирийском тексте: «чудеса»), воскрешали мертвых, трудились в обращении заблудших и творили великие чудеса; руками их многие приведены были к богопознанию, и после всего этого сами, оживотворявшие других, впали в мерзкие и гнусные страсти, умертвили (душевно) самих себя, и для многих сделались соблазном, когда явны стали деяния их, потому что были они еще в душевном недуге и не заботились о здравии душ своих, но пустились в море мира сего исцелять души других, будучи еще сами немощными, и утратили для душ своих надежду на Бога (т.е. надежду на спасение) указанным выше образом (в сирийском тексте: «упомянутыми выше страстями»). Ибо немощь чувств их не в состоянии была сретить и вынести пламень вещей, которые обыкновенно приводят в рассвирепение лютость страстей, ибо им нужно было еще охранение, именно – чтобы вовсе не видать женщин, не предаваться покою (в сирийском тексте: «наслаждению жизни»), не приобретать серебра и других вещей, не начальствовать над другими и не быть выше кого-нибудь.

(Слово 56, стр. 281)

## **Приближение к Богу своим намерением и Божиим дарованием.**

Все сии блага рождаются в человеке от познания собственной немощи. Ибо по великому желанию помощи Божией приближается он к Богу, пребывая в молитве. И в какой мере приближается он к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарованиями Своими, и не отъемлет у него благодати за великое его смирение, потому что он, как вдова пред судиею, неотступно вопиет защитить от соперника. Поэтому же щедролюбивый Бог удерживает от него дары благодати, чтобы служило сие для человека причиною приближаться к Богу и чтобы ради потребности своей человек неотлучно пребывал пред Источающим служащее на пользу. И некоторые прошения его Бог исполняет очень скоро, именно те, без которых никто не может спастись, а другие медлит исполнять. И в иных обстоятельствах отражает от него и рассеивает палящую силу врага (тяжесть брани вражией), а в других попускает впасть в искушение, чтобы это испытание, как уже сказал я, служило для него причиною приблизиться к Богу и чтобы научился он и имел опытность в искушениях. И вот слово Писания: Господь оставил многие народы, не истребил их и не предал в руки Иисуса, сына Навина, чтобы наставить ими сынов израилевых и чтобы колена сынов израилевых вняли их урокам и научились брани (Суд. 3,1–2). Ибо у праведника, не познавшего своей немощи, дела его как на острие бритвы, и вовсе недалек он от падения и от тлетворного льва, разумею же демона гордыни. И еще, кто не знает своей немощи, тому недостает смирения; а кому недостает его, тот не достиг до совершенства; и не достигший до оногo всегда бывает в страхе, потому что град его не утвержден на столпах железных и на порогах медных, т.е. на смирении.

(Слово 61, стр. 335–336)

## Привычка.

Бойся привычек больше, нежели врагов. Питающий в себе привычку (худую) – то же, что человек, который дает пищу огню, потому что мера силы того и другого (т.е. привычки и огня) зависит от количества вещества. Если привычка потребует чего однажды и требование ее не будет исполнено, то в другой раз найдешь ее слабою; а если однажды исполнишь ее волю, то во второй раз найдешь, что нападает она на тебя с гораздо большею силою.

(Слово 89, стр. 421–422).

## **Признак истинного зрения Божиих вещей.**

Во что ни намеревался бы ты вникнуть, признаком вшествия внутрь пусть будет для тебя следующее. Когда благодать начнет отверзать очи твои к ощущению зрения предметов в их действительности (т.е. истинного вида предметов, как сказано в сирийском тексте), тогда очи твои тотчас начнут изливать ручьями слезы, так что не раз множеством их омоются ланиты твои. И тогда брань чувств утихает и скрывается внутри тебя. Если кто будет учить тебя противно сему, не верь ему. Кроме слез, не ищи другого более явного признака в теле. Когда же ум возвысится над тварями, тогда и для тела прекращаются слезы и всякое возбуждение и ощущение.

(Слово 56, стр. 283–284).

## **Признаки охлаждения духовной жизни.**

Когда нерадение начнет как тать вкрадываться в душу твою, и в омрачении возвращается она вспять, и дом (душевного твоего устройства) близок к тому, чтобы наполниться омрачением, тогда являются следующие признаки: почувствуешь в себе тайно, что изнемогаешь в вере своей, преимуществуешь в видимом (изобилуешь видимыми вещами), упование твое (на промысл Божий) умалывается, терпишь утраты в близком тебе, а вся душа твоя исполняется укорины в устах и в сердце на всякого человека, и на всякую вещь, и на все, с чем ни встречаешься помыслами и чувствами, и на Самого Всевышнего, и боишься вреда телесного, по причине чего малодушие овладевает тобою каждый час, и по временам душа твоя возбуждается таким страхом, что пугаешься и бегаешь тени своей; потому что неверием затмил ты веру (под верою же разумею не основание общего всех исповедания, но оную мысленную силу, которая светом ума подкрепляет сердце и свидетельством совести возбуждает в душе великое упование на Бога, чтобы не заботилась она о себе самой, но попечение свое во всем беззаботно возвергла на Бога).

(Слово 44, стр. 188)

## Признаки правого пути.

Когда же простираешься ты вперед, следующие явственные признаки найдешь близкими в душе своей: укрепляешься во всем надеждою и обогащаешься молитвою, не оскудевает никогда в уме твоём служащее к пользе (духовной), с чем бы ты ни встречался, ощущаешь немощь естества человеческого, и каждый таковой случай хранит тебя от гордыни. А с другой стороны, недостатки ближнего делаются недостойными внимания в очах твоих, и с таким желанием (блаженства) вожделеваешь выйти из тела, с каким стал бы пребывать в будущем веке. О всяком скорбном для нас приключении, встречающемся с тобою явно и тайно, со всею осторожностью, далекою от самомнения, находишь, что по справедливости и по суду приблизилось к тебе все сие. И за все принесешь исповедание (хваление, прославление) и благодарение. Вот признаки трезвенных, осторожных, пребывающих в безмолвии и желающих достигнуть строгости жития.

Расслабленные же не имеют нужды в сих тонких приметах угрожающих им падений, потому что далеки они от сокровенных добродетелей. Когда одна из них начнет проникать в душу твою, уразумей в этот час, на которую сторону начал ты склоняться: ибо вскоре узнаешь, какого ты сообщества. Да подаст нам Бог истинное ведение! АМИНЬ.

(Слово 44, стр. 188–189)

## **Промысл Божий.**

## **Промысл Божий о праведниках.**

Господь не во всякое время, когда Он близок к святым Своим, в помощь им, без нужды явно показывает силу Свою в каком-либо деле и чувственном знамении, чтобы оказываемая им помощь не сделалась бесполезною и не послужила к какому вреду. И делает сие, промышляя о святых и желая показать им, что и на час не прекращает тайного Своего о них попечения, но во всяком деле предоставляет им, по мере сил, показать свой подвиг и потрудиться в молитве. Если же дело препобеждает их трудностию, когда изнемогут они и не в силах будут совершить дела, потому что недостаточна к тому природа их, Сам совершает по величию державы Своей; и как Сам знает, получают они надлежащую помощь, и сколько можно, укрепляет их втайне, пока не укрепятся противу скорби своей. Ибо делает, что ведением (смысла скорбей), какое дарует им, разрешаются многообразные скорби их, и разумением оного побуждают их к славословию, полезному в том и другом случае. Если же дело требует обнаружения (явной помощи Божией), то ради нужды делает и это; и способы Его бывают самые премудрые, достаточные в скудости и в нужде, а не какие-либо случайные.

**Без нужды нельзя искушать Господа, просить от Него чудес или знамений. Это ведет к пагубе.**

Кто без нужды осмеливается на сие или молит Бога и желает, чтобы в руках его были чудеса и силы, тот искушается в уме своим ругателем демоном и оказывается хвастливым и немощным в своей совести. Ибо в скорби должно просить нам Божией помощи. Без нужды же искушать Бога опасно. И кто желает сего, тот не действительно праведен. А то, что Господь сотворил благоволя, обретается у многих святых. Но кто хочет и вожделевает сего по воле своей без нужды, тот падает, лишаясь охранения, и поползается в ведении истины. Ибо, если просящий услышан будет в сем, как отваживался просить о том у Бога, то находит в нем место лукавый и ведет его еще к большему испрошенного. А истинные праведники не только не вожделевают сего, но и отказываются, когда дается им то; и не только пред очами людей, но и втайне сами для себя не желают сего.

Ибо вот один из святых Отцов за чистоту свою, по благодати, получил дарование предугадывать идущих к нему и молил Бога (а с ним молились и другие святые, упрощенные на сие старцем), чтобы взято было у него это дарование. Если же некоторые из них и принимали дарования, то принимали по нужде (для пользы других) или по простоте своей; а прочих побуждало принять Божие мановение, и, конечно, не без особых к тому причин.

Когда блаженный святой Аммунал шел приветствовать святого Антония Великого и заблудился в пути, смотри, что тогда говорил он Богу («молю Тебя, Господи Боже мой, не погуби создания Твоего!»), и также – что соделал с ним Бог. (И явилась ему как бы человеческая рука, висящая с неба, которая показывала ему путь. См. Дост. Сказ. о подвижниках). Припомни и об авве Макарии и о прочих. Истинные праведники всегда помышляют сами в себе, что недостойны они Бога. А что истинные они праведники, дознается сие из того, что признают себя окаянными и недостойными попечения Божия, и

исповедуют сие тайно и явно, и умудряются на сие Святым Духом, чтобы не остаться без подобающей им заботливости и трудничества, пока они в этой жизни. Время же упокоения Бог соблюл им в будущем веке. И имеющие в себе живущего Господа по сему самому не желают быть в покое и освободиться от скорбей, хотя по временам и дается им утешение в духовном.

## **Подвижники благочестия обязаны пребывать в постоянных трудах.**

Не есть добродетель то, чтобы человек, когда достигнет его (утешения), не имел попечения и труды в ней; но вот селение Духа – непрестанно принуждать себя трудиться, хотя и есть способ сделать дело в покое, потому что такова воля Духа: в ком обитает Он – не приучать тех к лени. Напротив того, Дух побуждает их не покоя искать, но предаваться паче деланию и наибольшим скорбям. Испытаниями Дух укрепляет их и делает, что приближаются они к мудрости. Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах.

Не Дух Божий живет в тех, которые пребывают в покое, но дух диаволов, как сказал некто из любящих Бога: «клялся я, что умираю всякий день». Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут они в скорбях, а мир веселится в наслаждении и покое. Ибо не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в одиночестве, нужде, болезни, унижении, в оскорблениях, в сердечном сокрушении, в утружденном теле, в отречении от сродников, в печальных мыслях, имели вид иной, чем у всей твари, место жительства непохожее на обыкновенное человеческое, жилище иноческое, которое безмолвно, не видно человеческому взгляду, не заключает в себе ничего такого, что веселит здесь человека. Иноки плачут, а мир смеется. Они вздыхают, а мир веселится. Они постятся, а мир роскошествует. Трудятся они днем, и ночью предаются подвигам в тесноте и трудах. Некоторые из них пребывают в добровольных скорбях; другие в трудах, борясь со страстями своими; иные гонимы людьми, а иные бедствуют от страстей, от демонов и от прочего. И одни были изгнаны, другие умерщвлены, иные «проидоша в милотях» (Евр. 11,37) и проч. И исполнилось на них слово Господа: «в мире скорбни будете», но о Мне возрадуетесь (Иоан. 16, 33). Господь знает, что живущим в телесном покое невозможно пребывать в любви Его, и потому

воспретил им покой и услаждение оным Христос Спаситель наш, любовь Которого превозмогает телесные смерти. Он да явит нам крепость любви Своей!

(Слово 36, стр. 153–156)

## **Промысл Божий открывается в помощи.**

Если однажды вверил ты себя Господу, вседовлеющему для охранения твоего и смотрения о тебе, и если пойдешь во след Его, то не заботься опять о чем-либо таковом, но скажи душе своей: «На всякое дело довлеет для меня Того, Кому единожды я предал душу свою. Меня здесь нет; Он это знает». Тогда на деле увидишь чудеса Божии: увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, и как Его Промысл окружает их, хотя и невидим. Но по тому, что невидим телесными очами Хранитель оный (Промысл), пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться относительно Его, будто бы Его нет; ибо нередко открывается Он телесным очам, чтобы тебе иметь дерзновение.

## Таинственность Промысла Божия.

Как скоро человек отринет от себя всякую видимую помощь и человеческую надежду, и с верою и чистым сердцем пойдет во след Богу, тотчас последует за ним благодать и открывает ему силу свою в различных вспоможениях. Сперва открывает промышлением о нем, так что в этом всего более может он ощутить силу Божия Промысла о нем. И уразумением явного (чрез познание промышления в явном) уверится и в сокровенном, как и свойственно младенчеству его мыслей и житию его. Ибо как иначе уготовляется потребное для него, когда о том и не заботился? Многие удары, приближающиеся к нему, часто исполненные опасностей, проходят мимо, когда человек о них и не помышлял, между тем благодать неощутимо и весьма чудесно отражает от него это и хранит его, как питающая чада своих птица, которая распростирает над ними крылья свои, чтобы не приблизился к ним от чего-либо вред. Благодать дает ему видеть очами своими, как близка была к нему погибель его и как остался он невредим. Так обучает его и в отношении сокровенного, открывает перед ним хитросплетение мыслей и помыслов трудных, непостижимых. И легко отыскивается человеком уразумение их, взаимная между ними связь и прелесть (обольщение, ложь) их и к которому из сих помыслов прилеплен человек, как они рождаются один от другого и губят душу. И благодать посрамляет пред очами его всю злокозненность демонов и обиталище помыслов их, влагает в него разум усмотреть будущее; в простоте его воссиявает сокровенный свет, чтобы вполне ощущать и силу мыслей в тонких помыслах, и как бы перстом указывает ему, что потерпел бы он, если бы не дознал сего. И тогда рождается у него отсюда та мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему в молитве испрашивать себе у Создателя своего.

Когда Божественная благодать утвердит мысли его, чтобы во всем этом уповал он на Бога, тогда мало-помалу начинает он входить в искушения. И благодать попускает, чтобы насылаемы были на него искушения, соответственные его мере, чтобы

понести человеку тяжесть их. И в сих искушениях ощутительно приближается к нему помощь, чтобы не страшился он, пока не обучится постепенно, и приобретет мудрость, и в уповании на Бога станет презирать врагов своих. Ибо умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него невозможно иначе, как только по силе выдержанного им испытания.

(Слово 49, стр. 218–219)

## **Промысл Божий открывается в искушениях.**

Сделавшись таким, возведи непрестанное око свое к Богу, потому что покров и Промысл Божий объемлет всех людей, но он невидим, разве только очистившим себя от греха и помышляющим всегда о Боге, и притом – о Нем едином. Преимущественно же открывается им Промысл Божий, когда ради Бога входят они в великое искушение. Ибо тогда ощущают они Промысл Божий, как бы усматривая его телесными очами, сообразно с мерою и причиною искушения, какое постигает каждого из них, и это (особенное обнаружение Промысла) – для того, чтобы подвижников сих возбудить к мужеству, как было с Иаковом, Иисусом Навином, тремя Отроками, Петром и прочими святыми, которым являлся он (Промысл Божий) в человеческом некоем образе, ободряя и утверждая их в благочестии. Если же скажешь, что сие даровано от Бога святым по особому промыслению и они по своему достоинству сподоблялись таковых видений, то пусть образцами в мужестве будут для тебя святые мученики, которые, нередко многие вместе, а иногда по одиночке, во многих и разных местах подвизались за Христа и нашедшею на них силою мужественно претерпели в бранных телах строгание железом и всякого рода мучения, нестерпимые для естества. Ибо им явственно являлись святые ангелы, чтобы каждый уразумел, как на тех, кои ради Бога всячески терпят всякое искушение и всякую скорбь, обильно являет себя Божий Промысл в показание их доблести и в посрамление врагов их. Ибо сколько святые мужались при таковых видениях, столько противники терпением их были раздражаемы и приводимы в неистовство.

(Слово 57, стр. 295)

## **Пересуды. Как вести себя при них.**

Когда начинает кто при тебе пересуждать брата своего, сделай печальным лицо свое. Как скоро сделаешь это, и перед Богом и перед ним окажешься охраняющимся.

(Слово 89, стр. 422)

## **Печаль о людях недужных, добрых, злых и страждущих.**

В тот день, в который печалишься о страждущем каким-либо недугом, о человеке добром или злом, страждущем телесно или мысленно, почитай себя мучеником и взирай на себя, как на пострадавшего за Христа и на сподобившегося стать исповедником. Ибо помни, что Христос умер за грешных, а не за праведных. Смотри, сколь велико это дело – скорбеть о людях злых и благодетельствовать грешным паче праведных! Апостол воспоминает о сем, как о деле достойном удивления (Рим. 5, 6–8).

(Слово 89, стр. 423)

## Разумный человек.

ВОПРОС. *Кто достойно именуется разумным?*

ОТВЕТ. Тот, кто действительно уразумел, что есть предел сей жизни. Он может положить предел и своим прегрешениям. Ибо какое ведение, или какое разумение, выше сего – умудриться человеку выйти из жизни сей в нерастлении, не имея ни одной части, оскверненной зловонием вожделения, и никакой скверны в душе, оставляемой сладостию вожделения. Ибо если какой человек утончает мысли свои, чтобы проникнуть ему в тайны всех естеств, и обогащается изобретениями и наблюдениями во всяком ведении, но душа его осквернена греховною скверною и не приобрел он свидетельства о надежде души своей, однако же думает, что благополучно вошел в пристань упования, то нет в мире человека неразумнее его, потому что дела его, в непрерывном стремлении его к миру, довели его только до мирской надежды.

(Слово 21, стр. 82)

## Рай и древо жизни.

Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами, – где блаженный Павел напитался преестественною пищею и, как скоро вкусил там от древа жизни, воскликнул, сказав: «ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» (1Кор. 2,9). От древа сего был отстранен Адам советом диавольским. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам; и с тех пор не встречала уже его радость, но работал и трудился он на земле терний. Лишенные любви Божией, если и по правоте ходят, едят тот хлеб пота в делах своих, какой повелено было есть первозданному по отпадении (от любви Божией) его. Пока не обречем любви, делание наше – на земле терний; и хотя сеяние наше бывает сеянием правды, однако и сеем и пожинаем мы среди терний и ежечасно уязвляемся ими и, что бы ни делали к своему оправданию (сколько бы ни совершили дел правды), живем в поте лица. А когда обречем любовь, тогда станем питаться хлебом небесным и укрепляться в силах без работы и труда. Небесный хлеб есть Христос, сшедший «с небесе и даяй живот миру» (Иоан. 6,33), и это есть пища ангельская.

Кто обрел любовь, тот каждый день и час вкушает Христа и делается от сего бессмертным; ибо сказано: «кто снест от хлеба сего, ...егоже Аз дам» ему, смерти не узрит во веки (Иоан. 6,51, 58). Блажен, кто вкушает от хлеба любви, который есть Иисус. А что вкушающий любви вкушает Христа, сущего над всеми Бога, о сем свидетельствует Иоанн, говоря: «Бог любви есть» (1Иоан. 4,8, 16). Итак, живущий в любви пожинает жизнь от Бога и в этом еще мире, в ощущаемой здесь, обоняет оный воздух воскресения. Сим воздухом наслаждаются праведные по воскресении. Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обетовал Апостолам, что вкусят ее в царстве Его. Ибо сказанное: «да ясте и пиете на трапезе царствия Моего» (Лук. 22,30), что иное означает, как не любовь? Любви достаточно для того, чтобы напитать человека вместо пищи и

пития. Вот "вино, веселящее сердце человека» (Пс. 103,15). Блажен, кто испиет вина сего! Испили его невоздержные, и устыдились; испили грешники, и забыли пути преткновений; испили пияницы, и стали постниками; испили богатые, и возжелали нищеты; испили убогие, и обогатились надеждою; испили недужные, и стали сильны; испили невежды, и умудрились.

Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладии, так никто не может без страха достигнуть любви. Смердящее море между нами и духовным раем можем переплыть только на ладии покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если эти гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего преходим к Богу, то утопаем в этом смердящем море. Покаяние есть корабль, а страх – его кормчий, любовь же – Божественная пристань. Поэтому страх вводит нас на корабль покаяния, переправляет по смердящему морю жизни и путеводит к Божественной пристани, которая есть любовь. В сию пристань приходят все труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш свершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой.

(Слово 83, стр. 397–399).

## **Расслабление и лень. Чем возбуждать себя к рачительности во время расслабления и лени.**

Во время своего поражения, расслабления и лени, связуемый и содержимый врагом в мучительном томлении и в тяжком деле греха представлял в сердце своем прежнее время рачительности своей, как был ты заботлив о всем даже до малости, какой показал подвиг, как с ревностью противился желавшим воспрепятствовать твоему шествию. Сверх же сего, помысли о тех воздыханиях, с какими болезновал ты о малых недостатках, появлявшихся в тебе от нерадения твоего, и о том, как во всех этих случаях получал ты победный венец. Ибо всеми таковыми воспоминаниями душа твоя возбуждается как бы из глубины, облекается пламенем ревности, как бы из мертвых восстает от потопления своего, возвышается и горячим противоборством диаволу и греху возвращается в первобытный свой чин.

(Слово 2, стр. 9–10)

## **Ревность – основной двигатель добродетели.**

Кто имеет добрые желания, тому противление не может воспрепятствовать исполнить оные, разве только лукавый найдет место худому предлогу в желающих доброго. Бывает же это по следующей причине. За всякою мыслию доброго желания, в начале его движения, последует некая ревность, горячностью своею уподобляющаяся огненным углям; и она обыкновенно ограждает сию мысль, и не допускает, чтобы приблизилось к ней какое-либо сопротивление, препятствие и преграда, потому что ревность сия приобретает великую крепость и несказанную силу ограждать на всякий час душу от расслабления или от боязни, при устремлениях на нее всякого рода стеснительных обстоятельств. И как первая та мысль есть сила святого желания, от природы насажденная в естестве души, так ревность сия есть мысль, движимая раздражительностью в душе силою, данная нам Богом на пользу, для соблюдения естественного предела, для выражения понятия о своей свободе исполнением естественного желания, находящегося в душе. Это (мысль сия) есть добродетель, без которой не производится доброе, и она называется ревностью, потому что от времени до времени движет, возбуждает, распаляет и укрепляет человека – пренебрегать плотию в скорбях и в страшных сдвигающих его искушениях, непрестанно предавать душу свою на смерть и вступать в брань с мятежной силой ради совершения того дела, которого сильно возжелала душа.

Ибо некто, облеченный во Христа, ревность сию в словах своих назвал псом и хранителем закона Божия, то есть, добродетели, потому что законом Божиим называется добродетель. Эта сила ревности двумя способами укрепляется, пробуждается и воспаляется на хранение дома, а также двумя способами приводится в изнеможение, дремоту и лень. А именно: пробуждение и воспаление бывает, когда человеку приходит на мысль некий страх, заставляющий его бояться за то благо, которое он приобрел или имеет в виду

приобрести, чтобы не было оно украдено, т. е. уничтожено каким-либо случаем или последствием оною. И сие возбуждается в человеке по Божественному промыслению; разумею же страх во всех достойных делателях добродетели, пребывающий в душе для ее пробуждения и ревнования, чтобы не предавалась она дремоте.

Когда же возбужден в естестве этот страх, тогда ревность, названная у нас псом, день и ночь разгорается, как пылающая печь, и пробуждает естество. И, подобно Херувимам, он пробуждается и ежечасно внимает тому, что окрест его, и, как говорит упомянутый выше некто (обличенный во Христа), если проходит птица около него, приходит в движение и лает с самою быстрою и несказанною стремительностью. И когда этот страх бывает о теле, тогда делается сатанинским, потому что человек поколебался в вере своей в Промысл Божий и позабыл, как печется и промышляет Бог о подвижающихся ради добродетели, ежечасно назирая над ними, о чем и Дух Святой говорит устами Пророка: «очи Господни на праведныя» и пр. (Пс. 33, 16); и еще: «держава Господь боящихся Его» (Пс. 24, 14). И Сам Господь как бы от Своего лица сказал боящимся Его: «не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему» (Пс. 90, 10).

Но когда страх бывает о душе по причине того, что приключается добродетели и что следует за нею, и именно страх, чтобы она не была окрадена и по каким-нибудь причинам не потерпела ущерба, тогда помысл сей божествен, попечение благо, скорбь и томление бывают по Божию промыслению. И еще другой есть способ, т. е. крепость и воспламенение пса обнаруживаются, когда наиболее возрастает в душе вожделение добродетели. Ибо в какой мере возрастает в душе вожделение, в такой же воспламеняется и этот пес, т. е. естественная ревность к добродетели.

Первый же повод к охлаждению его (пса сего), когда самое вожделение уменьшится и прекратится в душе. А второй повод, когда войдет в душу какой-то помысл уверенности и отважности, и утвердится в ней, и человек станет надеяться, думать и держаться той мысли, что нет ему причины бояться

потерпеть вред от какой-нибудь силы; и потому слагает он с себя оружие ревности и бывает как дом без стражи, пес засыпает и надолго оставляет стражу.

Весьма многие мысленные дома бывают окражены сим помыслом. И это бывает, когда померкнет в душе чистота оногo осияния святым ведением. Отчего же она омрачается? Конечно, оттого, что тайно вошел в душу какой-либо самый тонкий помысл гордыни и возгнездился там; или человек стал более предаваться попечению о преходящем или частому обольстительному для него сообщению с миром. Или бывает сие от чрева – этого господина для всего худого. Всякий же раз, когда подвижник вступает в общение с миром, душа его тотчас изнемогает. То же бывает, когда сходится он со многими, которые невольно сокрушают душу его тщеславием. Короче сказать, ум предающегося бегству подвижника, когда входит он в общении с миром, уподобляется кормчему, который спокойно плывет по морю и внезапно попадает в средину подводных камней и терпит крушение.

(Слово 32, стр. 143–146)

## **Ревность лукавая.**

Человек ревнивый никогда не достигает мира ума, а чуждый мира – чужд и радости. Ибо если мир ума называется совершенным здоровьем, а ревность противна миру, то, следовательно, тяжкою болезнью страждет тот, в ком есть лукавая ревность. По-видимому ты, человек, обнаруживаешь ревность свою против чужих недугов, а в действительности свою душу лишил здоровья. Поэтому потрудись лучше над оздоровлением своей души. Если же желаешь врачевать немощных, то знай, что больные более нужды имеют в попечении о них, нежели в порицании. А ты и другим не помогаешь, и самого себя ввергаешь в тяжкую, мучительную болезнь. Ревность в людях признается не одним из видов мудрости, но одним из душевных недугов, и именно – она есть ограниченность в образе мыслей и великое неведение.

(Слово 89, стр. 418)

## **Рассуждение.**

О всяком деле, если делаешь оное без размышления и исследования, знай, что оно суетно, хотя и благоприлично; потому что Бог вменяет правду по рассудительности, а не по действованию нерассудительному

(Слово 89, стр. 423)

## **Самоисправление, или трезвение о порядке тонкой рассудительности.**

Будь всегда внимателен к себе самому, возлюбленный; и среди непрестанных дел своих рассмотри и встречающиеся тебе скорби, и пустынность местопребывания твоего, и тонкость ума твоего вместе с грубостью твоего ведения, и большую продолжительность безмолвия твоего вместе с многими врачевствами, т.е. искушениями, наводимыми истинным Врачом к здравью оного внутреннего человека, а в иное время и бесами, иногда же болезнями и телесными трудами, а иногда боязливými помышлениями души твоей, страшными воспоминаниями о том, что будет напоследок (при смерти и по смерти), иногда же привитием и обязанием благодати сердечной теплоты и сладостных слез, и духовной радости, и всего прочего, скажу так, не умножая слов. Совершенно ли во всем этом примечаешь, что язва твоя начала заживать и закрываться, т.е. начали ли изнемогать страсти? Положи примету, и входи непрестанно сам в себя, и смотри: какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобою, какие из них пропали и совершенно отступили от тебя и какие из них начали умолкать вследствие душевного твоего здоровья, а не вследствие удаления того, что смущало тебя, и какие научился ты одолевать умом, а не лишением себя того, что служит для них поводом? Обрати также внимание на то, точно ли видишь, что среди загноения язвы твоей начала нарастать живая плоть, т.е. душевный мир. Какие страсти постепенно и какие стремительно понуждают, и чрез какие промежутки времени? Суть ли это страсти телесные, или душевные, или сложные и смешанные? И возбуждаются ли в памяти темно, как немощные, или с силою восстают на душу? И притом – властительски или татским (украдкой) образом? И как обращает на них внимание владеющий чувствами царь – ум? И когда они напрягут силы и вступят в брань, сражается ли с ними и приводит ли их в бессилие своею крепостию, или не обращает даже на них взора и ставит их ни во что? И какие изгладились

из прежних (после борьбы), и какие вновь образовались? Страсти возбуждаются или какими-нибудь образами, или чувством без образов и памяти без страстных движений и помышлений, и тогда не производят раздражения. По всему этому можно также определить степень устроения души.

Первые (т.е. страсти) не пришли в устройство, потому что душе предстоит еще подвиг, хотя и обнаруживает против них крепость свою, а вторые достигли устроения, о котором сказало Писание, говоря: "сяде Давид в дому своем, и упокоил его Бог от всех врагов его окрестных» (2Цар. 7,1). Разумей сие не об одной страсти, но вместе со страстями естественными, пожеланием и раздражительностью, и о страсти сребролюбия, которое изображает и мысленно представляет лица и возбуждает к похоти и желанию, и также о страсти сребролюбия, когда душа входит в общение с нею тайно и хотя и не соглашается вступить самым делом, но представляет в уме образы предметов, на которые направлено сребролюбие при собирании богатства, и заставляет душу помышлять о них и производит в ней желание – вместе с прочими обладать и ими.

Не все страсти ведут брань приражением помыслов. Ибо есть страсти, которые душе показывают только скорби: нерадение, уныние, печаль не нападают приражением помыслов и услаждением, но только налагают на душу тяжесть. Крепость же души изведывается в победе над страстями, ведущими брань приражением помыслов. И человеку надлежит иметь тонкое разумение обо всем этом и знать приметы, чтобы, при каждом сделанном шаге, сознавать, куда достигла и в какой стране начала шествовать душа его: в земле ли ханаанской или за Иорданом.

Но обрати внимание и на сие. Достаточно ли ведению душевного света к различению сего, или оно различает это во тьме, или совершенно лишено такой способности? Точно ли находишь, что разумная часть души начала очищаться? Парение мыслей в уме проходит ли в час молитвы? Какая страсть смущает ум во время приближения к молитве? Ощущаешь ли в себе, что сила безмолвия приосенила душу кротостию, тишиною и миром, какой необычным образом

рождается в уме? Восхищается ли непрестанно ум без участия воли к понятиям о бесплотном, в объяснение чего не дозволено входить чувствам? Возгорается ли в тебе внезапно радость, ни с чем не сравнимым наслаждением своим заставляющая умолкнуть язык? Источается ли непрестанно из сердца некая сладость и влечет ли всецело ум? Входит ли по временам незаметно во все тело некое услаждение и радование, чего плотской язык не может выразить, пока все земное не будет при сем памятований почитать прахом и тщетою. Ибо оное первое, из сердца истекающее услаждение, иногда в час молитвы, иногда во время чтения, а иногда также вследствие непрестанного поучения и продолжительности помышления согревает ум; а сие последнее всего чаще бывает без всего этого, и многократно во время поделия, а также часто и по ночам, когда находишься между сном и пробуждением, как бы спя и не спя, бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдет на человека это услаждение, биющееся в целом теле его, тогда думает он в этот час, что и царство небесное не иное что есть, как именно это.

Смотри также, приобрела ли душа силу, которая чувственные памятования потребляет силою овладевающей сердцем надежды и внутренние чувства укрепляет неизъяснимым убеждением в несомненности? И сердце без попечения о том, чтобы не было пленено оно земным, пробуждено ли непрестанным беседованием (с Богом) и непрерывным сердечным деланием, совершаемым со Спасителем нашим?

Старайся приобрести разумение в различии гласа Его и беседы, когда услышишь. Возможность же скоро вкусить сего доставляет душе непрерывное безмолвие непрестанным и постоянным своим деланием. Ибо, по нерадению приемлющих, и по обретении сие (благодатные действия) снова утрачивается, и долгое уже время вновь не приобретается. И осмелится ли кто, положившись на свидетельство совести своей, сказать о сем то же, что сказал блаженный Павел: «известихся, яко ни смерть, ни живот, ...ни настоящая, ни грядущая, ни все прочее возможно меня разлучити от любви Христовой» (Рим. 8,38–39),

т.е. не разлучат ни телесные, ни душевные скорби, ни голод, ни гонения, ни нагота, ни одиночество, ни затвор, ни беда, ни меч, ни ангелы и силы сатанины с их злобными ухищрениями, ни упраздняемая (временная) слава приражением своим к человеку, ни клеветы, ни укоризны, ни заушения, наносимые без причины и напрасно?

Если же не начал ты усматривать в душе своей, брат, что все это некоторым образом избыточествует или оскудевает, то труды твои, и скорби, и все безмолвие твое – бесполезное отягощение себя. И если чудеса совершаются руками твоими и мертвых воскрешают они, не идет то и в сравнение с этим, и немедленно подвигни душу свою, и со слезами умоляй Спасяющего всех отъять завесу от двери сердца твоего и омрачение бури страстей уничтожить на внутренней тверди, чтобы сподобиться тебе увидеть луч оного дня (т.е. от осияния незаходимого Солнца – Христа), да не будешь ты как мертвец, вечно пребывающий в омрачении.

Всегдашнее бдение вместе с чтением и частые поклоны, совершаемые преемственно кем-нибудь, не замедлят рачительным подать блага сии. И кто обрел их, тот обрел сими именно средствами. Желаящие снова обрести их имеют нужду пребывать в безмолвии, а вместе и в делании сказанного нами, и притом ни к чему, кроме души своей, даже ни к одному человеку, не привязываться мыслию своею, упражняться же во внутреннем делании добродетели. Но и относительно самых дел – лишь в некоторых из них мы находим отчасти близ себя верное чувство, утверждающее нас и в отношении прочего.

Кто пребывает в безмолвии и опытом изведal благодать Божию, тот не имеет нужды в большом уверении; напротив того, душа его нимало не болезнует неверием, подобно колеблющимся в истине; потому что свидетельства ума его достаточно для него к уверению себя самого паче бесчисленного множества слов, не оправданных опытом. Богу же нашему слава и велелепие во веки! АМИНЬ.

(Слово 45, стр. 189–194)

## **Сомнение. Как с ним бороться?**

Храни себя от сомнения во время добрых в тебе изменений. Нemoщь свою и невежество свое относительно тонкости сего сомнения рачительно открывай Господу в молитве, чтобы не быть тебе оставленным и не искуиться в чем-либо срамном, потому что за гордостью следует блуд, а за сомнением обольщение.

(Слово 40, стр. 169)

## **Самомнение усиливает искушения.**

Как скоро благодать усмотрит, что в помысле человека начало появляться некоторое самомнение и стал он высоко о себе думать, тот час попускает, чтобы усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не прибегнет к Богу и не прилепится к Нему со смирением. Сим приходит человек в меру мужа, совершенного верою и упованием на Сына Божия, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь-то Бог силу Свою показывает в спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе; и нигде Бог не являл ощутительно действенности Своей, как только в стране безмолвия и в пустыне, в местах, лишенных разговоров и смятения, какие бывают у живущих с людьми.

(Слово 49, стр. 219–220)

## Самоотвержение.

ВОПРОС. *Что значит отвергнуться себя самого?*

ОТВЕТ. Как приготовившийся взойти на крест одну мысль о смерти имеет в уме своем и таким образом восходит на крест, как человек не помышляющий, что снова будет иметь часть в жизни настоящего века, так и желающий исполнить сказанное. Ибо крест есть воля, готовая на всякую скорбь. И Господь, когда хотел научить, почему это так, сказал: кто хочет жить в мире сем, тот погубит себя для жизни истинной; а кто погубит себя здесь, "Мене ради", тот обрящет себя там (Мф. 10,39), т.е. обретет себя шествующим путем крестным и на нем утвердившим стопы свои. Если же кто снова печется о жизни сей, то лишил он себя упования, ради которого вышел на скорби. Ибо попечение сие не попускает ему приблизиться к скорби ради Бога, и тем самым, что предается он сему попечению, оно увлекает его постепенно и уводит из среды подвига воистину божественнейшей и блаженной жизни, и возрастает в нем помысл этот, пока не победит его. А иже в уме своем погубит душу свою Мене ради, из любви ко Мне, тот неукоризненным и невредимым сохранится в жизнь вечную. Сие-то значит сказанное: «Иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю». Посему здесь еще сам уготовь душу свою к совершенному уничтожению для этой жизни. И если погубишь себя для этой жизни, то Господь скажет тебе, так помышляющему: "дам тебе живот вечный, как обещал Я тебе" (Иоан. 10,28). Если же и в этой жизни пребудешь, то здесь еще самым делом покажу тебе обетование Мое и удостоверение в будущих благах. И тогда обрешь вечную жизнь, когда будешь пренебрегать этою жизнью. И когда так приготовленный выступишь на подвиг, тогда сделается в очах твоих достойным пренебрежения все, почитаемое печальным и скорбным. Ибо, когда ум приготовится таким образом, тогда нет для него ни борьбы, ни скорби во время смертной опасности. Посему должно в точности знать, что если человек не возненавидит жизни своей в мире, по причине вождения жизни будущей и

блаженной, то не может вполне перенести всякого рода скорбей и печалей, постигающих его каждый час.  
(Слово 21, стр. 84–85).

## Самопобуждение к подвигам.

Какими напоминаниями возбуждали себя к деланию св. подвижники?

Некто из братии написал сие и всегда полагал это пред собою, напоминал об этом себе и говорил: «Неблагоразумно изжил ты жизнь свою, человек посрамленный и достойный всякого зла; остерегись же хотя в этот день, оставшийся от дней твоих, прошедших напрасно без дел добрых и обогатившихся делами худыми. Не спрашивай ни о мире, ни о жизни в нем, ни о монахах, ни о делах их, ни о том, как они живут, как велико их делание, не заботясь ни о чем подобном. Таинственно исшел ты из мира и считаешься как бы мертвым о Христе; не живи более миру и тому, что в мире, да предварит тебя упокоение и будешь жив во Христе. Будь готов и вооружись терпением против всякого поношения, всякой обиды, осмеяния и порицания от всех. И все это принимай с радостью, как действительно того достойный; переноси с благодарением всякий труд и всякую скорбь, и всякую беду от демонов, которых волю исполнял ты; мужественно сноси всякую нужду, и что приключится естественно, и все горести. В уповании на Бога терпи лишение того, что необходимо для тела и вскоре обращается в гной. Желай все сие принимать в надежде на Бога, не ожидая ниоткуда более ни избавления, ни чьего-либо утешения. «Возверзи на Господа печаль твою» (Пс. 54,23), и во всех искушениях твоих осуждай сам себя, как виновного во всем этом. Ничем не соблазняйся и не укоряй никого из оскорбляющих тебя; потому что и ты вкусил с запрещенного древа, и ты приобрел разные страсти. С радостью принимай горести, пусть они потрясут тебя немного; зато впоследствии усладишься. Горе тебе и смрадной славе твоей! Ибо душу свою, которая исполнена всякого греха, оставил ты, как неосужденную, а других осуждал словом и мыслию. Довольно, довольно с тебя этой, свиньям приличной пищи, какою донеде питаешься ты. Что общего с людьми у тебя, скверный, и не стыдишься оставаться в их обществе, проводя жизнь так

неразумно? Если обратишь на сие внимание и сохранишь все это – может быть, и спасешься при содействии Божиим. В противном же случае отойдешь в страну темную и в селение демонов, которых волю исполнял ты с бесстыдным лицом. Вот засвидетельствовал я тебе о всем этом. Если Бог праведно подвигнет на тебя людей воздать тебе за обиды и порицания, какие держал ты в мысли и изрекал на них (в греч. тексте сказано: «на Него». Перевод «на них» взят из Паисия) во все время своей жизни, то целый мир должен быть занят тобою. Итак, перестань отныне, и претерпи находящие на тебя воздаяния».

Все это напоминал себе брат каждый день, чтобы, когда придут на него искушения или скорбь, быть ему в состоянии претерпевать это с благодарностию и с пользою для себя. О, если бы и нам с благодарением претерпевать постигающие нас бедствия и извлекать из них для себя пользу, по благодати человеколюбца Бога! Ему слава и держава во веки! АМИНЬ.

(Слово 20, стр. 79–81).

## Самоуничижение.

Уничижай себя и увидишь в себе славу Божию. Ибо где произрастает смирение, там источается Божия слава. Если будешь стараться пребывать в явном уничижении, то Бог соделает, что от всех людей будешь прославляем; если же в сердце своем будешь иметь смирение, то в сердце твоём покажет тебе Бог славу Свою. Будь удобопренебрегаем в величии твоём, а не великим в малости твоей. Старайся быть в пренебрежении и исполнишься Божией части. Не домогайся быть почитаемым, будучи внутренне исполнен язв (греховных). Презри честь, чтобы стать почтенным; и не люби чести, чтобы не быть обесчещенным. Кто гонится за честью, от того убегает она вперед. А кто убегает от чести, того настигает она сзади, и делается для всех людей провозвестницею его смирения. Если пренебрежешь сам себя, чтобы не быть тебе почитаемым, то провозгласит о тебе Бог. Если за истину понесешь укоризну, то Бог всем тварям Своим повелит восхвалять тебя, и отверзнут пред тобой дверь славы Создателя твоего, и восхвалят тебя, потому что в тебе действительно есть образ и подобие Его.

Кто видел человека, сияющего добродетелями, людям же представляющегося ничтожным, светлого жизнью, мудрого ведением и смиренного духом? Блажен, кто смиряет себя во всем, потому что будет он превознесен. Ибо, кто ради Бога во всем смиряет и умаляет себя, тот прославлен бывает Богом. Кто алчет и жаждет ради Него, того утоит Бог Своими благами. Кто терпит наготу ради Бога, тот облекается Им в ризу нетления и славы. Кто обнищает ради Бога, тот бывает утешен истинным Его богатством. Уничижай себя ради Бога, и без твоего ведома умножится слава твоя. Всю жизнь свою признавай себя грешником, чтобы во всей жизни своей быть тебе праведным. Будь невеждою в мудрости своей, а не кажись мудрым, будучи невеждою. Если смирение возвышает человека простого и неученого, то какую, подумай, честь доставит оно великим и почтенным?

(Слово 57, стр. 304–305).

Опасно ради добровольного уничтожения допускать поступки, приносящие соблазн ближним. Угоднее Богу переносить бесчестия, посылаемые по Воле Божией.

В другой раз опять пошел я к одному ветхому, прекрасному и добродетельному старцу. Он весьма любил меня и был хотя невежда в слове, но просвещен ведением и глубок сердцем и говорил, что внушала ему благодать; не часто выходил он из своей келлии, разве только к святым службам; был невнимателен к себе и жил в безмолвии. Некогда сказал я ему: «Пришел мне, Отец, помысл пойти в воскресный день на церковную паперть, сесть там, и рано утром есть, чтобы всякий входящий и выходящий, увидев меня, уничижил». На сие старец отвечал мне так: «Писано, что всякий, кто делает соблазн мирянам, не узрит света. А ты никому не известен в этой стороне, жития твоего не знают, будут же говорить, что иноки с утра едят; особливо (не должно сего делать потому, что братия...) же, братия здесь новоначальные и немощны в своих помыслах; многие из них, имея веру к тебе и пользуясь от тебя, как скоро увидят, что сделал ты это, потерпят вред. Древние Отцы дельвали так по причине многих совершенных ими чудотворений и по причине оказываемой им чести и прославления их имени, и делали это, чтобы подвергнуть себя бесчестию, скрыть славу жития своего и удалить от себя причины к гордыне. А тебя что заставляет поступить подобным сему образом? Не знаешь разве, что всякому житию свой чин и свое время? Ты не имеешь такого отличного жития и такого имени, а живешь, как и прочие братия. Ты себе не принесешь пользы, а другому повредишь. Притом, такое действование полезно не всем, но одним совершенным и великим, потому что в этом (т.е. в таковом действовании) есть разрешение чувств (свобода пользования чувствами, обученными в добре). Достигшим же только середины и новоначальным оно вредно, потому что таковые имеют нужду в большей предосторожности и в подчинении чувств. Старцы уже пережили время осторожности и извлекают пользу, из чего только захотят. Ибо неопытные купцы в больших оборотах великие причиняют себе убытки, а в маловажных оборотах скоро идут с успехом вперед.

И опять, как сказал я, всякому делу свой порядок, и всякому роду жизни известное время. Кто прежде времени начинает, что сверх его меры, тот ничего не приобретает, а усугубляет только себе вред. Если вожделенно тебе это, с радостию терпи то бесчестие, которое по Божию смотрению, а не по твоей воле, постигает тебя, и не смущайся, не питай ненависти к тому, кто бесчестит тебя».

(Слово 11, стр. 50–51)

## Священное Писание. Чтение Священного Писания и Богомыслие.

*ВОПРОС. Поелику иные, по немощи тела, не в состоянии непрестанно плакать, что должно иметь им к охранению ума, чтобы против него, когда он ничем не занят, не восставали страсти?*

**ОТВЕТ.** Страсти не могут восставать на душу и смутить подвижника, если в отшельничестве его, удаленном от всякого рассеяния, сердце его не занимается житейским, разве только будет он ленив и нерадив к своему долгу. А преимущественно, если будет он упражняться в изучении Божественных Писаний, то, занимаясь изысканием их смысла, пребывает нисколько не тревожим страстями. Ибо, при возрастающем и укореняющемся в нем разумении Божественных Писаний бегут от него суетные помыслы, и ум его не может отстать от желания читать Писания или размышлять о читанном, и не обращает он и малого внимания на жизнь настоящую по причине весьма великого наслаждения своим занятием, возвышаясь над этим (т.е. над суетными помыслами этой жизни) в глубоком пустынном безмолвии. Посему забывает себя и естество свое и делается как бы человеком, который пришел в исступление, вовсе не помнит о сем веке, преимущественно занят мыслию о величии Божиим и, погружаясь в это умом, говорит: «Слава Божееству Его!» и еще: «Слава чудесам Его! Дивны и необычайны все дела Его! На какую высоту возвел Он мое убожество; чему сподобил меня поучаться, на какие отваживаться помыслы, чем услаждать душу мою!» Обращаясь мыслию к чудесам сим и всегда ими изумляемый, пребывает он в непрестанном упоении и как бы уже вкушает жизнь по воскресении, потому что безмолвие весьма много содействует сей благодати. Ибо ум его находит возможность пребывать в себе самом с миром, какой приобретен им в безмолвии. А вместе с тем возбуждается сим к памятованию того, что сообразно с порядком жизни его. Ибо, мысленно представляя славу будущего века и блага, по упованию уготованные праведным, пребывающим в оной

духовной жизни и в Боге, и новое оное восстановление, не содержит ни в мысли, ни в памяти того, что есть в мире сем. И когда будет сим упоен, снова переносится оттуда созерцанием к веку сему, в котором еще живет, и в изумлении говорит: «О, глубина богатства, премудрости», ведения, смысленности, разумности и домостроительства неисследимого Бога, «яко неиспытани суде Его, и неизследовани путие Его» (Рим. 11, 33)! Ибо, когда Он уготовал иной столько чудный век, чтобы ввести в него все разумные существа и сохранить их в нескончаемой жизни, какая была причина сотворить Ему этот первый мир, расширить его и столько обогатить его полнотою и множеством видов и естеств и дать в нем место причинам многих страстей и тому, что их питает и что им противоборствует? И почему сначала поставил нас в этом мире, водрузил в нас любовь к долголетней в нем жизни и внезапно похищает нас из него смертью, немалое время хранит нас в бесчувственности и неподвижности, уничтожает образ наш, разливает растворение (рассыпает тело) наше, смешивает его с землею, попускает, чтобы состав наш разрушился, истлел и исчез и чтобы вовсе не оставалось ничего от естества человеческого, а потом, во время, какое определил достопоклоняемою премудростию Своею, когда восхощет, воздвигнет нас в ином образе, какой Ему только известен, и введет нас в другое состояние? Сего не мы только, человеки, надеемся, но и сами святые ангелы, не имеющие нужды в этом мире, по необычайности естества своего малым чем не достигшие совершенства, ожидают нашего восстания от тления, когда восстанет род наш из персти и обновится тление его. Ибо ради нас и им возбранен вход, и они ждут единократного отверстия двери нового века. И сия тварь (ангелы) с нами почует от тяжести тела, обременяющей нас, как говорит Апостол: «яко и сама тварь откровения сынов Божиих чае, да свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих» (Рим. 8,19,21), по совершенном разорении века сего в целом его устройстве и по восстановлении естества нашего в первоначальное состояние».

И отсюда уже возносится умом своим к тому, что предшествовало сложению мира, когда не было никакой твари, ни неба, ни земли, ни ангелов, ничего из приведенного в бытие, и к тому, как Бог, по единому благоволению Своему, внезапно привел все из небытия в бытие, и всякая вещь предстала пред Ним в совершенстве. И снова нисходит умом своим ко всем созданиям Божиим, обращает внимание на чудесность тварей у Бога и на премудрость произведений Его, в изумлении рассуждая сам с собою; «Какое чудо! Насколько домостроительство и промысл Его превышает всякое понятие, насколько чудная сила Его крепче всех творений Его! Как из небытия привел Он в бытие тварь сию – это неисчислимое множество различных вещей? И как опять разорит ее, уничтожив это чудное благоустройство, эту лепоту естеств, это стройное течение тварей, часы и время, это сочетание ночи и дня, годовые перемены, эти разнообразные, прозябающие из земли цветы, эти прекрасные здания городов я в них преукрашенные чертоги, это быстрое движение людей, это существование их, обремененное трудами от вшествия своего в мир до самого исшествия? И как внезапно прекратится чудный этот порядок, и наступит другой век, и воспоминание о первой этой твари вовсе не взойдет никому на сердце, и будут иное видоизменение, иные помышления, иные попечения! И естество человеческое также не вспомянет вовсе о сем мире и о первом образе жизни своей, потому что ум человеческий прилепится к созерцанию одного состояния и уму людей не будет досуга возвратиться снова к брани с плотию и кровию. Ибо с разорением сего века немедленно примет начало век будущий. И всякий человек скажет тогда следующее: О, мать, забытая своими чадами, которых родила, воспитала и умудрила и которые во мгновение ока собраны на чужое лоно и соделались истинными чадами неплодной, никогда не рождавшей! «Возвеселися неплоды нераждающая» (Ис. 54,1) о чадах, которых родила тебе земля».

И тогда как бы в исступлении размышляет и говорит: «Сколько еще времени будет стоять век этот? И когда восприимет начало век будущий? Сколько еще времени

храминам этим спать в этом виде, и телам быть смешанными с перстию? Какова будет она жизнь? В каком образе восстанет и составится естество это? Как перейдет он в новую тварь?» И когда размышляет он о сем и подобном сему, приходит он в восторг, изумление и безмолвное молчание, и восстает он в этот час, и преклоняет колена, и с обильными слезами воссылает благодарения и славословия Единому Премудрому Богу, всегда славимому во всепремудрых делах Его.

Итак, блажен, кто сподобился такового! Блажен, у кого такой помысл и день и ночь! Блажен, кто о сем и подобном тому размышляет все дни жизни своей! И если человек, в начале своего безмолвия, не ощущает силы таковых созерцаний, по причине парения ума своего, и не может еще возноситься к силам (к величию) сказанных выше чудес Божиих, то да не приходит в уныние и да не оставляет тишины безмолвной жизни своей! Ибо и земледелец, когда сеет, не тотчас с посевом семени видит и колос; но за сеянием следуют у него уныние, труд, изнеможение собственных членов, удаление товарищей, разлука с близкими людьми. А когда претерпит это, приходит иное время, в которое услаждается делатель и скачет, и радуется, и веселится.

Какое же это время? Когда вкусит он хлеба (духовного), добытого потом своим, и в безмолвии соблюдено будет размышление его. Ибо великую и нескончаемую сладость возбуждают в сердце и в неизреченное удивление приводят ум – безмолвие и это, сказанное выше, терпеливое в безмолвии размышление. И блажен, кто терпеливо пребывает в оном, потому что отверзся пред ним сей боготочный источник, и пил он из него, и насладился, и не перестанет пить из него всегда, во всякое время, во всякий час дня и ночи, до скончания и последнего предела целой своей временной этой жизни.

(Слово 21, стр. 99–103)

## **Почему так необходимо чтение Св. Писания.**

Пока человек не примет Утешителя, потребны ему Божественные Писания для того, чтобы памятование доброго напечатлелось в мысли его и непрестанным чтением обновлялось в нем устремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей: потому что не приобрел он еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, похищающее душеполезные памятования и приближающее его к холодности через рассеяние ума. Но, когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний укоренятся в сердце заповеди Духа, и тогда тайно учится у Духа и не имеет нужды в пособии вещества чувственного. Ибо, пока сердце учится от вещества, непосредственно за учением следуют заблуждение и забвение, а когда учение преподается Духом, тогда памятование сохраняется невредимым (1Иоан. 2,27).

(Слово 58, стр. 314)

## **Сердечная чистота.**

## Каковы ее признаки.

**ВОПРОС.** Если достиг кто сердечной чистоты, что служит ее признаком? И когда познает человек, что сердце его достигло чистоты?

**ОТВЕТ.** Когда всех людей видит кто хорошими, и никто не представляется ему нечистым и оскверненным, тогда подлинно чист он сердцем. Ибо, как исполниться слову апостольскому, по которому должно всех равно от искреннего сердца «честию больших себе творить» (Фил. 2,3), если человек не достигнет сказанного, что око благое не узрит зла (Авв. 1,13)?

**ВОПРОС.** Что такое чистота и где предел ее?

**ОТВЕТ.** Чистота есть забвение способов ведения через естество, заимствованных от естества в мире<sup>7</sup>. А чтобы освободиться от них и стать вне их, вот сему предел: прийти человеку в первоначальную простоту и первоначальное незлобие естества своего, и сделаться как бы младенцем, только без младенческих недостатков.

**ВОПРОС.** Может ли кто взойти на эту степень?

**ОТВЕТ.** Да. Ибо, вот, иные приходили в меру сию, как и авва Сисой пришел в сию меру так, что спрашивал ученика: «Ел я или не ел?» И другой некто из Отцов пришел в таковую простоту и почти в младенческую невинность, почему совершенно забывал все здешнее, так что стал бы и есть до Приобщения, если бы не препятствовали ему в этом ученики; и как младенца приводили его ученики к Приобщению. Итак, для мира был он младенец, для Бога же – совершен душою.

(Слово 21, стр. 96–97)

## Сердце милующее.

«И что такое сердце милующее?» – и сказал: «Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умягается сердце его, и не может оно вынести или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению во всем Богу».

(Слово 48, стр. 205–206)

## **Скорби Значение скорбей в деле спасения.**

**ВОПРОС.** *Какой бывает вред в шествии к Богу, если кто, по причине искушений, уклоняется от добрых дел?*

**ОТВЕТ.** Невозможно приблизиться к Богу без скорби; без нее и праведность человеческая не сохраняется неизменною. И если человек оставляет дела, приумножающие праведность, то оставляет и дела, охраняющие ее. И делается он подобен неохраняемому сокровищу и борцу, с которого совлечены его оружия, когда окружили его полки врагов его, и кораблю, не имеющему снастей своих, и саду, от которого отведен источник воды.

(Слово 21, стр. 82–83)

## **Скорби выше всякой молитвы.**

Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Господом скорби за Него и ради Него, и паче всех благоуханий – запах пота их. Всякую добродетель, совершаемую без телесного труда, почитай бездумным выкидышем. Приношение праведных – слезы очей их, и приятная Богу жертва – воздыхания их во время бдения. Воззовут ко Господу праведные, угнетаемые тяжестью тела, и с болезнованием будут воссылать моления к Богу, и на вопль гласа их приидут на помощь к ним святые Чины – ободрить и утешить их надеждою, потому что святые ангелы, приближаясь к святым мужам, являются соучастниками их страданий и скорбей.

(Слово 58, стр. 316–317)

## Готовность к скорбям в простоте сердца и без страха.

Блаженны те, которые ради любви к Богу препоясали, для моря скорбей, чресла свои простотою и непытливим нравом и не обращают тыла<sup>8</sup>. Они скоро спасаются в пристань царствия, упокоиваются в селениях добре потрудившихся, утешаются от злострадания своего и преисполняются веселием своего упования. С надеждою вступающие на путь стропотный (трудный, жесткий) – не возвращаются назад и не останавливаются, чтобы входить в исследование о сем. Но, когда переплывут море, тогда, взирая на стропотность пути, приносят благодарение Богу, что избавил их от теснот, стремнин и от такой негладкости в пути, тогда как они и не знали сего. А из тех, которые составляют много умствований, желают быть очень мудрыми, предаются замедлениям и боязливым помыслам, приготавливают себя и хотят предусматривать вредоносные причины, большая часть оказываются всегда сидящими при дверях своего дома.

Ленивый, посланный в путь, скажет: «лев на стезях, на путях же разбойницы» (Притч. 22,14), подобно тем, которые говорили: сынов исполинов «тамо видехом... и бехом пред ними, яко пружи» (Числ. 13,34). Это те, которые во время кончины своей оказываются еще в пути: желают всегда быть мудрыми, а отнюдь не хотят положить и начала. А невежда, пускаясь в плавание, переплывает с первою горячностью, ни малой не прилагая заботы о теле и не рассуждая сам с собою, будет или нет какой успех от сего труда. Внемли себе, да не будет у тебя избыток мудрости поползновением душе и сетию пред лицом твоим; напротив того, возложив упование на Бога, мужественно полагай начало пути, исполненному крови, чтобы не оказаться тебе скудным всегда и лишенным Божия ведения. Страшливый, «блюдый ветра не сеет» (Еккл. 11,4). Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдом и леностию.

(Слово 58, стр. 318–319)

## **Скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби.**

Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби, потому что добровольная скорбь дает доказательство веры любовью, а дело покоя бывает следствием пресыщения сознания (в сирийском тексте: «а дело, совершенное в покое, исходит из пресыщенного настроения» (т.е. от душевной скуки). Поэтому святые, из любви Христовой, показали себя благоискусными в скорбях, а не в покое, потому что совершаемое без труда есть правда людей мирских, которые творят милостыню из внешнего, сами же в себе ничего не приобретают (в сирийском тексте: «... которые стараются оправдаться посредством своего (имущества?), а сами не стремятся к совершенству»).

(Слово 74, стр. 371)

## Слезы. Их различие.

Бывают слезы сожигающие, и бывают слезы утучняющие. Посему все те слезы, которые исходят из сущности сердца от сокрушения о грехах, иссушают и сожигают тело, а нередко и самое владычественное в душе, во время излияния слез, ощущает от них вред. И сперва человек по принуждению вступает на эту степень слез, и ими отверзается ему дверь войти на вторую ступень, лучшую первой; и это есть страна радости, в которой человек приемлет милость. Это уже слезы, проливаемые по благоразумию: они и украшают, и утучняют тело, и исходят непринужденно сами собою; и не только, как сказано, утучняют тело человеческое, но и вид человека изменяется. Ибо сказано: «сердцу веселящемуся, лице цветет: в печалех же сущу, сетует» (Притч. 15,13).

(Слово 21, стр. 93–94)

## **Слезы – признак Божией милости.**

Слезы во время молитвы – признак Божией милости, которой сподобилась душа в покаянии своем, признак того, что молитва принята и слезами начала входить на поле чистоты. Ибо, если не будут отъяты в людях помыслы о преходящем и не отринут они от себя мирской надежды, и не возбудится в них пренебрежение к миру, и не начнут они уготовлять доброго напутствия к исшествию своему, не начнут в душе восставлять помыслы о том, что будет там, то глаза не могут проливать слез, потому что слезы суть следствие беспримесного и невысокопарного размышления, многих, частых и неуклонно пребывающих помыслов, памятования о чем-то тонком (духовном), совершающемся в уме, и памятованием сим приводящем сердце в печаль. От сего-то слезы умножаются и наиболее усиливаются.

(Слово 30, стр. 138)

## **Слово от деятельности и слово от мудрости.**

Иное слово действенное, и иное слово красивое. И без познания вещей мудрость умеет украшать слова свои, говорить истину, не зная ее, и толковать о добродетели, хотя сам человек не изведal опытно дела ее. Но слово от деятельности – сокровищница надежды, а мудрость, не оправданная деятельностью, – залог стыда.

Что художник, который живописует на стенах воду и не может тою водою утолить своей жажды, и что человек, который видит прекрасные сны, то же и слово, не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели, что сам испытал на деле, тот также передает сие слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые трудом своим. И кто из собственного стяжания посеваeт учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста свои, говоря духовным своим чадам, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: «аз же даю ти единую часть свыше братии твоея, юже взял у аморреев мечем моим и луком моим» (Быт. 48,22).

(Слово 1, стр. 7–8)

## Смирение.

ВОПРОС. *Из чего узнает человек, что достиг смирения?*

ОТВЕТ. Из того, что находит для себя гнусным угождать миру своим общением с ним или словом; и в глазах его ненавистна слава мира сего.

(Слово 38, стр. 161)

Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и дела бесполезны, даже уготовляют нам много худого. Смирением, как сказал я, содейай беззакония твои простительными. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели; оно может сокрушить крепость многих грехов. Итак, о нем (т.е. о приобретении смирения) надо скорбеть непрестанно мыслию со смирением и с печалию рассуждения. И если приобретем оное, соделает нас сынами Божиими, и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание.

(Слово 46, стр. 198–199)

«Что такое смирение?» – и сказал: «Сугубое, добровольно принятое на себя омертвление для всего».

(Слово 48, стр. 205)

И еще был спрошен: «Как может человек приобрести смирение?» – и сказал: «Непрестанным памятованием прегрешений, надеждою, приближающеюся к смерти, бедным одеянием, тем, чтобы во всякое время предпочитать последнее место и во всяком случае принимать охотно на себя дела самые последние и уничиженные, не быть непослушным, сохранять непрестанное молчание, не любить ходить в собрания, желать оставаться неизвестным и не идущим в счет (ставящим себя ни во что), не иметь никакого дела в полном своем распоряжении (разумеется своя воля, не подчиняющаяся воле другого, например, духовного отца), ненавидеть беседы со многими людьми, не любить прибытков и, сверх сего, возвышать свою мысль от всякого порицания и обвинения какого-либо человека и от соревнования, не быть таким человеком, которого руки

были бы на всех и на которого были бы руки всех (см. Быт. 16,12), но одному в уединении заниматься своим делом и не брать на себя попечения о чем-либо в мире, кроме себя самого. Короче сказать: странническая жизнь (уклонение от мира), нищета и пребывание в уединении – вот от чего рождается смирение и очищается сердце».

(Слово 48, стр. 206–207)

## Смирение и смиренномудрый.

ВОПРОС. *Какие преимущества смирения?* ОТВЕТ. Как самомнение есть расточение души в мечтании ее, которое приводит ее к парению и не препятствует ей парить в облаках своих помыслов, так что кружится она по всей твари, так смирение собирает душу в безмолвие, и сосредоточивается она в себе самой. Как душа непознаваема и невидима телесными очами, так и смиренномудрый не познается среди людей. И как душа внутри тела сокрыта от зрения и от общения со всеми людьми, так и истинно смиренномудрый человек, по своему отлучению от всех и по лишению (произвольному) во всем, не только не желает быть видим и знаем людьми, но даже такова его воля – если можно, от самого себя погрузиться внутрь себя, войти в безмолвие и вселиться в нем, всецело оставив все свои прежние мысли и чувствования, соделаться чем-то, как бы несуществующим в твари, не пришедшим еще в бытие, вовсе неизвестным даже самой душе своей. И пока таковой человек бывает сокровен, заключен в себе и отлучен от мира, всецело пребывает он во Владыке своем.

Смиренномудрый никогда не останавливается (не находит удовольствия) посмотреть на собрания, народное стечение, волнение, шум, разгул, хлопоты и наслаждение, следствием которого бывает невоздержность; не вовлекается в речи, беседы, клики и рассеяние чувств, но всему предпочитает разобщаться со всеми в безмолвии, уединившись и отлучившись от всей твари, заботясь о себе самом в стране безмолвной. Во всем умаление, нестяжательность, нужда, нищета – для него вожделенны. Ему желательно не то, чтобы иметь у себя многое и быть в непрерывных делах, но чтобы во всякое время оставаться на свободе, не иметь забот, не возмущаться здешним, так, чтобы помыслы его не исходили вне его. Ибо уверен он, что, если вдастся во многое, не возможет пребыть без смущения помыслов, потому что при многих делах бывает много забот и сборище помыслов многосложных. И человек перестает уже в мире помыслов своих быть выше всех

земных попечений, за исключением малых, самых необходимых потребностей, и утрачивает мысль, озабоченную единственно лучшими ее помыслами. Если же потребности не перестают удерживать его от лучших помыслов, то доходит он до состояния, в котором и терпит и делает вред, – и с этого времени отверзается дверь страстям, удаляется тишина рассудительности, бежит смирение и закрывается дверь мира. По всему этому смиренномудрый непрестанно охраняет себя от многого и тогда находит себя во всякое время в тишине, в покое, в мире, в кротости, в благоговении.

В смиренномудром никогда не бывает суетливости, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое. Если бы небо прильнуло к земле, смиренномудрый не ужаснется. Не всякий безмолвник смиренномудр, но всякий смиренномудрый – безмолвник. Кто несмиренномудр, тот не уничижен; но уничиженных несмиренномудрых найдешь многих. Сие и значит, что сказано кротким и смиренным Господом: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11,29). Смиренномудрый во всякое время пребывает в покое, потому что нечему привести ум его в движение или в ужас. Как никто не может утратить гору, так небоязнен и ум его. И, если можно так выразиться (а, может быть, и не уместно сказать это), смиренномудрый несть «от мира сего» (Иоан. 8,23); потому что и в печали не ужасается и не изменяется, и в веселии не приходит в удивление и не ширится. Но все веселие его и истинное радование – во Владыке его. За смиренномудрием следует кротость и собранность в себя, т.е. целомудрие чувств, соразмерность голоса, немногословие, небрежение о себе, бедная одежда, ненадменная походка, наклонение очей долу, превосходство в милосердии, скорое излияние слез, уединенная душа, сердце сокрушенное, неподвижность к раздражению, нерасточенные чувства, малость имущества, умаление во всякой потребности, перенесение всего, терпение, небоязненность, твердость сердца, происходящая от возненавидения временной жизни, терпение в искушениях, веские а не легкие, мысли, угашение помыслов, хранение тайн

целомудрия, стыдливость, благоговение, а сверх всего этого непрестанное безмолвствование и всегдашнее обвинение его в невежестве.

Смиренномудрому никогда не встречается такая нужда, которая приводила бы его в смятение или смущение. Смиренномудрый иногда, будучи один, стыдится себя самого. Дивлюсь же тому, что истинно смиренномудрый не осмелится и помолиться Богу, когда приступает к молитве, или счесть себя достойным молитвы, или просить чего-либо иного, и не знает, о чем молиться; но только молчит всеми своими помышлениями, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от Лица достопоклоняемого Величия, когда преклоняет он лице свое на землю, и внутреннее зрение сердца его вознесено к превознесенным вратам во Святое Святых, где Тот, Коего селение – мрак, Кто притупляет очи Серафимов, Чья добродетель побуждает легионы к ликостоянию их, Кто на все чины их изливает молчание. И осмеливается он только так говорить и молиться: «по воле Твоей, Господи, да будет со мною!» То же говорить и мы будем о себе. АМИНЬ.

(Слово 48, стр. 211–214)

## **Что есть смирение само по себе?**

Смирение есть некая таинственная сила, которую, по совершении всего божественного жития, восприемлют совершенные святые. И не иначе, как только одним совершенным в добродетели сила сия дается силою благодати, поскольку они естеством могут принять по определению Божию: потому что добродетель сия заключает в себе все. Поэтому не всякого человека, кто бы он ни был, можно почитать смиренномудрым, но одних сподобившихся сего, сказанного нами чина.

(Слово 50, стр. 235–236)

## Кто действительно смиренномудр?

Не всякий, кто по природе скромн и безмолвен, или благоразумн, или кроток, достиг уже степени смиренномудрия. Но истинно смиренномудр тот, кто имеет в сокровенности нечто достойное гордости, но не гордится и в помысле своем вменяет это в прах. Да и того, кто смиряется при воспоминании грехопадений и проступков и памятует оные, пока не сокрушится сердце его и ум его при воспоминании о них не снизойдет с высоты горделивых мыслей – хотя и сие похвально, – не назовем смиренномудрым, потому что есть еще в нем горделивый помысл, и не приобрел он смирения, а только ухищряется приблизить его к себе. И хотя, как сказал я, и сие похвально, однако же смирение еще не принадлежит ему; желает он только смирения, но смирения нет у него. Совершенно же смиренномудр тот, кто не имеет нужды мудрованием своим изобретать способы быть смиренномудрым, но во всем этом совершенно и естественно имеет смирение без труда; и хотя приял он в себя некое дарование великое и превышающее всю тварь и природу, но на себя смотрит, как на грешника, на человека, ничего не значащего и презренного в собственных своих глазах; и хотя вошел он в тайны всех духовных существ и во всей полноте совершен стал в мудрости всей твари, сам себя признает ничего не значащим. И этот, не ухищренно, но без принуждения таков в сердце своем.

## **Возможно ли человеку соделаться таким, и по природе так изменить себя, или нет?**

Итак, не сомневайся, что приятая человеком сила таинств совершает в нем это, во всякой добродетели, без его трудов. Это есть сила, которую прияли блаженные Апостолы в виде огня. Для нее-то заповедал им Спаситель «от Иерусалима не отлучатися», пока не примут силы свыше (Деян. 1,4). Иерусалим сей есть добродетель, сила – смирение, а сила свыше – Утешитель, т.е. Дух утешения. Сие-то и значит сказанное о Нем в Божественном Писании, что тайны открываются смиренномудрым. Сего же Духа откровений, показующего тайны, сподобляются принимать внутрь себя смиренномудрые. Посему-то и сказано некоторыми святыми, что смирение усвершенствует душу Божественными созерцаниями.

Итак, да не осмелится человек помыслить в душе своей, что сам собою пришел он в меру смиренномудрия, и ради одного помысла умиления, возникшего в нем в некое время, или за малые слезы, истекшие у него, или за одно какое-либо доброе свойство, которое имеет он по естеству или которым овладел с усилием, – приобрел он то, что составляет полноту всех тайн, что служит хранилищем всех добродетелей, и все это, говорю, приобрел малыми делами, а не сим дарованием. Напротив того, если человек победил всех сопротивных духов, и из дел всякой добродетели не осталось ни одного, которого бы не совершил явно и не приобрел, если победил и покорил все твердыни сопротивников и после этого ощутил в себе духом, что приял сие дарование, когда, по слову Апостола, «Дух спослушествует духови» его (Рим. 8,16), – то сие есть совершенство смиренномудрия. Блажен, кто приобрел его, потому что ежечасно лобызает и объемлет он недро Иисусово.

(Слово 53, стр. 236–237)

## Способ приобретения смирения.

Если же спросит человек: «Что мне делать? Как приобрести? Каким способом соделаться достойным принять смирение? Вот принуждаю сам себя, и, как скоро подумаю, что приобрел оное, вижу, что вот противные ему мысли обращаются в моем уме, и оттого впадаю теперь в отчаяние».

Сему вопрошающему такой дан будет ответ: «довлеет ученику» соделаться подобным учителю своему, рабу – подобным господину своему (Мф. 10,25). Смотри, как приобрел смирение Тот, Кто заповедал оное и дарует сие дарование, и подражай, и обретешь его. Он сказал: «грядет сего мира князь, и во Мне не обретет ничесоже» (Иоан. 14,30). Видишь ли, как при совершенстве всех добродетелей приобрести смирение? Поревнуем Сему давшему заповедь. Он говорит: «лиси язвины имут, и птицы небесныя гнезда: Сын же человеческий не имать, где главы подклонити» (Мф. 8,20). Говорит же сие Тот, Кто от всех, во всяком роде совершенных, освященных и достигших полноты, имеет славу, вместе с Отцем. Его пославшим, и со Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков. АМИНЬ.

(Слово 53, стр. 237–238).

## **Признак истинного смиренномудрия.**

Кто истинно смиренномудр, тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем он обижен, но принимает клеветы, как истину, и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения. Ибо иные добровольно навлекали на себя название блудных, не будучи таковыми; другие же терпели именование прелюбодеев, будучи далекими от прелюбодеяния, и слезами свидетельствовали, что несут на себе плод греха, которого не делали, и с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, которого не совершали, когда душа их была увенчана всякою чистотою и непорочною. Иные же, чтобы не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими втайне, представлялись в образе юродивых, быв растворены Божественною солию и непоколебимы в своей тишине, так что на высоте совершенства своего святых ангелов имели провозвестниками своих доблестей.

Ты думаешь о себе, что есть в тебе смирение. Но другие сами себя обвиняли, а ты, и другими обвиняемый, не переносишь сего и считаешь себя смиренномудрым. Если хочешь узнать, смиренномудр ли ты, то испытай себя в сказанном: не приходишь ли в смятение, когда тебя обижают?

(Слово 58, стр. 310–311)

## Причины к смирению.

Посему-то Господь оставляет святым причины к смирению и к сокрушению сердца в усиленной молитве, чтобы любящие Его приближались к Нему посредством смирения. И нередко устрашает их страстями естества и поползновениями срамных и нечистых помышлений, а часто – укоризнами, оскорблениями и заушениями от людей; иногда же – болезнями и недугами телесными; и в другое время – нищетою и скудостью необходимо потребного, то – мучительностию сильного страха, оставлением, явною бранью дьявола, чем обыкновенно устрашает их, то – разными страшными происшествиями. И все это бывает для того, чтобы иметь им причины к смирению, и чтобы не впасть им в усыпление нерадения, или по причине тех недугов, в каких находится подвижник, или ради будущего страха. Посему искушения по необходимости полезны людям. Но говорю сие не в том смысле, будто бы человеку следует добровольно расслаблять себя срамными помыслами, чтобы памятование о них служило для него поводом к смирению, и будто бы должен он стараться впадать в другие искушения; но-в том смысле, что следует ему в доброделании во всякое время трезвиться, соблюдать душу свою и помышлять, что он – тварь, и потому легко подвергается изменению. Ибо всякая тварь в защиту себе требует Божией силы, и всякий, кто требует защиты от другого, обнаруживает тем естественную немощь. А кто познал немощь свою, тому по необходимости потребно смириться, чтобы потребное для себя получить от Могущего дать сие. И если бы изначально знал и видел он немощь свою, то не вознерадел бы. И если бы не вознерадел, то и не впал бы в сон, и для пробуждения своего не был бы предан в руки оскорбляющих его.

Итак, шествующему путем Божиим надлежит благодарить Бога за все, приключаящееся с ним, укорять же и осыпать упреками душу свою и знать, что попущено сие Промыслителем не иначе, как по собственному его какому-нибудь нерадению, для того, чтобы пробудился ум его, или потому, что он

возгордился. И потому да не смущается он, да не оставляет поприща и подвига, и да не перестанет укорять себя – чтобы не постигло его сугубое зло; потому что нет неправды у Бога, источающего правду.

(Слово 61, стр. 336–337)

## **Смирение по страху и по любви.**

Бывает смирение от страха Божия, и бывает смирение из любви к Богу: иной смиряется по страху Божию, другой – по радости. И смиренного по страху Божию сопровождают во всякое время скромность во всех членах, благочиние чувств и сокрушенное сердце, а смиренного по радости сопровождают великая простота, сердце возрастающее и неудержимое.

(Слово 89, стр. 421)

## Соблазн о духовном жительстве.

ВОПРОС. Если человек что делает ради душевной чистоты, а другие, не понимая, соблазняются его духовным житием, то должно ли ему удаляться Божественного своего жития по причине соблазна, или делать, что полезно для его намерения, хотя то и соблазнительно для взирающих на него?

ОТВЕТ. Скажем и о сем, что, если кто по правилам, какие принял от бывших прежде него Отцов, делает что-либо служащее к очищению ума его, и предположил в себе эту цель – достижение чистоты, а другие, не знающие, соблазняются его намерением, то в ответственности не он, а соблазняющиеся. Не для того он воздерживается, или постится, или живет в строгом затворничестве, и делает, что полезно для его цели, чтобы другие соблазнялись, но для того, чтобы очистить ум свой. А соблазняющиеся порицают его по незнанию цели жития его и погрешают против истины, потому что, пребывая в нерадении, неспособны были уразуметь ту духовную цель, какую предположил он себе, т.е. чистоту своей души. О них блаженный Павел написал, говоря: «слово крестное погибающим убо юродство есть» (1Кор. 1,18). Что же теперь? поскольку слово крестное сими, не ощутившими силы слова, вменено было в юродство, то Павлу должно ли было молчать, а не проповедывать? Но вот и доныне учение крестное служит преткновением и соблазном для иудеев и для еллинов; неужели поэтому и нам молчать об истине, чтобы они не соблазнялись? Но Павел не только не молчал, но даже громко взывал, говоря: «мне да не будет хвалиться токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6,14). Сия хвала о кресте высказана святым не для того, чтобы других соблазнить, но потому, что велика проповедуемая сила Креста. Посему и ты, святой, совершай житие свое сообразно с тою целью, какую предположил себе пред Богом, в чем не осуждается совесть твоя, и житие свое испытывай по Божественным Писаниям и по тем заповедям, какие принял ты от святых Отцов (согласно ли

оно с ними). И если не будешь обвиняем (обличен в противном) ими, то не бойся того, чем соблазнились другие. Ибо ни один человек не может всех равно осведомить (о себе) или всем угодить и (в то же время) в сокровенности своей поработать Богу (творить угодное Богу).

(Слово 54, стр. 239–240)

## Страсти.

**ВОПРОС.** *Страсти телесные естественно ли или случайно приписываются телу? И страсти душевные, принадлежащие душе, по связи ее с телом, естественно ли или в несобственном смысле ей приписываются?*

**ОТВЕТ.** О страстях телесных никто не осмелится сказать, что принимаются в несобственном смысле. А о душевных страстях, как скоро дознано и всеми признается, что душе естественна чистота, должно смело сказать, что страсти нимало неестественны душе; потому что болезнь позднее здоровья. А одному и тому же естеству невозможно быть вместе и добрым и лукавым. Посему необходимо одно предшествует другому, естественно же то, чем предварено другое; потому что о всем случайном говорится, что оно не от естества, но произошло отвне; и за всем случайным и привзошедшим следует изменение, естество же не переиначивается и не изменяется.

Всякая страсть, служащая к пользе, дарована от Бога. И страсти телесные вложены в тело на пользу и возрастание ему; таковы же и страсти душевные. Но когда тело, лишением свойственного ему, принуждено стать вне своего благосостояния и последовать душе, тогда оно изнемогает и терпит вред. Когда и душа, оставив принадлежащее ей, последует телу, тогда и она терпит вред, по слову божественного Апостола, который говорит: «плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся» (Гал. 5,17). (Т.е. «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти, они друг другу противятся»). Посему никто да не хулит Бога, будто бы Он в естество наше вложил страсти и грех. Бог в каждое из естеств вложил то, что служит к его возрастанию. Но когда одно естество входит в согласие с другим, тогда оно обретается не в том, что ему свое, но в противоположном тому. А если бы страсти были в душе естественно, то почему душа терпела бы от них вред? Свойственное естеству не вредит ему.

**ВОПРОС.** *Почему телесные страсти, возвращающие и укрепляющие тело, вредят душе, если они не свойственны*

ей?<sup>9</sup> И почему добродетель утесняет тело, а душу возвращает?

ОТВЕТ. Не замечаешь ли, как то, что вне естества, вредит ему? Ибо каждое естество исполняется веселия, приблизившись к тому, что ему свойственно. Но ты желаешь знать, что свойственно каждому из сих естеств? Примечай: что вспомоществует естеству, то ему свойственно, а что вредит, то чуждо и привзошло отвне. Итак, поскольку дознано, что страсти тела и души одни другим противоположны, то уже все, сколько-нибудь вспомоществующее телу и доставляющее ему отдохновение, свойственно ему<sup>10</sup>. Но когда сдружилась с этим душа, нельзя сказать, что это ей естественно; ибо что свойственно естеству души, то – смерть для тела. Впрочем, в несобственном смысле сказанное выше приписывается душе; и душа, по немощи тела, пока носит на себе оное, не может от сего освободиться; потому что естественно вступила в общение со скорбным для тела по причине того единения, какое непостижимою Премудростию установлено между движением души и движением тела. Но хотя и в таком они взаимном общении, однако же отличны и движение от движения, и воля от воли, а также и тело от духа. Впрочем, естество не переиначивается; напротив того, каждое из естеств, хотя и крайне уклоняется, в грех ли то или в добродетель, однако же приводится в движение собственной своею волею. И когда душа возвысится над попечением о теле, тогда вся всецело цветет духом в движениях своих, и среди неба носится в непостижимом. Впрочем, и в этом состоянии не воспрещает телу помнить свойственного ему. И также, если тело оказывается в грехах, душевные помышления не перестают источаться в уме.

(Слово 4, стр. 21–23)

ВОПРОС. *Что такое страсти?*

ОТВЕТ. Приражения, которые производятся вещами мира сего, побуждая тело удовлетворять излишней его потребности и приражения сии не прекращаются, пока стоит сей мир. Но человек, который сподобился Божественной благодати, вкусил и ощутил нечто высшее сего (высшее, нежели услаждение

вещами мира сего), не попускает приражениям сим входить в сердце его; потому что на месте их утвердилось в нем другое, лучшее их, вождение, и к сердцу его не приближаются ни самые сии приражения, ни порождаемое ими, но остаются они бездейственными не потому, что нет уже страстных приражений, но потому, что приемлющее их сердце мертво для них и живет чем-то иным; не потому, что человек перестал хранить рассуждение и дела его, но потому, что в уме его нет ни от чего тревоги: ибо сознание его насыщено, насладившись чем-то иным (лучшим).

Сердце, которое прияло в себя ощущение духовного и ясное созерцание будущего века, таково же бывает в сознании своем к памятованию страстей, каков человек, насытившийся дорогою пищею, к иной, несходной с тою и предложенной ему, пищу, т.е. вовсе не обращает на нее внимания, не желает ее, а паче, гнушается ею и отвращается от нее, не потому только, что она сама в себе гусна и отвратительна, но и потому, что человек насытился первою, лучшею пищею, которою он питался, не так, как расточивший часть свою и возжелавший потом рожцев, поскольку наперед уже расточил отцовское богатство, какое имел (Лук. 15,13–16). И притом, кому вверено сокровище, тот не спит.

Если будем хранить закон трезвения и дело рассуждения с ведением плодом чего бывает жизнь (вечная), то борьба с приражениями страстей совершенно не приблизится к уму. Препятствует же войти им в сердце не борьба, но насыщение сознания и ведение, каким наполнено сердце, и желание созерцать чудеса, находямые в душе. Вот что воспрепятствовало приражениям приближаться к сердцу: не потому, что, как сказал я, сердце удалилось от хранения и дел и рассуждения, которые охраняют ведение истины и свет душевный, но потому, что ум, по сказанным выше причинам не имеет борьбы. Ибо снедь нищих гусна богатым, а подобно и снедь больных – здоровым; богатство же и здравие составляются при трезвенности и попечительности. Пока человек живет, он имеет нужду в трезвенности, попечительности и бодрственности, чтобы сберечь свое сокровище. Если же

оставит назначенный ему предел (т.е. трезвенность и попечительность), то сделается болен и будет ограден. Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плод; но надобно подвизаться до самого исхода. Ибо нередко и созревший плод побивается внезапно градом. Кто вмешивается в житейские дела и пускается в беседы, о том невозможно еще быть уверенным, что здоровье его сохранится в нем.

Когда молишься, произноси такую молитву: «Сподоби меня, Господи, действительно быть мертвым для собеседований с миром сим». И знай, что совместил ты в этом все прошения; старайся же исполнить в себе дело это. Ибо, если за молитвою последует дело, то действительно стоишь ты в свободе Христовой. А умерщвление себя для мира состоит не только в удалении человека от общения в собеседование тем, что есть в мире, но и в том, чтобы в беседе ума своего не вожделевал мирских благ.

Если приобучим себя к доброму размышлению, то будем стыдиться страстей, как скоро встретимся с ними. И это знают изведавшие опытом на себе самих. Но будем стыдиться приближения к страстям также и вследствие причин, вызывающих их.

Когда из любви к Богу желаешь совершить какое дело, пределом желания сего поставь смерть; и, таким образом, на самом деле сподобишься взойти на степень мученичества в борьбе с каждою страстию и не понесешь никакого вреда от того, что встретится с тобою внутри одного предела, если претерпишь до конца и не расслабеешь. Помышление немощного рассудка немощною делает силу терпения; а твердый ум тому, кто следует помышлению его, сообщает даже и силу, какой не имеет природа.

Сподоби меня, Господи, возненавидеть жизнь свою ради жизни в Тебе!

(Слово 38, стр. 161–163)

## Удаление от причин порождающих страсти.

ВОПРОС. *Хорошо ли удаляться от всего, что раздражает страсти? И такое бегство, когда душа избегает браней и избирает себе покой, победою ли признается или поражением души?*

ОТВЕТ. Ответим на это кратко. Иноку всячески должно избегать всего, что раздражает в нем лукавые страсти, особенно – отсекав в себе причины страстей и то, чем приводятся в действие, и от чего возрастают, хотя бы то самые малые страсти. Если же настанет время противостоять страстям и бороться с ними, когда ставятся нам сети в духовном созерцании (когда тонко бываем искушаемы при видении духовном), то сделаем это не шутя, но искусно. И человеку всегда должно отвращать мысль свою от страстей к естественному добру, какое Создателем вложено в природу, хотя диавол и извратил истину лукавым искушением. И если прилично так сказать, то ему должно бегать не только от докучливости страстей, но и от чувств своих и погружаться во внутреннего своего человека и там уединенно пребывать, непрестанно делая в винограднике сердца своего, пока не приведет он дел в согласие с монашеским именем, нареченным ему в сокровенности его и явно. И может быть, что сим пребыванием близ внутреннего человека придем в совершенное соединение с ведением нашей надежды, живущего в нас Христа. Ибо, когда ум наш пребывает там (во внутреннем делании) уединенно и отшельнически, тогда не он уже ведет брань со страстями, но благодать; разве только и самые страсти не приходят в нем в действие. (Впрочем, и самые страсти движутся в нем не так сильно, чтобы могли побуждать его к исполнению их на деле).

(Слово 54, стр. 238–239)

### **Чем лучше отвращать страсти.**

Страсти отвращать лучше памятованием добродетелей, нежели сопротивлением, потому что страсти, когда выступают из области своей и воздвигаются на брань, отпечатлевают в уме свои образы и подобия. Брань сия приобретает великую власть над умом, сильно возмущая и приводя в смятение помышления. А если поступить по первому сказанному нами правилу, то не оказывается в уме и следа страстей по отгнании их.

(Слово 58, стр. 313–314)

## Созерцание истинное и ложное.

Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей, делами безмолвного жития, не приобретет (ум) в совершенстве света любви, не преуспееет возрастом обновления Христа, улучшением ведения не приблизится к духовным естествам в той степени, на которой ищет ангельского духовного жития, то не возможен соделаться истинным зрителем Божественного созерцания. Все же те подобия духовного, какие думает составить себе ум, называются призраком, а не действительностию. И это, что ум видит одно вместо другого, происходит от того, что он не очистился. Ибо естество истины пребывает всегда неизменным и не изменяется никогда в подобие; причиною же мечтания образов сих бывает немощь, а не чистота ума.

Это было и с философами внешними, потому что почли духовным то, о чем не прияли истинного учения от Бога. От скопления и движения мыслящей силы их, от разумений помыслов своих заключали они в самомнении своем, что они суть нечто; а вместе с этим рассуждали, как они существуют (т.е. как получили бытие), чтобы открытие их происхождения и изменение уподобления соделалось для них тем и другим. И разглагольствовавши об этом в ненадлежащем самомнении, Единого Бога разделили в многобожии, говорили и сошлись между собою в суесловии помыслов, и эту мечту безумия помыслов своих называли умозрением естеств.

Посему истинное созерцание естеств чувственных и сверхчувственных, и Самой Святой Троицы, приходит в откровении Христовом. Ему научил и его указал человекам Христос, когда первоначально в Своей Ипостаси совершил обновление естества человеческого, возвратил и дал ему первую свободу и проложил нам путь Собою к тому, чтобы животворящими Его заповедями восходить к истине. И естество тогда только способно соделаться зрителем истинного, а не мечтательного созерцания, когда человек первоначально претерпением страданий, деланием и скорбию совлечется

ветхого страстного человека, как новорожденный младенец совлекается одежды, выносимой из матерних ложесн. Тогда ум способен возродиться духовно, быть узренным в мире Духа и приять созерцание отечества своего.

Поэтому ныне созерцание тварей, хотя оно и сладостно, есть только тень ведения. И сладость его (сего созерцания) не отличается от мечтаний во сне. Поэтому созерцание нового мира духом откровения, которым ум услаждается духовно, есть действие благодати, а не тень ведения; и сладость его неотделима от той, какую описал Апостол, говоря: «ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его», святым «же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует, и глубины Божия» (1Кор. 2,9–10). И сие-то созерцание бывает пищею ума, пока не укрепится он и не придет в состояние приять созерцание высшее первого созерцания; потому что одно созерцание передает человека другому созерцанию, пока ум не будет введен в область совершенной любви. Ибо любовь есть вместилище духовного, и водворяется в чистоте души. Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание и делается зрителем сокровенного.

Двумя способами, как сказал я, дается дарование откровений умного созерцания: иногда дается по благодати, за горячность веры; а иногда – за делание заповедей и за чистоту. По благодати, как блаженным Апостолам, которые не деланием заповедей очистили ум и сподобились откровения созерцания, но горячностью веры; потому что в простоте уверовали во Христа и, не колеблясь сомнением, с горящим сердцем последовали за Ним. И когда Христос совершил достопоклоняемое Свое домостроительство, то послал им Духа Утешителя, очистил и усовершил ум их, действительно умертвил внутри их ветхого, страстного человека и действительно оживотворил в них нового, духовного человека, и прияли они ощущение того и другого. Так и блаженный Павел обновлен был таинственно и потом приял созерцание откровения тайн; но и при этом не полагался на оное. Хотя и действительно приял он благодать и дар, но все время жизни своей совершал течение,

чтобы, по возможности, воздать той благодати, какой сподобился, когда Господь с ним, как с присным Своим, беседовал на пути и послал его в Дамаск. Не написано, что Иисус беседовал с ним явно, но пишется, что Анания сказал ему: «Савле брате, Господь наш Иисус Христос, явлейтис на пути, ...посла мя к тебе, да прозрят очи твои, и исполнишися Духа Свята» (Деян. 9,17).

(Слово 55, стр. 268–270)

## **Созерцание. Кому оно дается.**

Совершенно справедливо, возлюбленные, что, если бы Бог на малое время даровал людям это истинное созерцание, то в мире сем не стало бы преемства (рода человеческого). Созерцание это служит узами, пред которыми не может устоять природа, и для приемлющего в душу свою постоянное размышление о сем – оно есть благодать Божия, которая сильнее всех отдельных деланий и которая дается находящимся на средней степени, в правоте сердца желающим покаяния. Дается же именно тем, о коих известно Богу, что им действительно подобает удаляться от мира сего к лучшей жизни по благой Его воле, какую обрел Он в них. Возрастает же и пребывает благодать сия в них в отшельнической и уединенной их храме. Сего созерцания будем испрашивать в молитвах; ради него будем совершать долгие бдения, и со слезами станем умолять Господа, чтобы даровал нам его, как благодать, ни с чем не сравнимую, и мы не будем уже более изнемогать в трудах мира сего. Вот начало помыслов жизни, совершающее в человеке полноту правды!

(Слово 86, стр. 413–414)

## **Суть вещей будущего века и их тайна.**

Писание не истолковало нам, что суть вещи будущего века. Но оно просто научило нас, как ощущение наслаждения ими мы можем получить еще здесь, прежде естественного изменения и исшествия из мира сего<sup>11</sup>. Хотя Писание, чтобы возбудить нас к вожделению будущих благ, изобразило оные под именами вещей у нас вожделенных и славных, приятных и драгоценных, когда говорит: «ихже око не виде, и ухо не слыша» (1Кор. 2,9) и прочее, но этим возвестило нас то, что будущие блага непостижимы и не имеют никакого сходства с благами здешними.

(Слово 2, стр. 10)

## Тайны Божии.

Умное созерцание, в каком пребывает чин существ небесных, и видение, до пришествия Христа во плоти, не были для них столько доступны, чтобы проникать им в сии тайны. Но когда воплотилось Слово, отверзлась им дверь в ИИСУСЕ, как говорит Апостол. А если бы мы соделались непорочными и чистыми, то рассуждаю (а сие и действительно так), что у нас – человек мысли наши, без посредства существ небесных, не могли бы приблизиться к откровениям и познаниям, возводящим к оному вечному созерцанию, которое подлинно есть откровение тайн, потому что уму нашему недостает такой силы, какая есть у горних сущностей, которые приемлют откровения и созерцания непосредственно от Вечного. Ибо и они приемлют в образе, а не без прикровения; подобно им приемлет (видения и откровения) и наш ум. Ибо каждый чин приемлет чрез передание от другого чина с соблюдением строго порядка и различия в сообщении от первого чина второму, пока тайна перейдет таким образом ко всем чинам. Но многие из тайн останавливаются на первом чине и не простираются на другие чины, потому что, кроме сего первого чина, все прочие не могут вместить в себя величия тайны. А некоторые из тайн, исходя от первого чина, открываются одному второму чину, и им сохраняются в молчании, другие же чины не постигли оных; и некоторые тайны доходят до третьего и до четвертого чина. И еще в откровениях, видимых святыми ангелами, бывают приращение и умаление. А если так бывает у них, то кольми паче можем ли мы приять таковые тайны без их посредства?

Напротив того, от них бывает то, что в уме святых является ощущение откровения какой-либо тайны. И как скоро попущено Богом, чтобы откровение передавалось от чина высшего и потом низшего другому чину, то таким образом, как скоро Божиим мановением попущено доходить чему-либо до естества человеческого, доходит сие к людям, по всему тому достойным. Ибо чрез горние чины приемлют святые свет созерцания даже до славного Присносутия – сей неизучаемой тайны, сами же

они приемлют друг от друга, потому что суть «служебнии дуси... посылаеми» к тем, которые готовы соделаться наследниками жизни (Евр. 1,14). Но в будущем веке упразднится такой порядок, потому что не один от другого будет принимать тогда откровение славы Божией, к прославлению и веселию души своей, но каждому, по мере доблестей его, непосредственно, что следует ему, дано будет Владыкою по достоинству, и не от другого, как здесь, примет он дар. Ибо там нет ни учащего, ни поучаемого, не имеющего нужду, чтобы другой восполнил недостаток его. Там один Даятель, непосредственно дарствующий способным приять, и от Него приемлют обретающие небесное веселие. Там прекратятся чины учащихся и учащихся, и быстрота желания всякого будет стремиться к Единому.

(Слово 18, стр. 74–76)

## Тайна спасительного делания.

Бог в шесть дней привел в порядок весь состав мира сего, устроил стихии, приснодвижному их движению дал благоустройство для служения, и не остановятся они в течении до своего разорения. Их-то силою, то есть силою первобытных стихий, составил Он и наши тела. Но и стихиям не дал покоя в движении их, ни телам нашим, из стихий происшедшим, отдохновения от делания. Предел же отдохновения от делания положил в нас до тех пор, когда тела наши последуют первому своему сродству, и это есть разрешение от жизни сей. Так и Адаму сказал: «в поте лица твоего снеси хлеб твой». И долго ли будет сие? «Дондеже возвратишия в землю, от неяже взят еси, и которая возрастит тебе терния и волчцы» (Быт. 3,18–19). Вот тайны делания жизни сей, пока ты живешь! Но с той ночи, в которую Господь изливал пот, пременил Он пот, изведший терния и волчцы, на пот, проливаемый в молитве и вместе в делании правды.

Пять тысяч и пять сот слишком лет Бог оставлял Адама трудиться на земле, потому что дотоле «не у явися святых путь», как говорит божественный Апостол (Еф. 3,5; Евр. 9,8). В последок же дней пришел и заповедал свободе один пот заменять другим потом, дозволил не отдохновение от всего, но пременение всего; потому что за продолжительность злострадания нашего на земле оказал нам Свое человеколюбие. Посему, если престанем проливать на земле пот, то по необходимости пожнем терния. Ибо оставление самой молитвы есть делание отелесения земли, которая естественно произращает терния (т.е. чрез прекращение молитвы земля сердца нашего грубеет). Действительно же, страсти суть терния и произрастают в нас от сеяния в тело (Гал. 6,8). Пока носим на себе образ Адамов, необходимо носим в себе и страсти Адамовы. Ибо невозможно земле не произращать прозябений, свойственных природе ее. Порождение же ее естества есть земля тел наших, как гласит Божие свидетельство: «земля, от

неяже взят еси» (Быт. 3,19). Та земля произращает терния, а сия разумная – страсти.

Если Господь по всему был для нас образом, в таинстве, во всех различных действиях домостроительства Своего, и даже до девятого часа пятка не престаивал от дела и труда (а это есть тайна делания нашего целую жизнь), в субботу же почил во гробе, то где утверждающие, что в жизни еще есть суббота, т.е. отдохновение от страстей? О дне же воскресном высоко для нас и говорить. Наша суббота есть день погребения. Там действительно субботаствует естество наше. Ежедневно же, пока стоит земля, надлежит нам нужда исторгать из нее терния. За продолжительность только нашего делания оскудевают сии терния, потому что не всецело очищается от них земля. И если это так, и при временном обленении, или при малом нерадении, умножаются терния, и покрывают лице земли, подавляют посеянное тобою, и труд твой обращают в ничто, то каждый уже день должно очищать землю, потому что прекращение очищения увеличивает множество терний, от которого да очистимся по благодати Единосущного и Единородного Сына Божия! Ему слава со безначальным Отцем и животворящим Духом во веки! АМИНЬ.

(Слово 19, стр. 78–79)

## Твердость веры в Бога.

Человеку, во время молитвенного прошения своего, утвердиться в уповании на Бога есть лучшая часть благодати веры. Твердость же веры в Бога не то, что здоровое (православное) исповедание, хотя оно и мать веры; напротив того, душа видит истину Божию по силе жития. Когда в святых писаниях находишь веру, соединенную с делами, тогда рассуждения о ней не принимай за рассуждение о правом исповедании, потому что вера, доводящая до несомненности в уповании, никогда не достигается людьми некрещенными (не облеченными во Христа – Гал. 3,27; не приявшими Духа – Иоан. 3,5) или – у которых ум растлен для истины. Ибо несомненность веры в людях, высоких душою, открывается по мере того, как они по нравам своим сообразуются в житии с заповедями Господними.

(Слово 30, стр. 133)

## Телесное движение. От чего оно бывает?

Движение в низших членах тела, бывающее без усиленных помыслов бессмысленного сластолюбия, которое возбуждается с воспламенением и непроизвольно влечет душу в бедствие, без сомнения, есть следствие пресыщения чрева. Если же чрево и соблюдает, может быть, умеренность в пище, но члены непроизвольно, каким бы то ни было образом, приходят в движение, то знай, что в самом теле источник страсти. И в этой борьбе почитай для себя крепким и непреодолимым оружием – удаляться от лицезрения женщин, потому что противник не может произвести в нас того, что в состоянии сделать природа своею силою. Ибо не думай, что природа забывает о том, что естественно всеяно в нее Богом для чадородия и для испытания пребывающих в сем подвиге. Но удаление от предметов вожделения умерщвляет в членах похоть, производит забвение о ней и истребляет ее.

Инаковы помыслы о предметах, которые отдаленны, приходят только в мысли и производят собою легкое и едва ощутительное движение. Инаковы же помыслы, которые видением предмета погружают ум в самозабвение, возбуждают страсти близостию (предмета), питают похоть в человеке, как елей питает горение светильника, воспламеняют страсть уже омертвевшую и угасшую, и пучину тела возмущают движением корабля мысли. То естественное движение, которое живет в нас собственно ради чадородия, без присовокупления чего-либо отвне, не может смутить нашего произволения и отвлечь его от чистоты и потревожить целомудрия, потому что Бог не дал природе силы преодолевать доброе произволение, устремляющееся к Нему. Но когда возбужден кто или раздражительностию, или похотию, тогда не сила естественная понуждает его выйти из пределов естества и выступить из своих обязанностей, а то, что присовокупляем мы к естеству по своему произволу. Что ни сотворил Бог, все сотворил прекрасно и соразмерно. И пока правильно сохраняется в нас мера естественной соразмерности, движения естественные не могут

понудить нас уклониться с пути (целомудрия); напротив того, в теле возбуждаются одни благочинные движения, которые дают только знать, что есть в нас естественная страсть, но не производят щекотания страсти и смятения, чтобы тем воспрепятствовать течению целомудрия, и не омрачают ума раздражительностию и не приводят из мирного состояния в состояние гневное. Если же увлекаемся иногда чувственным (от чего и раздражительность принимает обыкновенно противоестественное стремление) и предаемся или ядению, или питию, в превосходящем меру количестве, или сближению с женщинами и смотрению на них, или беседам о них, чем воспламеняется и быстро распространяется в теле огонь похотения, то естественную кротость свою изменяем при этом в свирепость, или по причине обилия влаги в теле, или по причине видения разных вещей. Бывает же иногда движение в членах и по Божью попущению за нашесамомнение, и оно уже не таково, как указанное выше. Ибо те брани называем свободными, и в них виден путь общего естества. О сей же брани, которая бывает вследствие попущения по причине нашего самомнения, знаем, что, когда долгое время бываем внимательными к себе и трудимся, даже почитаем себя преуспевшими несколько, попускается терпеть нам сию брань, чтобы научиться смирению. Прочие же брани, без этой причины бывающие нам не по силам, происходят от нашей лени. Ибо естество, когда по чревоугодию принимает в себя некое добавление к чувственному, не соглашается уже хранить тот порядок, какой установлен при его создании. Кто добровольно отринул скорби (подвижничества) и неисходное пребывание в келии, тот понуждается возлюбить грехи. Ибо без скорбей не можем освободиться от обольщений мудрования. В какой мере умножаются эти труды, в такой уменьшаются брани, потому что скорби и беды умерщвляют в страстях сладострастие, а покой питает и возвращает их.

Итак, ясно уразумел я, что Бог и ангелы Его радуются, когда мы в нуждах, а диавол и делатели его – когда мы в покое. Если же в скорбях и теснотах совершаются заповеди Божии, а мы уничижили их, то значит уже, что и Самим Заповедавшим

заповеди ухищряемся пренебрегать по причине страстей, рождающихся от нашего покоя, и приводим в бездействие причину добродетели, т.е. тесноту и скорбь, и, по мере приобретаемого нами себе покоя, даем в себе место страстям, потому что в утесняемом теле помыслы не могут предаваться суетным парениям. Когда же кто с радостью переносит труды и скорби, тогда может сильно обуздывать и помыслы, потому что помыслы сии трудами приводятся в бездействие. Когда человек памятует прежние свои грехи и наказывает себя (вольными скорбями), тогда и Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его. Бог радуется, что за уклонение от пути Божия сам он наложил на себя наказание, что служит знаком покаяния. И чем более делает он принуждений душе своей, тем паче приумножается Богом честь его. Всякая же радость, причина которой не в добродетели, в обретшем оную немедленно возбуждает похотливые движения. Разумей же, что сказали мы это о всяком страстном, а не о естественном похотении. Богу же нашему да будет слава во веки веков! АМИНЬ.

(Слово 77, стр. 382–385)

## Телесное делание. Кому оно полезно и кому нет?

Тот же старец вопрошен был однажды некоторым братом: «Что мне делать? Нередко бывает у меня какая-нибудь вещь, в которой имею надобность, или по немощи, или по делу, или по другой какой причине, и без этой вещи не могу жить в безмолвии, но вижу, что кто-нибудь имеет в ней нужду, и преодолеваемый жалостию отдаю ему эту вещь, а часто делаю это и потому, что бываю кем-либо упрощен. Ибо вынуждают меня к тому и любовь, и заповедь, и уступаю, что самому мне нужно. А потом потребность для меня этой вещи делает, что впадаю в беспокойство и смущение помыслов; и это отвлекает мой ум от попечения о безмолвии, иногда даже бываю принужден оставить безмолвие, и идти искать той же вещи. Если же достает терпения не выходить из безмолвия, то бываю в великой скорби и в смятении помыслов. Поэтому не знаю, что избрать мне: или для успокоения брата своего делать то, что рассеивает меня и прекращает мое безмолвие, или презирать просьбу, и пребывать в безмолвии?»

На это старец отвечал: «Если милостыня, или любовь, или милосердие, или что-либо, почитаемое сделанным для Бога, препятствуют твоему безмолвию, обращают око твое на мир, ввергают тебя в заботу, помрачают в тебе памятование о Боге, прерывают молитвы твои, производят в тебе смятение и неустройство помыслов, делают, что перестаешь заниматься божественным чтением, оставляешь это оружие, избавляющее от парения ума, ослабляют осторожность твою, производят, что, быв дотоле связан, начинаешь ходить свободно, и, вступив в уединение, возвращаешься в общество людей, пробуждают на тебя погребенные страсти, разрешают воздержание чувств твоих, воскрешают для мира тебя, умершего миру, от ангельского делания, о котором у тебя единственная забота, низводят тебя, и поставляют на стороне мирян, – то да погибнет такая правда! Ибо выполнять обязанность любви, доставлял успокоение телесное, есть дело людей мирских, а если и монахов, то недостаточных, не пребывающих в безмолвии, или

таких, у которых безмолвие соединено с единомудушным общежитием, которые непрестанно и входят и выходят. Для таковых это есть дело прекрасное и достойное удивления.

А тем, которые действительно избрали для себя отшельничество от мира и телом и умом, чтобы установить мысли свои в уединенной молитве, в омертвлении для всего преходящего, для зрения мирских вещей и для памятования о них, – таковым не подобает служить Христу деланием чего-либо телесного и правдой дел явных (чтобы ими оправдаться), но, по слову апостола, умерщвлением удов своих, «яже на земли» (Кол. 3,5), надлежит приносить Христу чистую и непорочную жертву помыслов, как первый плод возделывания самих себя, и телесную скорбь в терпении опасностей, ради будущего упования. Ибо житие иноческое равночестно ангельскому. И не подобает нам, оставив небесное делание, держаться житейского».

(Слово 13, стр. 53–55)

## **Телесное житие по Богу.**

Телесным житием по Богу называются дела телесные, которые совершаются для очищения плоти добродетельной деятельностью посредством явных дел, которыми человек очищается от плотской нечистоты.

(Слово 80, стр. 393).

## **Телесное изнеможение.**

### **Оно опасно в духовном делании.**

Остерегайся, чтобы не изнемогло слишком тело твое, и от того не усилилось против тебя нерадение, и не охладило в душе твоей вкуса к ее деланию. Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое. В то время, когда насыщаешься, остерегайся давать себе и в малом свободу.

(Слово 40, стр. 169)

## **Тело. Страх за тело. Чем он побеждается?**

Страх за тело бывает в людях столько силен, что вследствие одного нередко остаются они неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. Но когда на страх за тело приникает страх за душу, тогда страх телесных изнемогает пред страхом душевным, как воск от силыжигающего его огня.

(Слово 2, стр. 16–17)

## **Терпение древних языческих философов.**

Посмотрим же на безбожных, так называемых, философов. Один из них положил себе в мысли своей законом – хранить молчание несколько лет. Император римский, удивленный этим слухом, захотел подвергнуть его испытанию. Поэтому приказал привести его к себе, и когда увидел, что он решительно молчит при всяком вопросе, какой ни предлагал ему, и не отвечает, разгневался на него и велел предать смерти за то, что не уважил престола и венца славы его. Но философ не убоился, а, напротив того, хранил закон свой и безмолвно готовился к смерти. Император же дал приказ исполнителям казни: «Если убоится меча, и нарушит закон свой, умертвите его, а если устоит в своей воле, возвратите его ко мне живого». Итак, когда он приблизился к назначенному месту, и получившие приказание, нанося оскорбления, принуждали его нарушить свой закон и не подвергаться смерти, тогда рассуждал он: «Лучше в один час мне умереть и сохранить волю свою, ради исполнения которой столько времени подвизался, нежели быть побеждену страхом смерти, поругать свою мудрость и подвергнуться нареканию в боязливости при встретившейся крайности». И без смущения простерся он, чтобы принять усечение мечом. Донесено было о сем императору; император удивился и отпустил его с честью.

Иные совершенно попрали естественное вожделение; другие легко переносили злословие; иные без скорби претерпевали жестокие болезни; а иные показали свое терпение в скорбях и великих бедствиях.

(Слово 91, стр. 344–345)

## Терпение и малодушие. Врачевство и малодушие.

Всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, если нет при них терпения, служат к сугубому мучению, потому что терпение в человеке отвращает бедствия, а малодушие есть мать мучения. Терпение есть мать утешения и некая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца. Человеку трудно найти эту силу в скорбях своих без Божественного дарования, обретаемого неотступностью молитвы и изливанием слез.

Когда угодно Богу подвергнуть человека большим скорбям, попускает впасть ему в руки малодушия. И оно порождает в человеке одолевающую его силу уныния, в котором ощущает он подавленность души, и это есть вкушение геенны; сим наводится на человека дух исступления, из которого исходят тысячи искушений: смущение, раздражение, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселение из одной страны в другую и т. под. Если же спросишь: что причиною всего этого? – то скажу: твое нерадение, ибо сам ты не позаботился взыскать врачевства из этого. Врачевство же от всего этого одно; при помощи только оно человек находит скорое утешение в душе своей. Какое же это врачевство? – Смиреномудрие сердца. Без него никто не возможет разорить преграду (крепость) сих зол; скорее же найдет, что превозмогли над ним бедствия.

Не гневайся на меня, что говорю тебе правду. Не взыскал ты смиреномудрия всею душею своею. Но если хочешь, вступи в его область, и увидишь, что освободит оно тебя от зла твоего. Ибо по мере смиреномудрия дается тебе терпение в бедствиях твоих, а по мере терпения облегчается тяжесть скорбей твоих, и приемлешь утешение; по мере же утешения твоего увеличивается любовь твоя к Богу; и по мере любви твоей увеличивается радость твоя о Духе Святом. Щедролюбивый Отец наш – у истинных сынов Своих, когда соблаговолит сотворить облегчение их искушений, не отъемлет искушений их, но дает им терпение в искушениях. И все сии блага они приемлют рукою терпения своего к усовершению душ своих.

(Слово 79, стр. 391–392)

## Томление души.

Взглянем, возлюбленные, в душу свою во время молитвы: есть ли в нас созерцание при чтении стихов, содержащих поучение и молитву? Оно бывает следствием истинного безмолвия. И в то время, как бываем в омрачении, не будем смущаться, особливо если не в нас тому причина. Приписывай же это (помрачение) Промыслу Божию, действующему по причинам, известным единому Богу. Ибо в иное время душа наша томится и бывает как бы среди волн, – и читает ли человек Писание, или совершает службу, и во всяком деле, за какое ни примется, приемлет омрачение за омрачением. Таковой удаляется (от мирного устройства), и часто не попускается ему даже приблизиться к оному; и вовсе не верит он, что получит изменение (к лучшему), и что будет (опять) в мире. Этот час исполнен отчаяния и страха; надежда на Бога и утешение веры в Него совершенно отходят от души; и вся она всецело исполняется сомнения и страха.

Претерпевшие искушение в этой волне часа сего по опыту знают, какое изменение последует при окончании его. Но Бог не оставляет души в таком состоянии на целый день, потому что она утратила бы надежду христианскую; напротив того, скоро творит ей и "избытие" (1Кор.10,13). Если же тревожное состояние этого омрачения продолжается более, то вскоре ожидай изменения жизни от среды ее (т.е. смерти).

А я предложу тебе, человек, и дам совет: если не имеешь силы совладеть с собою и пасть на лице свое в молитве, то облеку голову свою мантиею своею, и спи, пока не пройдет для тебя этот час омрачения, но не выходи из своей храмины. Сему искушению подвергаются наипаче желающие проводить житие умное и в шествии своем взыскующие утешения веры. Поэтому всего более мучит и утомляет их этот час сомнением ума; следует же за сим с силою хула, а иногда приходит на человека сомнение в воскресении, и иное нечто, о чем не должно нам и говорить. Все это многократно познавали мы опытом, и к утешению многих описали борьбу сию.

Пребывающие в делах телесных совершенно свободны от сих искушений. На них приходит иное уныние, известно всякому, и оно по своему действию отлично от сих и подобных сим искушений. Здравие и уврачевание (страждущего им) исходятся безмолвием. Вот утешение для него! В общении же с другими никогда не приемлет он света утешения, и уныние сие беседами человеческими не врачуется, но усыпляется на время, а после сего восстает на человека с большею силою. И ему необходимо нужен человек просвещенный, имеющий опытность в этом, который бы просвещал его и укреплял при всяком случае во время нужды, но не всегда. Блажен, кто претерпит это, не выходя за дверь (келии). Ибо после этого, как говорят Отцы, достигнет он великого покоя и силы. Впрочем не в один час и не скоро оканчивается борьба сия, и благодать не вдруг приходит в полноте и вселяется в душе, но постепенно, и от нее рождается первое (т.е. утешение): временем искушение и временем утешение; и в таком состоянии человек пребывает до исхода своего. А чтоб совершенно стать чуждым сего и совершенно утешиться, не будем на это и надеяться здесь. Ибо Бог благоизволил, чтобы так устроилась жизнь наша здесь, и чтобы шествующие путем сим пребывали в этом (т.е. то в искушении, то в утешении).

(Слово 88, стр. 416–418)

## Упокоение святых Божественным огнем.

ВОПРОС. Почему так сладостна (святым) надежда, и житие ее и дела ее легки, и скоро совершаются дела ее в душе?

ОТВЕТ. Потому что пробуждается в душе святых естественное пожелание, и дает им пить из этой чаши, и упоевает их красотою оною (духовною). Посему-то не чувствуют уже они труда, но делаются нечувствительными к скорбям и во все продолжение своего шествия думают, что шествие их совершается по воздуху, а не человеческими идут они стопами; потому что не видят они трудности пути, пред ними нет холмов и потоков, «и будут... им острая в пути гладки» и проч. (Ис. 40,4), и потому что ежечасно обращено внимание их на лоно Отца их, и самая надежда как бы перстом, в каждое мгновение, указывает им отдаленное и невидимое, как бы гадательно взирающим на сие сокровенным оком веры, и потому что желанием отдаленного, как бы огнем, разжены все части души, и отсутствующее вменяется ими за присущее. Туда простирается все протяжение их помыслов, и всегда поспешают достигнуть туда; и когда приближаются к совершению какой-либо добродетели, не частично над нею одною трудятся, но вдруг и всецело совершают ее во всех частях, потому что исполины сии шествие свое не царским совершают путем, как все прочие, но избирают для себя стези краткие, по которым иные явственно приходят скоро в обители. Самая надежда разжигает их как бы огнем, и не могут дать себе отдыха в стремительном и непрестанном течении, совершаемом с радостью. С ними бывает сказанное блаженным Иеремиею ибо говорит: «рекох: не вспомяну имене Его, ниже возглаголю кому во имя Его: и бысть в сердцах моих яко огонь горящ», и проникающий в кости мои (Иер. 20,9). Так памятование о Боге действует в сердцах их, упоеваемых надеждою обетований Божиих. Краткие стези добродетелей суть добродетели всеобщие, потому что не имеют они (всеобщие добродетели) большого расстояния между многими стезями жития от одной

стеzi до другой: не выжидают ни места, ни времени, не допускают расточения, но тотчас принимаются за дело, и исполняют это.

(Слово 48, стр. 209–210)

## **Усовершенствование себя.**

Что такое усовершенствование себя? Глубина смирения, т.е. оставление всего видимого и невидимого (видимого, т.е. всего чувственного, и невидимого, т.е. мысленного) и попечения о том.

(Слово 48, стр. 205)

## **Для успешной молитвы необходимо уединение.**

Если намерен ты предать душу свою на дело молитвы, очищающей ум, и на пребывание в бодрствовании ночью, чтобы приобрести светлый разум, то удаляйся от зрения мира, прекрати беседы с людьми и не желай принимать по обычаю в келлию свою друзей, даже под предлогом пользы (в сирийском тексте: «даже с благочестивыми целями»), кроме единомысленных с тобою и сотоварищей твоих; бойся нарушения душевной беседы (т. е. собеседования с Богом), которая обыкновенно возбуждается произвольно, по отсечении и отрешении и совершенном прекращении внешней беседы. С молитвою своею соприкоснись милостию, и душа твоя узрит свет истины. Ибо в какой мере сердце перестает тревожиться внешними предметами, в такой же – ум может чрез уразумение мыслей (или непосредственно внушаемых Богом человеку, или заключающихся в Св. Писании) доходить до постижения и дел Божественных и до изумления (ими). Ибо душе обычно скоро заменять (человеческие собрания собеседованием с Богом и словами Божиими) одну беседу другою, если постараемся показать малую рачительность. А чтобы заменить одно собеседование другим, занимайся чтением Писания, открывающим тебе путь тонкости созерцания, и житиями святых, хотя сначала и не ощутишь сладости по причине омрачающей близости вещей. И когда станешь на молитву и на правило свое, то вместо размышления о том, что видел и слышал в мире, найдешь в себе размышление о Божественных Писаниях, какие прочел, и сим размышлением приведется в забвение память о мирском, и, таким образом, придет ум в чистоту. Это и значит написанное, что душа приемлет помощь от чтения, когда станет она на молитву, и также от молитвы просвещается в чтении. И чтение, опять, вместо внешнего смущения доставляет пищу разным видам молитвы, а потому и чтением душа просвещается, чтобы всегда молиться неленостно и несмущенно.

(Слово 56, стр. 285–286)

## **Философы. Надо ли обращаться за советом к философу?**

Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобою образа жизни, хотя он и очень мудр. Доверь помысл свой лучше человеку неученому, но опытно изведавшему дело, нежели ученому философу, который рассуждает по своим исследованиям, не испытав на деле.

(Слово 78, стр. 386)

## **Хвастовство. За хвастовство Бог попускает изменения.**

Не хвались никогда в речах своих делами своими, чтобы не быть посрамленным. Во всем, чем ни хвалится человек, Бог попускает ему изменяться, чтобы он был уничижен, и научился смирению. Поэтому должен ты все предоставить Божью предведению и не верить, будто бы в этой жизни есть что-либо неизменное.

(Слово 57, стр. 294–295)

## **Худые помыслы.**

Не решайся искушать ум свой непотребными помыслами или зрением вводящих тебя в искушение лиц, даже когда думаешь, что не будешь преодолён сим, потому что и мудрые таким образом омрачались и впадали в юродство. Не скрывай пламени в пазухе своей, без сильных скорбей плоти своей. (Притч. 6, 27): («Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его?»).

(Слово 2, стр. 12)

## **Худое поведение. Отношение к разным людям худого поведения.**

Лучше жить со зверями, нежели с людьми худого поведения. Лучше пребывай с коршунами (хищными птицами, питающимися трупами), нежели с человеком любостыжательным и ненасытным. Лучше будь другом убийце (в надежде его исправления), нежели любителю споров. Лучше беседуй со свиньей, нежели с чревоугодником, потому что свиное корыто лучше прожорливых уст. Живи лучше с прокаженными, нежели с гордыми. Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть обижают, ты не обижай; пусть на тебя клеветают, ты не клевети; будь кроток, а не ревностен во зле (Пс. 36, 1, 7, 8).

Самооправдание – не христианского жития дело; об этом нет и намек в учении Христовом. Веселись с веселящимися, и плачь с плачущими (Рим. 12, 15); ибо это – признак чистоты. С больными болезнью; с грешными проливай слезы; с кающимися радуйся. Будь дружен со всеми людьми; а мыслию своею пребывай один. Принимай участие в страданиях всякого, а телом своим будь далеко от всех. Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей. Распрости одежду свою над согрешающим и покрой его. Если не можешь взять на себя грехов его и понести за него наказание и стыд, то будь, по крайней мере, терпелив и не стыди его. Знай, брат, что для того нам и надобно не выходить из дверей келлии, чтобы не знать злых дел человеческих; и тогда в чистоте ума своего во всех увидишь людей святых и добрых.

(Слово 89, стр. 424)

Не питай ненависти к грешнику, потому что все мы повинны; и если восстаешь на него ради Бога, то плачь о нем. И почему ты ненавидишь его? Ненавидь грехи его – и молись о нем самом, чтобы уподобиться Христу, Который не имел негодования на грешников, но молился о них. Не видишь ли, как плакал Он об Иерусалиме (Лук. 19,41)? И над нами во многом посмеивается диавол – за что же ненавидеть того, кто подобно

нам осмеян и над нами посмевающимся диаволом? И за что ты, человек, ненавидишь грешника? Не за то ли, что он не имеет праведности подобно тебе? Но где же твоя правда, когда не имеешь любви? Почему не плакал ты о нем? Но ты гонишь его. Иные по невежеству возбуждаются к гневу, считая себя умеющими судить дела грешных.

(Слово 90, стр. 430)

## Царство небесное.

О Царствии Небесном говорят, что оно есть духовное созерцание. И обретается оно не делами помыслов, но может быть вкушаемо по благодати. И пока не очистит себя человек, не имеет он достаточных сил и слышать о нем, потому что никто не может приобрести оно изучением.

Если ты, чадо, достигаешь чистоты сердца, производимой верою в безмолвии от людей, и позабудешь знание мира сего, так что не будешь и ощущать его, то внезапно обретется пред тобою духовное ведение, без разыскания о нем. Поставь, говорят, столп, и возливай на него елей, и найдешь сокровище в недре своем. Если же ты опутан сетью душевного ведения, то не неуместно мне сказать, что удобнее тебе освободиться от железных уз, нежели от этой сети; и всегда будешь недалек от сетей прелести, и никогда не уразумеешь, как возыметь дерзновение пред Господом и упование на Него, на всякий же час будешь ходить по острию меча, и никоим образом не сможешь быть без печали. В чувстве немощи и в простоте молись, чтобы хорошо жить тебе пред Богом и быть без попечения. Ибо как тень следует за телом, так и милость за смиренномудрием. Поэтому, если желаешь жить этим, то отнюдь не подавай руки немощным помыслам. Если всякий вред, всякая злоба и все опасности окружают и будут устрашать тебя, не заботься о сем и не ставь сего ни во что.

(Слово 49, стр. 216–217)

## **Царство Божие. Признаки приближения и удаления от него.**

Когда на пути своем находишь неизменный мир, тогда бойся, потому что далеко отстоишь от прямой стези, протоптанной страдальческими стопами святых. Ибо, пока ты еще на пути ко граду царствия, признаком приближения твоего ко граду Божию да будет для тебя следующее: сретают тебя сильные искушения, и чем более приближаешься и преуспеваешь, тем паче находящие на тебя искушения умножаются. А потому, как скоро на пути своем ощутишь в душе своей различные и сильнейшие искушения, знай, что в это время душа твоя действительно втайне вступила на иную, высшую ступень, и приумножена ей благодать в том состоянии, в каком она поставлена, потому что, соответственно величию благодати, в такой же именно мере Бог вводит душу и в скорбь искушений, и вводит не в мирские искушения, какие бывают с иными для обуздания порока и дел явных; не телесные возмущения разумеи также под искушениями, но искушения, какие приличны инокам в их безмолвии и которые разберем впоследствии.

(Слово 78, стр. 387)

## Цель скорбей, посылаемых человеку.

Как предаваемым в руки судей для наказания за злодеяние, если они, как скоро приближаются к пыткам, смиряются и немедленно сознаются в неправде своей, наказание уменьшается, и вскоре по малых скорбях освобождаются они; если же какие преступники бывают упорны и не сознаются, то подвергают их новым пыткам, и хотя напоследок, после многих истязаний, когда тело их покрыто бывает ранами и сознаются они невольно, но не получают от того никакой пользы, так и мы, когда за прегрешения наши, неосмотрительно нами сделанные, милосердие (Божие для пользы нашей) предаёт нас в руки праведного всех Судии и повелевает распростереть нас под жезл искушений, чтобы облегчить тамошнее наказание наше, если, как скоро приблизится к нам жезл Судии, смиримся, вспомним свои неправды и принесем в них исповедание пред Отмстителем (пред Богом), то, по кратковременных искушениях, вскоре избавимся; а если ожесточимся в скорбях своих и не исповедуем, что мы повинны им и достойны потерпеть еще и больше сих (скорби), но станем обвинять людей, а иногда бесов, в иное же время и Божию правду, и утверждать, что мы не заслуживаем таких дел, и это будем помышлять и говорить, а не помыслим, что Бог лучше нас самих знает и ведаёт нас, что суды Его по всей земле, и без Его повеления не наказывается человек, – то все случающееся с нами будет причинять нам непрестанную печаль, скорби наши увеличатся, и одна после другой будут они, подобно веревке, связывать нас, пока не познаем себя, не смиримся и не почувствуем беззаконий своих (ибо, не почувствовав их, невозможно нам дойти до исправления); и напоследок, томимые множеством скорбей, без пользы для себя будем приносить исповедание, когда обыкновенно уже не бывает утешения. Но сие – восчувствовать грехи свои – есть Божие дарование, входящее в нашу мысль, когда Бог видит, что утомлены мы многообразными искушениями, чтобы, при всех несчастиях и скорбях наших, не отойти нам из мира сего, не получив никакой пользы. И то, что

не уразумеваем искушений, бывает не по трудности (для разумения их), но от неразумия. Нередко иные, находясь в подобных обстоятельствах, отходят из мира сего виновными и не исповедующимися в своих грехах, но отрицающимися от них и обвиняющими (других или Бога); милосердый же Бог ожидал, не смирятся ли они как-нибудь, чтобы простить их и сотворить им избавление; и не только сотворил бы избавление их от искушений, но простил бы им и прегрешения, умиловившись и малым сердечным исповеданием.

(Слово 51, стр. 227–229)

## Целомудрие.

Как просветляется красота твоя, целомудрие, возлежанием на голой земле, трудом алкания, отъемлющего у тебя сон вследствие злострадания плоти, которая, при воздержании от яств, между ребрами и чревом делается подобною глубокому рву! Всякая снедь, приемлемая нами внутрь, и всякое упоение образуют в нас срамные подобию и безобразные признаки; и они рождаются, выходят наружу, делаются видимыми в сокровенной области ума нашего, и раздражают нас к тайному сообщению с делами срамными.

## **Честь – причина печали.**

Желающий себе чести не может иметь недостатка в причинах к печали. Нет человека, который бы с переменю обстоятельств не ощутил в уме своем перемены в отношении к предлежащему делу. Ежели вождение, как говорят, есть порождение чувств, то пусть умолкнут, наконец, утверждающие о себе, что и при развлечении сохраняют они мир ума.

(Слово 1, стр. 3)

## **Чин сущностей ангелов, демонов и человека.**

Всякая умопредставляемая сущность сокрыта для сущности, которая ниже ее; одна же от другой сокрыты они не по природе, а по движениям добродетелей; и говорю это о святых силах, о душевных чинах и о демонах. Первые от средних, и средние от третьих сокрыты и по природе, и по месту, и по движениям. Сущности же каждого чина, и сами для себя, и одна для другой в том же чине, видимы ли они, или невидимы, сокрыты по ведению, а от сущностей низшего чина – по естеству; потому что видение у существ бестелесных не вне их, как у существ телесных, но видеть им друг друга значит и добродетелями и мерою движений быть им внутри движений существ, ими видимых. Поэтому, если в равном уделе они досточестны, то, хотя и отдалены друг от друга, однакоже не мечтательно, но в нелживом видении, в истинном естестве, видят друг друга, кроме Причины всяческих. Которая, как единая достопокланяемая, превышает себя разности. Демоны, хотя и крайне нечисты, однакоже в чинах своих не сокрыты друг от друга, но не видят двух чинов (т.е. ангельского и душевного), которые выше их, потому что духовное видение есть свет движения, и он-то самый служит для них и зеркалом и оком. И как скоро омрачатся движения, существа не видят высших чинов. В собственном своем чине видят друг друга, так как они дебелие духовных чинов. И это имеет место в рассуждении демонов.

Души же, пока осквернены и омрачены, не могут видеть ни друг друга, ни себя самих, а если очистятся и возвратятся в древнее состояние, в каком созданы, то ясно видят сии три чина, т.е. чин низший их, чин высший, и друг друга. И не потому, что изменятся в телесный вид, увидят тогда ангелов или демонов, или друг друга; напротив того, узрят в самом естестве и в духовном чине. А если скажешь, что невозможно быть видиму демону или ангелу, если не изменятся они, не примут на себя видимого образа, то сие будет значить, что видит уже не душа, а тело. Но в таком случае какая нужда в очищении? Ибо

вот, и нечистым людям по временам являются демоны, равно как и ангелы; впрочем, когда видят они, видят телесными очами, и здесь нет нужды в очищении. Но не то бывает с душою, достигшею чистоты; напротив того, видит она духовно, оком естественным, то есть, прозорливым, или разумным. И не дивись тому, что души видят одна другую, даже будучи в теле. Ибо представляю доказательство ясное, по истинности свидетельствующего, – разумею же блаженного Афанасия Великого, который в сочинении об Антонии Великом говорит: Великий Антоний, стоя однажды на молитве, увидел чью-то душу, возносимую с великою честью, и ублажил сподобившегося таковой славы; блаженный же был Аммон из Нитрии, и та гора, на которой жил святой Антоний, отстояла от Нитрии на тринадцать дней пути. Сим примером о трех, сказанных выше, чинах доказано уже, что духовные природы видят одна другую, хотя и удалены одна от другой, и что не препятствуют им видеть друг друга расстояние и телесные чувства. Подобно и души, когда достигают чистоты, видят не телесно, но духовно; потому что телесное зрение совершается открыто, и видит, что пред глазами, отдаленное же требует много видения.

Горние чины (духи) в бытии неисчетно – многи, и именуются по отличию и чину Ибо почему названы Началами, Властями, Силами? Господствами наименованы, может быть, как отличенные честью. И они малочисленнее подчиненных им, как сказал святой Дионисий, епископ Афинский, но больше по власти и ведению, и очень разделены по величию своих чинов. Ибо простираются от чина в чин, пока не достигнут к единству паче всех великого и могущественного – Главы и основания всей твари. Главою же называю не Творца, но Стоящего во главе чудес дел Божиих. Ибо многие – ниже промышленности премудрости Бога, их и нашего Творца, и столько ниже, сколько под ними состоящие – ниже их самих. Называю же низшими, разумею высоту и низость не в месте, но в силе ведения, сообразно с тою мерою, какую приобретают в сравнении с последующим, большим или меньшим, ведением. Ибо все сии духовные сущности Божественное Писание наименовало

девятью духовными именами, и разделило их на три степени; и первую делит на великие, высокие и святейшие Престолы, многоочитых Херувимов и шестокрылатых Серафимов; вторую же степень – на Господства, Силы и Власти, и третью – на Начала, Архангелов и Ангелов. Чины же сии с еврейского толкуются: Серафимы – согревающие и сожигающие; Херувимы – обильные ведением и мудростию; Престолы – Божия опора и Божий покой; и сими именами названы чины сии по их действиям. Именуются же Престолы, как досточестные. Господства – как имеющие власть над всяким царством, Начала – как устрояющие эфир, Власти – как властвующие над народами и над каждым человеком, Силы – как крепкие силою и страшные видением своим, Серафимы – как освящающие, Херувимы – как носящие, Архангелы – как бодрственные стражи, Ангелы – как посылаемые.

В первый день сотворено девять духовных природ в молчании, и одна природа – словом; и это – свет. Во второй день сотворена твердь. В третий день произвел Бог собирание вод и прозябение злаков; в четвертый – отделение света; в пятый – птиц, пресмыкающихся и рыб; в шестой – животных и человека. Устройство целого мира – долгота и широта; начало – восток; конец – запад; правая сторона – север; левая – юг. Целую землю поставил Бог, как одр; высшее небо – как кожу и свод, и куб; второе небо, как колесо, примкнутое к первому небу, и то, что примкнуто к небу и земле; океан – как пояс, окружающий небо и землю, а внутри его высокие горы, достигающие до неба, и позади гор Солнце, чтобы проходило там в продолжение целой ночи, и среди сих гор великое море, которое занимает около трех четвертей всей суши.

(Слово 17, стр. 68–71)

## **Чистота.**

Что такое чистота? Кратко сказать: сердце, любящее  
всякую тварную природу.  
(Слово 48, стр. 205)

## Чистота ума.

ВОПРОС. *Что такое чистота ума?*

ОТВЕТ. Чист умом не тот, кто не знает зла (ибо такой будет скотоподобным), не тот, кто по естеству находится в состоянии младенческом, не тот, кто принимает на себя вид чистоты. Но вот чистота ума – просветление Божественным, по деятельном упражнении в добродетелях. И не смеем сказать, чтобы приобрел сие кто без искушения помыслами, потому что иначе он был бы необлеченным телом. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы наше естество до самой смерти не было боримо, и не терпело вреда. Искушением же помыслов называю не то, чтобы подчиняться им, но чтобы положить начало борьбе с ними.

(Слово 4, стр. 23)

## Чистота ума и чистота сердца.

ВОПРОС. *Чем разнствует чистота ума от чистоты сердца?*

ОТВЕТ. Иное есть чистота ума, а иное – чистота сердца. Ибо ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы, т.е. если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства. Если ум приложит старание к чтению Божественных Писаний или потрудится несколько в постах, в бдениях, в безмолвиях, то забудет прежний свой образ мыслей, и достигнет чистоты, как скоро удалится от скверного жития; однакоже не будет иметь постоянной чистоты; потому что как скоро он очищается, так же скоро и оскверняется. Сердце же достигает чистоты многими скорбями, лишениями, удалением от общения со всем, что в мире мирского, и умерщвлением себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты, то чистота его не сквернится чем-либо малым, не боится великих, явных браней, разумею брани страшные; потому что приобрело себе крепкий желудок, который может скоро переварить всякую пищу, несваримую в людях немощных. Ибо врачи говорят, что всякая мясная пища неудобоварима, но много силы сообщает телам здоровым, когда приемлет ее крепкий желудок. Так, всякая чистота, приобретенная скоро, в короткое время и с малым трудом, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продолжительным временем, не страшится какого-либо не превышающего меру приражения в которой-либо из частей души, потому что укрепляет душу Бог. Ему слава во веки веков! АМИНЬ.

(Слово 4, стр. 24–25)

## **Чистота ума. Чем она сохраняется и чем нарушается.**

Чувства целомудренные и собранные воедино порождают в душе мир и не попускают ей входить (увлекаться) в испытание вещей. А когда душа не приемлет в себя ощущения вещей, тогда победа совершается без борьбы. Если же человек вознерадит, и дозволит, чтобы имели к нему доступ приражения (помыслов), то принужден тогда бывает выдерживать брань. Возмущается же и первоначальная чистота, которая бывает весьма проста и ровна. Ибо по сему нерадению большая часть людей, или и целый мир, выходит из естественного и чистого состояния. Поэтому, живущие в мире, в тесных связях с мирскими людьми, не могут очистить ума, по той причине, что много познали зла. Немногие же в состоянии возвратиться к первоначальной чистоте ума. Потому, всякому человеку надлежит с осторожностью соблюдать всегда чувства свои и ум от приражений. Ибо много потребно трезвенности, неусыпности, предусмотрительности. Великая простота прекрасна.

(Слово 5, стр. 25–26)

## **Щедрость. Щедрое подаяние.**

Если даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряет даяние твое, и добрым словом утешь скорбь его. Когда сделаешь это, тогда твоя веселость в его сознании побеждает твое даяние, т.е. (она) выше удовлетворения потребности тела.

## **Милостыню необходимо подавать щедро.**

Если имеешь что лишнее сверх дневной потребности, раздай это нищим и иди с дерзновением приносить молитвы свои, т.е. беседуй с Богом, как сын с отцом. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня, и ничто не производит в уме такой тишины, как произвольная нищета. Лучше, чтобы многие называли тебя невеждою за простоту, нежели – мудрым и совершенным по уму за славу (в сирийском тексте: «за твою бережливость»). Если кто, сидя на коне, протянет к тебе руку, чтобы принять милостыню, не откажи ему, потому что в это время он, без сомнения, скуден, как один из нищих. Когда же подаешь, подавай с великодушием, с ласковостью на лице, и снабди его в большей мере, нежели сколько просил он. Ибо сказано: посли кусок твой на лице бедного, и не по многом времени найдешь воздаяние (Еккл. 11,1). (В нашем тексте: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его».) Не отделяй богатого от бедного, и не старайся распознавать достойного от недостойного; пусть все люди будут для тебя равны для доброго дела. Ибо сим способом можешь и недостойных привлечь к добру, потому что душа посредством телесного (благодаяния) скоро привлекается в страх Божий. И Господь разделял трапезу с мытарями и блудницами и не отлучал от себя недостойных, чтобы сим способом всех привлечь в страх Божий и чтобы посредством телесного приблизились к духовному Поэтому благотворением и честью уравнивай всех людей, будет ли кто иудей, или неверный, или убийца, тем паче что и он брат тебе, одной с тобой природы, и не с ведением заблудился от истины.

(Слово 56, стр. 286–287)

## **Юродство.**

Если человек не будет пренебрегать и почестями и бесчестиями и ради безмолвия терпеть поношение, поругание, вред, даже побои, не сделается посмешищем и видящие его не станут почитать его юродивым и глупцом: то не возможен он пребыть в благом намерении безмолвия.

(Слово 23, с. 11)

## **Явление ангелов подвижникам.**

Нужно ли говорить что о подвижниках, чуждых миру сему, и об отшельниках? Они пустыню соделали градом, обратили в селение и обитель ангелов. К ним, по благоустройству жития их, всегда приходили ангелы и, как слуги единого Владыки, иногда соратую, пребывали с теми, которые все дни жизни своей любили пустыню и из любви к Богу имели жилища свои в горах, вертепах и пропастях земных. И так как они, оставив земное, возлюбили небесное и соделались подражателями ангелов, то и сами святые ангелы по справедливости не скрывали за это от них зрака своего и исполняли всякое желание их, по временам же являлись им, научая, как надлежит им жить, а иногда объясняли то, в чем недоумевали они; иногда же сами святые вопрошали их, о чем надлежало. Иногда телам их, изнемогшим от неядения, прикосновением руки или словами сообщали сверхъестественную силу и укрепляли их; иногда же приносили им пищу, хлеб и даже овощи или какие-либо другие с хлебом вкушаемые снеди; и некоторым из них объявляли время, а иным и образ их преставления. И нужно ли перечислять многое, чем доказывается любовь к нам святых ангелов и всевозможное попечение их о праведных? Они промышляли о нас, как старшие братья о младенцах. Сказано же сие, чтобы всякий мог уразуметь, что «близ Господь всем призывающим Его ...во истине» (Пс. 144,18), и видеть, каково промышление Его о тех, которые посвятили себя на благоугождение Ему и от всего сердца Ему следуют.

(Слово 57, стр. 295–297)

## Примечания

<sup>1</sup> - К этим словам издатель греческого текста Никифор Феотдикис сделал такое примечание: «Это – или непорочность от телесных страстей, но не сущая на самом деле».

<sup>2</sup> - Слов «невидимое – таинственное» в греческом тексте нет (там стоит только слово «это»); но они есть в переводе Паисия.

<sup>3</sup> - В сирийском тексте: «Не оставляй несправедливую прибыль на ее месте, и не борись против чего-нибудь другого. Несправедливость искореняется милосердием и отречением, а ты оставляешь растение на его месте, и борешься против чего-то другого, как говорит великий святой учитель Ефрем».

<sup>4</sup> - «Всепремудро» в греческом издании нет; вставлено нами из перевода Паисия.

<sup>5</sup> - На первый взгляд, может показаться странной мысль, что в правосудии есть часть злобы; но эта мысль верная: надо только понять ее правильно. Возьмем такой случай. Человек занимался убийством, разбоем, кражей в течение многих лет и потом впал в какое-нибудь несчастье. Тот, кто не пожалеет этого преступника, а подвергнет его надлежащей каре, будет справедливым, но не будет милосердным. Таким образом, желающий быть справедливым не может быть милосердным. Поэтому преп. Исаак и говорит, что милосердие противоположно правосудию. А если правосудие противоположно милосердию, то значит, в нем есть немилосердие, т. е. злоба. Это не значит, конечно, что правосудие есть порок; нет, оно есть добродетель и одно из свойств Божиих; но это значит только, что оно ниже милосердия, потому что, как говорит ап. Иаков (2,13), «милость превозносится над судом». (Из прим. Никифора Феотокиса).

<sup>6</sup> - В сирийском тексте все это место (после слов «движется в вещественном») читается так: «Это его материальное направление есть страстное состояние, или впечатление внешней деятельности. Ибо ум невольно представляет себе также те вещи, посредством которых он совершает добродетели, и ими в немалой степени побуждается к волнению

и к собиранию мыслей. Ибо, даже если цель направлена к добру, ум может еще, вследствие недостатка упражнения, быть деятельным в направлении к телесному, хотя не страстным образом и до тех пор, пока ему тайное воздействие мысленных образов не готовит скорби по причине более сильного пламенения благодаря Богу, которое обыкновенно отсекает суетные воспоминания».

<sup>7</sup> - Преп. Исаак различает здесь вид знания сущих по естеству и вид знания сущих чрез естество. Первый не противен чистоте, а второй должен быть забыт для достижения чистоты. Вид знания сущих чрез естество есть знание вещей не просто по естеству, но с применением мыслей, происшедших от употребления вещей не по естеству, а по страсти. Так, представление в мыслях золота, как создания Божия, есть знания сущего по естеству; а представление золота с корыстным вожделением есть знание сущего чрез естество.

<sup>8</sup> - Т.е. не обращаются в бегство. В сирийском тексте: «...которые просто и без размышлений, из горячей любви к Богу, вверяют себя морю скорбей и не обращаются вспять».

<sup>9</sup> - По сирийскому тексту смысл такой: «Почему удовлетворение страстей тела дает ему рост и крепость, тогда как удовлетворение страстей души вредит ей, хотя они будто бы ей должны быть свойственны?»

<sup>10</sup> - Слов «свойственно ему» в греческом издании нет, дополнены же они из древней славянской рукописи. В сирийском тексте это место читается так (после слова «противоположны»): «то все, что телу доставляет пользу и радость, должно рассматриваться как чуждое природе души и возложенное на нее только посредством заимствования, если она себе усваивает это: ибо то, что принадлежит природе души, смертоносно для тела».

<sup>11</sup> - По сирийскому тексту мысль другая: «но оно просто научило нас, что здесь, без изменения нашей природы и перемены места, мы не можем получить ощущения о блаженстве от них».